

ИЗ НЕИЗДАННОЙ ПЕРЕПИСКИ Н. М. ЯЗЫКОВА

И. Н. М. ЯЗЫКОВ И В. Д. КОМОВСКИЙ

ПЕРЕПИСКА 1831—1833 гг.

Публикация М. Азадовского

Когда в 1833 г. появился сборник стихотворений Н. Языкова, Петр Киреевский написал по поводу восторженное письмо: „Здравствуй, брат Языков, да здравствуй. Это слово от полного сердца проникнутого восторгом. Хотя стихи твои все почти были знакомы мне прежде, однако действие, которое производит твоя книга, совсем новое и невероятное, как брови Татьяны Дмитриевны¹. Я читаю их всякое утро, и это чтение настраивает меня на целый день, как другого молитва или рюмка водки. И немудрено: в стихах твоих и то, и другое... Какой-то святой кабаk и церковь с трапезой во имя Аполлона и Вакха“².

Эта восторженная оценка была не одиночным мнением. Это было оценкой определенной группы, выражением определенного политического и философского мировоззрения. Несколько позже внутренняя оценка Петра Киреевского была осмыслена и поднята на огромную принципиальную высоту самым крупным теоретиком той же группы Иваном Киреевским. Возражая тем, кто клеймит поэзию Языкова как безнравственную и разгульную, он писал: „Когда Анакреон воспеваеt вино и красавиц, я вижу в нем веселого сластолюбца; когда Державин славит сладострастие, я вижу в нем минуту нравственной слабости, но, признаюсь, в Языкове я не вижу ни слабости, ни собственно сластолюбия, ибо где у других минута бессилия, там у него избыток сил, где у других простое влечение, там у Языкова восторг, и музыка, и вдохновение,—там пусть другие ищут грязного и низкого; для меня восторг и грязь кажутся таким же противоречием, как и огонь и холод, красота и безобразие, поэзия и вялый эгоизм... Если же при всем сказанном мы сообразим еще и то, что, может быть, нет поэта, глубже и сильнее проникнутого любовью к отечеству, славе и поэзии, что, может быть, нет художника, который бы ощущал более святое благоговение перед красотой и вдохновением, то тогда все упреки в безнравственности покажутся нам странными до комического, и нам даже трудно будет отвечать на них, ибо мудрено будет понять их возможность“. Основное свойство поэзии Языкова Киреевский характеризует как „стремление к душевному простору“,—это определяет весь характер поэзии Языкова: его содержание и его форму именно потому,—заявляет Киреевский,—что „господствующий идеал Языкова есть праздник сердца, простор души и жизни, потому господствующее чувство его поэзии есть какой-то электрический восторг, а господствующий тон его стихов —какая-то звучная восторженность“³.

Одновременно на страницах „Московского Телеграфа“ совершенно иную оценку давал критик другой общественной группы—Ксенофонт Полевой. Полевой проходил равнодушно мимо тех сторон поэзии Языкова, которые так превозносились и высоко расценивались Киреевским и его группой; в противовес им он выдвигает иное—обвинение поэта в холодности и общественном равнодушии. Два свойства, по утверждению критика, характеризуют истинного поэта: индивидуальность и современность. „Берегитесь тех лирических поэтов,—писал Полевой,—которые не знают ни отечества, ни времени: это

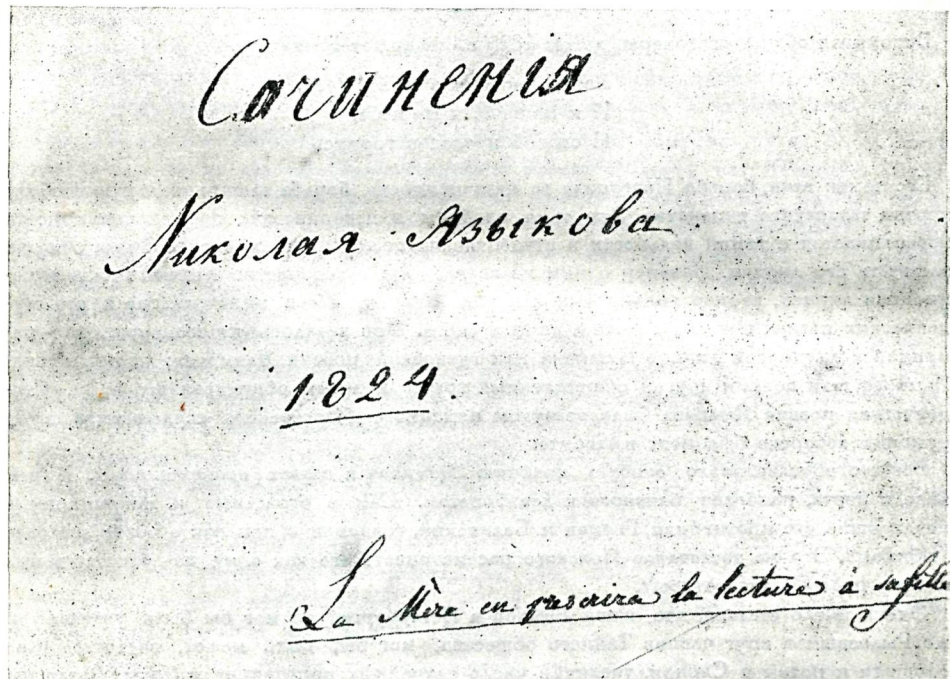
самозванцы... Человек, в наше время трепещущий от восторга при имени Аполлона и девяти муз, решительно жет на себя или говорит шутя. Русский, желающий быть греком, римлянином или итальянцем в лирической поэзии,—не поэт, ибо он идет вслед и подражает поэтам чужеземных народов, а подражатель не знает вдохновения. Это ремесленник, копирующий чужой рисунок, а не сам создавший его. И, наоборот, человек, не одушевляющийся при взгляде на своего прадеда, на могилы и деяния своих предков, не волнуемый идеями своего времени, своей судьбы, своих страданий, есть существо слабое, себялюбивое, мелкое, ничтожное, ибо только собственную свою особу видит он во всей природе, во всем мире, во всем отечестве своем". С этих позиций критик расценивал и Языкова. „Если мы зададим себе вопрос,—писал он далее,—какое чувство преимущественно выражают стихотворения г-на Языкова, то будем приведены в большое затруднение. Если спросим себя также, какие идеи господствуют в звучных стихах г-на Языкова, ответ будет не менее затруднителен. Но все еще скорее можно отыскать индивидуальность у сего поэта (ибо она должна быть, более или менее, у всякого пишущего), нежели открыть какие-либо идеи в ста шестнадцати напечатанных его стихотворениях".

В столкновении этих двух оценок вокруг книги Языкова с необычайной четкостью выразились основные линии русской литературы и русской общественной мысли 30-х годов. За этими оценками стоят четкие и ясные социальные позиции. Философско-эстетической точке зрения дворянской группы резко противопоставлялась публицистическая критика нарождавшейся буржуазной интеллигенции, выразителем тенденций и идеалов которой был „Московский Телеграф".

Спор об Языкове не был только спором об оценке поэта, но имел гораздо более глубокое значение. Это был один из моментов спора о литературной аристократии и ее противниках. Это был спор за общественную гегемонию, который выражался в различных формах: в спорах о народности, о подражательности, о характере русской литературы и т. д. Еще до статей об Языкове между Ив. Киреевским и Кс. Полевым был жестокий спор по вопросу об основных элементах русской литературы или, вернее даже, русской культуры. Ив. Киреевский разделил русскую литературу на три периода, связывая с именами крупнейших писателей: Карамзина, Жуковского, Пушкина. Кс. Полевой решительно возражает против такого деления. „Это представительство,—заявляет он,—отзывается аристократством, неуместным в литературе и потому несправедливым. Признавая огромное значение за Карамзиным, он умаляет роль и значение Пушкина и Жуковского". „Они—превосходные поэты,—заявляет он,—но частные представители в литературе, и они не могли подвинуть вперед эстетики русского общества". Кс. Полевой намечает иным образом основные пути развития русской литературы. Прежде всего он останавливается на подражании, которое было одним из характернейших явлений складывающейся русской литературы, и с большой смелостью мысли стремится вскрыть социальные корни этого явления. Подражание явилось следствием огромного разрыва между высшими и низшими слоями. Были университеты и Академия, но не было народных школ; „высшие точки общественного горизонта были освещены ярким пламенем европейской образованности, а низшие закрыты густым мраком векового азиатства". Классе же средних людей, стоящих между барином и мужиком, начал образовываться только в XVIII веке. Этот-то класс, по утверждению критика, везде составляет „истинную прочную основу государства". Так из этого класса вышел Новиков, за которым стояло целое общество. Главной его заслугой явилось то, что „он первый создал отдельный от светского круга круг образованных молодых людей среднего состояния, к которому принадлежал и Карамзин". Этот-то круг внес образование в те слои, „где оно производит многозначашие прочные успехи".

Благодаря сочинениям Карамзина русские средние сословия стали сближаться с литературой. Это и явилось начальным периодом нашей образованности. „С сего-то времени,—подчеркивает Кс. Полевой,—так называемый низший круг людей начал сближаться с высшим, разрушив преграды, заслонившие русское общество от Академии и большого света". С этой точки зрения Кс. Полевой ищет писателей в послекарамзин-

ский период, которые также могли бы увлечь за собой всю литературу и всю публику, и никого не находит. И далее следует страстная тирада против светского общества: „Но вдали от большого света для писателя разве закрыта великая картина природы? Разве для него не существует красота, добродетель и страсти, высокие и творческие?... Какое светское общество отражало красоту в душе Клода Лоррена, бедного краскотера, работника? Кто образовал душу и слог Ричардсона, бедного типографа? В каком обществе возник нежный, изящный Шиллер? Не гостиная ли была святилищем мизантропа Руссо? В котором из поместьев своих Шекспир имел счастье кормить и поить толпу светских людей“ и т. д. Ксенофонт Полевой отрицает даже подлинную заинтересованность светского общества в литературе: „для знатных людей она всегда останется делом посторонним“, тогда как для низших классов „литература есть та стихия, которою они сближаются с человечеством“⁴.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ АВТОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕТРАДИ СТИХОТВОРЕНИЙ ЯЗЫКОВА

Институт Русской Литературы, Ленинград

Спор об Языкове не случайно принял такие острые очертания и страстный характер. Книга его стихов с предельной ясностью вскрыла путь развития дворянской интеллигенции после декабристского выступления. Творчество Языкова очень часто механически разывают на два периода. Первый период—либерально-оппозиционный, второй—реакционный, мистический, окрашенный ярко выраженными религиозными настроениями, и т. д. Очень часто этим двум механически установленным периодам дается и механическое толкование: переход Языкова к новым темам и настроениям объяснялся его болезнью, родственными и дружественными связями со славянофилами и т. д. Между тем по существу-то никакого перелома не было, а был определенно последовательный путь и органическое развитие: направление этого пути отчетливо обозначилось в книге 1833 г., отчего она и вызвала такую страстную полемику.

Та социальная группа, к которой принадлежал Языков, переживала кризис. Ей нужно было решить, с кем и куда идти: искать ли опору в силах, выходящих за пределы своего класса и стремящихся порвать с крепостным феодальным строем, или искать

опору в недрах собственного класса и в организации его сил. В 40-х годах это стремление к социально-классовому самоопределению обозначилось очень выпукло; в 20-х годах, после падения декабризма, это только намечалось. Расслоение дворянской интеллигенции тогда еще не приняло резких и четких форм. Эту нечеткость социальной позиции и отразил в своем поэтическом пути Языков.

Молодой Языков—еще в сфере декабристских настроений. Основной мотив его творчества—мотив свободолюбивого национализма; в этом аспекте воспринималась вся его историческая лирика:

Надежды творческая слава
Манила думы величавы
К браннолюбивой старине:
На веча Новграда и Пскова,
На шум народных мятежей.

Вспоминая общие разговоры, летом 1826 г. он пишет Пушкину:

Зовем свободу в нашу Русь,
И я на вече, я на небе,
И славой прадедов горжусь.

Его темы: вече, борьба Новгорода за независимость, борьба за национальную свободу против татарского тиранства. Эта тема свободы в исторических переживаниях поэта перекликается с темой вольности в студенческих песнях, органически спаявая эти два элемента его лирики. Наконец одним из звеньев в его творчестве являлась и революционная лирика, вернее вольнодумная и радикальная, а его эпикурейство в его студенческих песнях представлялось в другом свете. Оно казалось не кастовым, как например в лицейской лирике Пушкина или гусарской поэзии Давыдова; через поэзию Языкова шли веяния других общественных групп и иных общественных форм. Студенческая поэзия Языкова была отзвуком немецкого бюргерского студенчества, в окружении которого был поэт в Дерпте.

Все это обуславливало особую позицию Языкова в глазах современников. В нем видели поэта, наиболее близкого к декабристам. Самые страстные и непримиримые позднейшие его противники, Герцен и Белинский, говорили о нем как о поэте „некогда любимом“. Это же заставляло Полевого рассматривать его как одну из „блестательных надежд русской литературы“.

Очень могло стать, что, живи Языков в Петербурге, он мог бы быть увлечен тем же Рылеевым в круг членов Тайного общества, мог бы, быть может, очутиться и на площади и потом в Сибири, увеличив число случайных попутчиков, которых было так много в рядах тайных обществ и среди осужденных по процессу.

Но если только случайно не стал Языков даже и таким „случайным“ декабристом, то по существу внутренне он никогда не только не был подлинным декабристом, но даже был органически чужд декабризму. Его революционная лирика—это только пена на гребне революционной волны, это кратковременный этап, даже, вернее, эпизод в его творчестве, красноречивое свидетельство тех колебаний, которые переживал Языков и которые отражают собою колебания класса.

Мы говорили уже выше, что лирика Языкова отразила колебания класса, но следует добавить, что Языков был одним из тех, кто ранее других определил свою политическую и социальную линию. Принадлежность его к наиболее обеспеченной и материально-мощной верхушке своего слоя обеспечила и ускорила поиски осознания своего социального пути и места. Это позволяет глубже вскрыть смысл его национальной тематики или архаики, по установившейся историко-литературной терминологии.

Архаика в литературных течениях 20-х годов шла в разных направлениях. Эти различия обычно отмечаются в нечетких терминах: старшие и младшие архаики. Старшие архаики реакционны, младшие принадлежат к оппозиционным и революционно настроенным кругам. Но почему оказалось возможным объединение на почве единого литературного метода (или стиля) столь различных политических групп? Национальная тема-

тика и лексическая архаика в руках одной группы определенно связана с националистически-охранительными тенденциями, но у „младших архаиков“, основные кадры которых составляли главным образом декабристы, этот же самый метод служил средством борьбы с этими консервативными тенденциями в литературе и с тем социальным слоем, который стоял за ними. В этом нет никакого противоречия, но совершенно естественный процесс литературного развития. В процессе борьбы дворянство, переходившее на идеологические буржуазные позиции, борясь с классицизмом во всех его проявлениях, пытается создать свою монументальную гражданственную поэзию; оно обращается к этой же тематике, пользуется тем же методом, но его сущность и направленность приобретают иной характер. Это — противопоставление своей национальной тематики национальной тематике дворянско-феодаловской группы. За внешним совпадением вскрывается глубокое принципиальное различие и иное качественное содержание. Национальная тематика дворянско-феодаловских групп разворачивается в систему патриотических и шовинистических идей, тогда как так называемой „младшей архаикой“ развивались буржуазные националистические идеи. Идея о нации-отечестве противопоставлялась идее нации-народа. В этом основная сущность художественного метода, характеризующего Рыльева, Катенина, Кюхельбекера, Грибоедова, Раевского, отчасти Одоевского.

Архаика молодого Языкова идет сначала как будто по тому же пути. Да и самому Языкову в то время казалась более созвучной поэзия Рыльева или Катенина, отсюда и его отношение к Пушкину, граничащее (на первых порах) почти с полным неприятием его. Отсюда и то отмеченное выше отношение к нему современников. Еще недостаточно острое в ту эпоху осознание классовых противоречий в дворянской среде делало вполне понятным и естественным целый ряд таких союзов, казавшихся несовместимыми и непонятными в более позднее время. Так по мере все более четкого осознания своей классовой позиции эволюционировал Вяземский, переходя постепенно от идей левого радикализма к реакционно-обскурантским позициям. Таков же был и путь Языкова. И его архаика очень быстро обнаружила консервативно-реакционную сущность идеологии Языкова.

Неправильно утверждение, что реакционно-консервативные моменты характеризуют только позднейшего Языкова; еще не очень резко, не броско, но все же достаточно явно они слышны и в его раннем творчестве. Архаика неразрывно связана с моментами националистической узости, переходящими сплошь и рядом в шовинизм, с самовлюбленным патриотическим самолюбованием. Все это наблюдается уже в творчестве дерптского периода; правда, здесь еще они звучат полускрыто, более в шутливой форме, чаще в письмах, но и в стихах тоже.

Так например, в послании к отъезжающему за границу А. Н. Степанову он пишет (1828 г.):

Да там, откуда с давних пор
Надежд питомцы дорогие
России книжники **младые**
Вывозят ей лишь тлен и вздор,
Туман шального мудрования,
Глухую спесь, немилость к нам
И знаменитые прозванья
Своих учителей, да там
В стране наук правдиво-гордой,
Служа Каменам и добру,
Не окрестится в немчуру
Твой дух деятельный и твердой,
Но жадный творческих трудов,
Но полный силы своенравной,
Сберет сокровища веков
И посвятит их православно
Богам родимых берегов.

В письмах говорится более откровенно. Чтобы не загромождать статьи многочисленными примерами, приведем только один, чрезвычайно яркий и вскрывающий, так сказать, физиологическую сторону языковского патриотизма. В одном из февральских писем 1826 г. он пишет брату Александру: „У нас, как и во всей Руси православной, теперь масленица, как бы то ни было, мы и здесь ее празднуем. Скучно, любезнейший, видеть, как немцы пренебрегают русскими праздниками; если бы я был императором российским, я бы заставил их и пить русский квас, и есть русские блины, и ходить в русскую церковь, и говорить по-русски, да обрусуют и да принадлежат вовсе к огромному государственному телу России. Не правда ли, это предположение политическое и, шутки в сторону, его исполнение было бы полезно царству православному“⁵.

Отсюда совершенно ясен путь к тем, написанным почти через пятнадцать лет строкам в послании к Гоголю, которые так возмущали передовых современников Языкова,—в первую голову Белинского и Некрасова:

..... Одна отрада,
 Когда перед моим окном,
 Площадку гладким хрусталем
 Оледенит година холода,
 Отрада мне тогда глядеть,
 Как немец скользкою дорогой
 Идет с подскоком жидконогой—
 И бац да бац на гололедь.
 Красноречивая картина
 Для русских глаз. Люблю ее.

В московский период, когда встреча с родственной ему средой углубила и заострила эти настроения, они выступают еще резче. В сборнике 1833 г. они нашли наиболее полное и яркое воплощение в „Ау“:

О проклят будь, кто потревожит
 Великолепье старины;
 Кто на нее печать наложит
 Мимоходящей новизны.

Эти настроения полились далее, являясь уже доминирующими в сборниках 1844 и 1845 гг., принимая характер идей воинствующего шовинизма, порой прямого обскурантизма и определяя собой отношение к Языкову различных слоев общества и литературы. Свободолюбивое стремление к старине обнаружило свою подлинную сущность.

Естественным следствием этих настроений является и религиозная тематика. В дерптских письмах эта тема только слегка намечена и идет бок о бок с мотивами религиозного вольномыслия; в московский период она приобретает новое значение и новый характер, занимая одно из центральных мест в его творчестве. Эти настроения не явились как-нибудь сразу, внезапно. Уже в Москву, как сообщал Погодин, он привез замыслы трагедии „Саул“, но несомненно, что в кружке Киреевских и Аксаковых, в общении с Погодиным эти настроения укрепились и получили новое углубленное обоснование. Их первостепенное значение для себя он подчеркнул, открыв им новый сборник, сборник 1833 г., стихотворениями: „Поэту“ и „Подражание псалму XIV“. Лирический пафос поэта получал новую направленность.

Замечательным памятником этой „перестройки“ поэта служит публикуемая здесь переписка его с В. Д. Комовским.

Василий Дмитриевич Комовский—один из петербургских знакомых Языкова; знакомство с ним произошло вероятно еще в пору пребывания Языкова в столице, перед поступлением его в Дерптский университет. Комовский особенно был дружен со старшим братом поэта А. М. Языковым. Его переписка с последним захватывает около двух десятков лет и представляет огромнейший историко-литературный интерес.

По летам Комовский ровесник поэта (род. в 1803 г.), ко времени их знакомства он уже служит в Цензурном комитете, где занимает должность секретаря. Далее, подвигаясь по служебной лестнице, он занимал должность правителя дел Главного управления цензуры и в этой должности он был как раз в то время, к которому относится публикуемая здесь переписка, и выше вплоть до директора Канцелярии министра народного просвещения. Одно время служил в Публичной Библиотеке, был председателем дел Комитета для нового устройства Академии Наук и незадолго перед смертью — председателем Археографической комиссии. В 1851 г. сошел с ума и вскоре умер.

Как литератор и научный деятель Комовский выступал главным образом как переводчик, в частности им выполнены две весьма крупные и значительные работы: перевод „Истории древней и новой словесности“ Шлегеля и „Немецкой литературы“ Менцеля. Перевод Менцеля, посвященный, кстати сказать, Н. М. Языкову, снабжен любопытным предисловием, очень характерным для автора. „Главный недостаток его [Менцеля] критики, — пишет Комовский, — как мне кажется, состоит в подчинении поэзии и вообще словесности политике или даже понятиям и духу политической партии. Менцель депутат и депутат оппозиционной стороны. Этим объясняются его строгие приговоры Иогану Мюллеру, Гегелю, Гете и др., от этого же происходит оппозиционный тон его книги, резкий, иногда кинический язык его“⁶.

Комовский очень напоминает Никитенко: такой же ревностный, исполнительный чиновник, чиновник-цензор днем и либеральный мыслитель вечером, наедине со своим дневником. Неизвестно, вел ли дневник Комовский, но во всяком случае роль такого дневника заменяла ему переписка с братьями Языковыми, особенно со старшим братом. Комовский регулярно сообщал своим корреспондентам чуть ли не о каждой мелочи, касающейся литературы и просвещения. Его письма к А. М. Языкову иногда являются большим критическим трактатом (например: разбор „Наложницы“ Баратынского или Пушкинского „Бориса Годунова“), иногда подробнейшим отчетом о деятельности Министерства народного просвещения и Цензурного комитета. Если когда-либо эта переписка будет целиком опубликована, наша историография обогатится вторым „Дневником Никитенко“.

Из этой обширной переписки мы извлекаем часть, касающуюся главным образом издания стихотворений Языкова, техническим исполнителем которого был Комовский. В основном это ценнейший материал для истории этого сборника, но мы взяли эту тему шире и включили переписку и предшествовавших годов, начиная с 1831 г., когда совершенно ясно и четко обозначается новый путь Языкова, который нашел яркое воплощение в стихотворении „Ау“ и который он сам характеризовал своему корреспонденту как путь из кабака в церковь.

Марк Азадовский

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Татьяна Дмитриевна — знаменитая „цыганка Таня“, прославленная в стихах Языкова.

² Письма П. Киреевского к Н. Языкову (ИРЛИ).

³ И. в. Киреевский, О стихотворениях г. Языкова. Полное собрание сочинений под ред. М. О. Гершензона, М., 1911, т. II, стр. 80.

⁴ Вяземский очень решительно поставил точку над основным в этом споре: „Неужели некоторым участникам „Литературной Газеты“, — писал он, — теперь не дают пропуска на Парнасс потому только, что они помещики и что они у места в высшем классе общества“. И далее: „...нападать на безграмотность аристократии нашей или дворянства несправедливо, ибо одно это звание у нас и грамотное... Дворянские гостинные наши также не вертепы мрака и невежества, они соединяют нас с образованной Европой, в них читаются русские и чужеземные книги; в них иностранные путешественники находят сочувствие и соответствие своим понятиям, в них раздаются отголоски европейского просвещения, в них, а не в домах купеческих, не в жителях мещан, ремесленников наших. Разумеется доля исключений и здесь идет, но мы должны иметь в виду одни общие итоги“.

⁵ „Языковский архив“, стр. 241.

⁶ Немецкая словесность. Из книги Вольфганга Менцеля. Ч. I. СПб., 1837, стр. IX.

1. В. Д. КОМОВСКИЙ—Н. М. ЯЗЫКОВУ

Александр Михайлович, сделав мне поручение, возложил на меня об успехе оного уведомить вас. Этим он вместе доставил мне приятный случай писать к вам и снял с меня вину докучливости. Я рад тому тем более, что уже и без того имел нескромное намерение навязать вам письмо. Исполню сперва поручение Александра Михайловича, а потом воспользуюсь случаем успокоить вас и моею просьбою.

В бытность свою в Петербурге, он подписался на 2 экз. Истории Карамзина, с тем, чтобы Смирдин, по выходе всех частей, переплел и переслал их в Симбирск. Теперь Ал. Мих. желает получить Историю Карамзина в Москве от Ширияева и без переплета, и поручил мне согласить на это Смирдина. Полагаю, что все это вы уже знаете от самого Ал. Мих., но уведомляю вас на всякий случай.—Смирдин совершенно согласен с его желанием и обещал написать о том к Ширияеву.

Собственная же моя просьба к вам состоит в том, чтоб вы удостоили принять препровождаемые при сем письме отдельно второй том перевода Шлегелевой Истории Литературы. Кто сам послан пророчествовать и на земле вещать слова небес, тому родные и все его предшественники, коих возвышенные уроки объясняет человечеству Шлегель.

В. Комовский

С.П.Б. 19 февраля 1831

Этим письмом открывается переписка Комовского с Н. Языковым. До этого времени письма его были адресованы исключительно А. М. Языкову. Знакомство с поэтом было менее интимно, и их связь собственно окрепла уже после 1833 г., когда Комовский оказал Языкову большую дружескую услугу по наблюдению над изданием его стихов.

2. Н. М. ЯЗЫКОВ—В. Д. КОМОВСКОМУ

1831. Марта 18. Москва

Я кругом виноват перед вами: до сих пор не отвечал на два письма ваши, держу у себя ваш список книг 1829 года, даже не поблагодарил вас за прекрасный подарок. Простите мне все эти светские и литературные прегрешения, приписав их единственно лени и привычке все откладывать до будущего и ничего не делать в настоящем. Вы совершили чрезвычайный подвиг во благо нашей словесности: не ослабевайте же духом от мелочных неудач, необходимых у нас, где все отличное претывается. Что вы вперед намереваетесь подарить нашим словесникам, не умеющим ценить трудов великих и чистых?

Вот вам здешние новости: Пушкин написал чрезвычайно много во время своего пребывания в нижегородской деревне, где задерживала его холера. Скоро издает две последние главы Онегина: девятую сильно хвалят слышавшие. Наложница явится к светлому воскресенью. Баратынский сочинил к ней предисловие, в котором очень любопытно рассуждает о нравственности изящных произведений. Впрочем, едва ли эта статья пройдет сквозь тиски цензуры—рассвирепевшей здесь до безумия!

Если бы я имел право надеяться, что все-таки не вовсе лишился вашего ко мне благорасположения, то попросил бы вас справиться у Греша или у кого другого—не получено ли в Петербурге издание сочинений Шиллера в одном томе: я видел здесь первую половину—и пленился.

Прощайте покуда.

Ваш Н. Языков

Греш—владелец магазина иностранной книги в Петербурге.

„Наложница“ Баратынского (в позднейшей редакции „Цыганка“) была очень холодно принята критикой и читателями. Языков очень верно угадал упреки в безнравственности, которые последуют со стороны критики. В предисловии к поэме Баратынский предлагает рассматривать поэму так же, как научное произведение, т. е. искать в ней верного отражения действительности. „Чем обширнее гений писателя, тем он полнее и разнообразнее в своих творениях, тем он вернее отражает действительность и тем он правдивее“. Глубокопринципиальное значение поэмы как опыта реалистической поэмы и ее общественный смысл современной критикой были не поняты и их впервые отметил только в 1861 г. Огарев. В предисловии к „Русской потаенной литературе“ он писал: „Цыганка“ Баратынского, может не довольно оцененная, проникнута гражданской мыслью и исполнена истинно-трагических движений“ (стр. XLVII). П. Н. Сакулин видит значение этой поэмы (как и двух ранних поэм Баратынского) в том, что он, „идя своим путем, разрабатывая свою психологическую тему—драму женской любви в разных общественных условиях,—сознательно руководился принципами художественного реализма и следовательно стремился к той же цели, что и Пушкин“ (П. Н. Сакулин. „Русская литература“, ч. II, 1929, стр. 439).

3. Н. М. ЯЗЫКОВ—В. Д. КОМОВСКОМУ

1831. Апреля 8. Москва

Благодарю вас за письмо и за все комплименты и учтивости, которыми вы его преисполнили; между тем осмеливаюсь беспокоить вас снова моею просьбою, вот в чем дело: Баратынской печатает свою Наложницу, к св. воскр[есенью] она в мир явится. Не можете ли вы узнать у А. Ф. Смирдина, хочет ли он взять сколько-нибудь экземпляров оной—и паче не можете ли на него подействовать во благо Баратынского?

Я еще не получил письма от брата Ал[ександра] из Уфы—но он уже там, как гласят известия, самые достоверные: Шириев отправил ему туда книги, разных разностей и между прочим Киргиз-Кайсака и Петра Ивановича: первый кажется лучше Петра Ивановича. Ушаков перешиб Булгарина; правда, перешиб сопляю, как говорят в просторечии, а все-таки перешиб!

Что Журнал Волкова? У меня есть братнино поручение послать в него стихов, да здесь говорят, что он еще не показывался—следственно и проч.

На днях выйдет Рославлев—произведение глупое: вроде Русаковых, Подлипаловых и проч. Булгарина. За него дал Степанов 40 т. руб. Вот каково. Это гораздо и гораздо больше, чем Вальтер Скотту платили в Англии. Судя по степени просвещения нашего и Англинского, так кажется.

Прощайте покуда.

Ваш покорный

Н. Языков

Шириев — московский книгопродавец.

„Петр Иванович“ — роман Ф. Булгарина „Петр Иванович Выжигин“, продолжение первого его романа „Иван Выжигин“.

„Рославлев“ — роман М. Н. Загоскина („Рославлев или русские в 1812 году“).

„Киргиз-Кайсак“ — повесть В. Ушакова. „Киргиз-Кайсак“ — повесть бульварно-романтического типа — была чрезвычайно популярна в 30-х годах. Содержанием ее является судьба молодого выходца из киргиз-кайсацкого племени в великосветском обществе. „Киргиз-Кайсак“ определенно заострен против высшего света и аристократии. Эту тенденцию повести резко подчеркивает рецензент „Московского Телеграфа“, который так передает ее содержание: „Ушаков представляет киргиз-кайсака, случайно попавшего в круг знати, богатого, умного, добродетельного, образованного, — и несмотря на это киргиз-кайсак погибает только от того, что предки не оставили ему в наследство длинной родословной...“ „Таким образом, в основе — изображение предрассудка, который не щадит ни счастья ни добродетели, всем жертвуя мечтательному преимуществу знатного происхождения“ („Моск. Телеграф“ 1831, т. XXVII).

„Киргиз-Кайсак“, „Рославлев“, „Выжигины“—все это одна линия, резко обозначившаяся в начале 30-х годов: борьба против дворянской гегемонии в литературе. В этой борьбе смыкались представители левого направления с правым, к которому принадлежали авторы названных выше романов. Для последних борьба шла исключительно в плане сословном, но отнюдь не социально-политическом.

„Русаковы“, „Подлипаловы“—персонажи романов и повестей Булгарина, который часто пользовался приемом характеристики героев в самых их фамилиях.

Волков, Платон—мелкий журналист и поэт 20-х годов. В конце 1830 и начале 1831 г. издавал журнальчик „Эхо“, прекратившийся на пятом номере.

4. В. Д. КОМОВСКИЙ—Н. М. ЯЗЫКОВУ

В один день с вашим письмом получил я письмо и от Александра Михайловича из Уфы,—долгожданное: зато мое терпение наградилось двойным удовольствием. Нет сомнения, что и вы уже имеете от него вести из пределов Башкирии.

К исполнению вашего поручения я приступил немедленно; но Смирдин уже предупредил вас, а следовательно и меня: он поручил Ширяеву приобрести для его гарема сто Наложниц, не отказываясь, по израсходовании первой сотни, запастись и еще новым количеством.

Нельзя вернее вашего характеризовать победу Ушакова над Булгариным; а едва ли не придется и самому победителю уступить свой венок Лажечникову. Первая часть Новика читается, правда, туговато; однако в нем более романтического, чем в Киргизе-Кайсаке и во всех романах Булгарина; замашки и приемы Вальтера Скотта переняты удачно.

О судьбах Волкова и его журналов известно следующее: издав два номера журнала Иностранной Словесности и четыре Эхо, он обобрал у книгопродавцев деньги, сколько их удалось выручить от подписчиков, и скрылся из Петербурга, никто не ведает куда.—В одном отношении это утешительно: можно, по крайней мере, думать, что он устыдился; а на Руси еще не видано примера такого сильного действия совести. Измайлов, Бестужев-Рюмин и Олин доселе обманывали своих подписчиков без всякого зазрения, не боясь ни божьего суда ни суда людского.

Прощайте.

В. Комовский

С. П. Б.

15 апреля 1831

„Новик“—первый исторический роман Лажечникова („Последний Новик или завоевание Лифляндии при Петре Великом“). Отзыв Комовского довольно верно отражает общее настроение широких читательских кругов. „Первым русским романистом“ назвал Лажечникова и Белинский („Литературные Мечтания“). Среди других исторических романистов 30-х годов (Булгарин, Загоскин) Лажечников является представителем идей прогрессивной буржуазии.

Измайлов, А. Е.—редактор известного журнала „Благонамеренный“, славившегося своей перьяшливостью и безалаберностью. Журнал не имел никакой определенной программы и определенной системы литературных вкусов, но в основном принадлежал конечно к правому флангу русской журналистики.

Олин (р. в 1788, ум. в 40-х гг.)—второстепенный литературный деятель, издатель ряда мелких, недолговечных журнальчиков: „Рецензент“, „Колокольчик“ и др.

5. Н. М. ЯЗЫКОВ—В. Д. КОМОВСКОМУ

1831. Апреля 21. Москва

Здесь носится слух, чрезвычайно радующий всех благомыслящих литераторов: говорят, что Булгарин и Греч поссорились не на живот, а на смерть. Греч, дискать, отлучил Булгарина от издания Пчелы и С[ына] С[т]ечества, разбил его, вытолкнул из дому, и прогнал так сильно, что Фаддей Венедиктович поскакал, сломя голову, в Дерпт. Правда ли эта

Н. М. ЯЗЫКОВ В МОЛОДОСТИ
Портрет маслом неизвестного художника
Исторический Музей, Москва

желанная новость? Вы живете в самом вихре петербургской журналистики и наблюдательным оком смотрите на все ее смуты и передраги; сделайте милость, обрадуйте меня подробным извещением о сем важном событии.

Загоскин возвратился сюда директором Театра—с диктаторскою властью—поможет ли эта власть и в искусные ли руки она упала, еще неизвестно. Между тем, ожидают все-таки лучшего, потому что он наследует Кокошкину, существу вовсе неразумному, пошлому, подлому и ослу. Полевой возится с 3 т[омом] своей Истории, которая уже давно печатается, но автор то и дело переделывает, переставляет и пересочиняет свое творение. Вот каково!

Вот вам еще просьба: есть ли у Греча: *Play and poems of Shakespear in one volume; by Ernst Fleischer. Leipzick 1830—31*. Если есть, то что цена им? Наложница Баратынского вышла и уже ходит по Москве—прошу вас принять ее от меня в знак благодарности к вашим литературным подвигам и написать мне об ней ваше суждение. Вам ее доставит Смирдин. Едва ли он не солгал вам, что взял уже для своего гарема 100 наложниц—здесь об этом ничего не знает сам автор, у которого взял 100 экз. Ширяев, но для себя. Вероятно ее разругают уже за одно заглавие наши нравственные журналисты. Что Булгарин до сих пор ничего не сказал о Борисе Годунове? Пишет ли вам брат, что он будет делать литер[атурно] в Уфе? Я его уже несколько раз вопрошал об этом: отмахивается: верно, что-нибудь совершает втайне, дай бог хоть этого: много, очень много хорошего таким образом бывает: например почти все незаконнорожденные, которые по замечаниям физиологов, яко дети истинной любви, бывают обыкновенно здоровее и умнее законных, так сказать, казенных произведений брака.

Прощайте покуда.

Ваш покорный

Н. Языков

Языков, Александр Михайлович (1799—1874)—средний из братьев Языковых, любимый брат Н. М. и „пестун его поэзии“. Большую часть переписки Языкова составляют письма его к А. М. А. М. Языков являлся типичным представителем дворянской интеллигенции 20—30-х годов. Он много читал и занимался, брал уроки у лучших тогдашних профессоров, обладал великолепной библиотекой, однако, как многие из его сверстников, принадлежащих к той же социальной группе, он не сумел найти надлежащего применения своим силам: все попытки брата и друзей вовлечь его в литературную работу успеха не имели. По политическим симпатиям принадлежал к славянофильским кругам.

Булгарин и „Борис Годунов“ Пушкина. Молчание Булгарина объяснялось неловкостью его положения, так как незадолго до выхода в свет трагедии Пушкина Булгарин опубликовал свой роман „Димитрий Самозванец“. Пушкин не без основания увидел в этом заимствование из своей пьесы, широко известной еще до напечатания в литературных кругах. Булгарин тщательно, но безуспешно оправдывался перед Пушкиным.

6. В. Д. КОМОВСКИЙ—Н. М. ЯЗЫКОВУ

Приношу вам чувствительнейше благодарение за Наложницу, которую вы мне позволяете считать знаком только вашей снисходительности и вашего доброго расположения.

Слухи о размолвке Греча и Булгарина несправедливы; источником их, конечно, есть всеобщее темное чувство, что Фаддею Венедиктовичу надобно быть побиту, но эта всеми ощущаемая потребность еще не удовлетворена, по крайней мере, Гречем. Для достоверности, однако, не худо освидетельствовать спину Булгарина. Доселе известно только, что Греч остался единственным издателем Пчелы; а это от того, что

Булг[арин] отправился в Дерпт на житье, если не постоянное, то продолжительное. Поговаривают, что слишком ранний и потому подозрительный переезд его на замерзлое еще лоно Лифляндской природы последовал не по доброй воле, а по приглашению полиции; Греч однако уверяет в противном. За единодержавие над Пчел[ой] Греч обязался платить Булг[арину] по 10 т. руб. в течение 10 лет ежегодно, а Булгарин подрядился в те же сроки поставлять Гречу по 40 статей. Пусть Фаддей не искусен делать романы, но деньги делать, как говорят французы, он мастер. Молчать о Годунове Булгар[ина] заставляет, как говорят, обед, которым Смирд[ин] заткнул рты Гречу и Булгарину на 2 лица, чтоб они бранью не помешали продаже. Может быть, по выдержании карантина Булгарин подаст голос, если не сочтет, что время уже ушло.

У Греча есть только одна 1-я половина того издания Шекспира, о котором вы писали: иноземные литер[атурные] новости достигают до него так же поздно, как книжки Моск[овского] Телеграфа до подписчиков. Цена за все издание 21 руб.

Алекс[андр] Михайлович из Уфы, между прочим, написал мне следующее: „Кто скажет, где, и чем, и как мне быть?“ И как о трудах своих он хранит молчание: так не худо было бы вам, властью, от бога вам данною, сделать ему решительный вызов на какой-нибудь подвиг.

Вызов сказать вам мое мнение о Наложнице принимаю за светскую вежливость, вроде тех, которые книгопродавец говорит поэту в Онегине. Не смею однако послушаться. Предмет выбрал Барат[ынский] возбуждательный, но, конечно, не вдохновительный. Его стихотворение есть плод не поэтического вдохновения, а стихотворческой натуры, трудность выделки и усилия работы заметны в его стихах, впрочем, этим кажется вообще грешит несколько поэзия Барат[ынского]. Александр Мих[айлович] был так добр, что сообщил мне рукопись Наложницы. Разительнейшие несообразности, бывшие прежде, теперь исправлены. Но и из тех отношений, в которых автор оставил свои лица, думаю, можно было бы извлечь кое-что получше, благороднее напр. еслиб он показал, каким образом сила чистоты и непорочности Веры извлекает Елец[кого] из того грязного мира, в котором он является, и смывает черные пятна с его сердца. У Барат[ынского] Елец[кий] только променял Сару на Веру, без психологических причин; затем, что с давних пор не видал нежного румянца на щеках—и больше ничего. Думаю также, что Сара, как героиня, должна дать нам возможность ближе рассмотреть свое сердце, сердце женщины, которая, несмотря на твердое знание нужной ей науки, приобретенное, конечно, большою практикою, сберегла уголок для любви. Предисловие кажется мне неудачным; искушаешься сказать словами самого Барат[ынского].

Досадно и смешно,
В нем показалось одно;
Другое глупо, третье скучно.

Барат[ынский] сам кажется чувствовал, что взялся защищать неправоe дело, вертится туда и сюда, противоречит себе и принужден прятаться за спину цензора и Булгарина,—довольно уж и этого. По его философии—в природе—одно зло, порок блаженствует, а добродетель страдает и играет второстепенную роль. Новалис, однако, сказал: *Wie die Natur sich dem Kinde kindisch zeigt, so zeigt sie sich dem Gotte göttlich*. Заключая далее, получим вывод: *dem Teufel scheint sie teuflisch*. Бар[атынский] велит искать в поэтах того же, чего у путешественников; точно так; да у него-то, как он говорит, одни болота, поросшие тиною,

ядовитые растения, а нет смеющихся долин, прозрачных рек. Чтoб и тут вывернуться, он говорит, что один писатель, с частным дарованием, имеет нужду быть пополняем другим; он делает себя только частью целого; и это так, да не совсем. Есть на Руси пословица: во всяком чину, по блядному сыну; но льстиво ли быть такою частию, потому только, что в целом она нужна? Можно также сказать с Вольтером: *mon ciel est aussi naturel, je porte cependant une culotte*.

Я надоед вам моей болтовнею, вините сами себя, и да послужит это вам наукою вперед, не делайте мне вопросов, на муку вам самим.

С. П. Б.

29 апреля 1831

В. Комовский

Цитата из Новалиса, приведенная Комовским, находится в „Die Lehrlinge zu Sais“, однако Комовский приводит ее в искаженном виде; у Новалиса она читается так: „Man steht mit der Natur gerade in so unbeigreiflich verschiedenen Verhältnissen wie mit den Menschen; und wie sie sich dem Kinde kindisch zeigt und sich gefällig seinem kindlichen Herzen anschmiegt, so zeigt sie sich dem Gotte göttlich, und stimmt zu dessen hohem Geiste“ (Novalis Schriften, Herausgegeben von I. Minor. Vierter Band. Iena 1907, S. 11). Перевод: „Отношения с природой так же непостижимо-многообразны, как с людьми, и как ребенку она являет себя ребяческой, услужливо ластясь к его детскому сердцу, так и богу она являет себя божественной в согласии с его высоким духом“.

7. Н. М. ЯЗЫКОВ—В. Д. КОМОВСКОМУ

1831. Сентября 9. Москва

Прошу вас доставить мне удовлетворительные сведения вот о чем: как получается позволение издавать журнал? Через какие мытарства проходит просьба и самое лицо просителя в собор властей предержащих? Каков должен быть собою таковой проситель: может ли он быть существо безизвестное в жизни нашей литературы или ему необходима молва человека, издавшего хоть какой-нибудь звук на парнасе и проч.? Все это нужно мне ведать для некоторых соображений на будущий 1832 год, об которых напишу вам подробно в свое время.

Я завлек брака Ал[ександра] в верное предприятие собирать за одно со мною, и еще кое с кем, русские песни: он уже начал сильно действовать—в местах самых надежных, на берегах Волги, Камы, Белой и проч. Под Москвою я собрал нынешним летом около полсотни. Каково? Если бог-вседержатель поможет этому благову начинанию: сделается на Руси дело великое—явится миру сокровище бесценное и самоцветное!

Прощайте покуда. Будьте здоровы

Ваш покорнейший

Н. Языков

Правда ли что Пушкин пожалован в Историографа Петра Первого? Здесь много об этом толкуется.

Роль Языкова в организации знаменитого собрания П. В. Киреевского еще не выяснена и не освещена во всех подробностях. Между тем можно с уверенностью утверждать, что она гораздо значительнее, чем это представлялось до сих пор. Языков—не только деятельный собиратель и помощник П. Киреевского, но он явился вместе с последним инициатором и в значительной степени организатором работы; одно время ему даже принадлежала ведущая роль в этом деле. Ответные письма П. Киреевского к Языкову (ИРЛИ) свидетельствуют о постоянном неизменном и упорном интересе к собиранию и изданию русских песен. Под непосредственным влиянием Н. М. Языкова собиранием фольклора увлеклись и оба брата его, и сестры, и ближайшие соседи по Симбирской губ. Некоторые из записей П. М. Языкова были опубликованы в журналах того времени („Отеч. Зап.“, „Москвит.“), в том числе превосходный вариант сказки о Горшене („Москвит.“ 1844). Первоначально предполагалась даже, как это ясно из од-

ного письма П. Киреевского, совместная их (т. е. Киреевского и Н. Языкова) подготовка собранного материала к печати, при чем предисловие должен был написать Пушкин. Сам П. В. Киреевский в предисловии к „Духовным Стихам“ (1848) указал, что главным образом благодаря Языковым его собрание стало „столь значительным и получило известность“.

8. Н. М. ЯЗЫКОВ—В. Д. КОМОВСКОМУ

1831. Сентября 23. Москва

Мне приятно и сладостно познакомиться с вами литературного доброго молодца, который вас уже уважает и которого знакомством и приятелью я могу гордиться, как человек и писатель. Это И. В. Киреевский, он-то выступает, с 1832 года, на публичную службу русской словесности, возвергая на рамена свой временник, глаголемый Европеец. Прошу вас принять его журналистовские объятия. Он уже подал просьбу и программу в здешнюю цензуру—и просит вас о пособии в Питере. Как пойдет это дело? Не можете ли, в случае каких-либо сомнений или вопрошений со стороны властей, вы их разрешать и отвечать, как можно полнее, вместо самого издателя? Нельзя ли справиться: какие лит[ературные] журналы франц[узские] и англ[ийские] можно получить от Грета и по чем и когда? Есть ли у него: *Jahrbücher der wissenschaftlichen Kritik*?.. И что стоит каждый год и все годы? Еще просим прислать нам ваш совет по сей части: что хорошего приезжает из-за границы и из-за моря и как и почему и по чем?

Брат Алек[сандр] поскакал в Уфу из Симбирска: зимою обещается посетить белокаменную. Я вызываю его на статьи для вышереченного журнала: мигните-ка и вы ему об этом. Что он зарылся в чтении и ничего не явил на святой Руси? Пора бы! Я же скажу вам новость обо мне самом: поздравьте меня: служу царю и отечеству, заняв в русском правлении место Баратынского: он сам создал это место и показал при сем случае огромную силу поэтического таланта.—прослужил года с 3, произошел в 14 класс и наконец вышел в отставку, ни разу не побывал в должности, незнаемый и в глаза своим начальником!

Полевой издает роман своего сочинения кажется: Василий босой; Орлов прослышал об этом и уже подал в Цензуру тоже Василия босого! Славный малый этот Орлов! Говорят что Пол[ево]й уговаривает его взять отступного, а он намеревается, между прочим, издать и историю Русского народа. Погод[ин] теперь у вас в Петерб[урге]: он устремился в сию столицу правительственных и причинных мест России для исхода-тайствования себе позволения выпустить своего Петра в свет и на помост лицедейской! Он верно к вам явится. Раздавайся гром победы! Ура! Ура! Забалканский, Ериванский и проч. Наконец пробудились наши лиры на воспрославление отечественной славы—и со сна довольно благонадежно!

Прощайте покуда.

Ваш Н. Языков

Вот вам письмо от брата Алек[сандра]. Оно ошибкой прислано ко мне. Нимало не медля и минуя все затруднения, отправляю оное по принадлежности.

1831. 24. Сент.

Речь идет об организации Ив. Вас. Киреевским журнала „Европеец“. Это была первая, хотя еще смутная и не вполне отчетливая попытка оформления в печати идей московского кружка шеллингианцев („любомудров“). Первоначальные планы издания журнала относятся еще к 1830 г. В письме от 26 мая 1830 г. Языков сообщает брату: „Здесь

образуется предприятие издавать новый журнал (под заглавием „Журналист“), целью которого будет всевозможное переделывание всех ученых и литературных известий Европы — в Россию; составляться будет он из всех иностранных журналов. Главным издателем Мельгунов... Сотрудники: Андросов, некто Ржевский и проч. Петерсон тоже будет участвовать (Неопубл. переписка. ИРЛИ). То, что не удалось осуществить Мельгунову, в следующем году и попытался реализовать Киреевский. „Европеец“ вместе с тем являлся (как это неоднократно уже отмечалось) попыткой борьбы против гегемонии Греча — Булгарина и Сенковского, но в такой же мере „Европеец“ противопоставлял себя и „Московскому Телеграфу“, проводившему определенные и четкие тенденции прогрессивной буржуазной интеллигенции.

Языков был деятельным сотрудником и пропагандистом нового журнала. Письма его к брату этого периода полны упоминаний о журнале, призывов к участию в нем и проч. Одновременно с письмом к Комовскому он пишет брату А. М. (также от 23/IX): „У нас затевается дело важное, похвальное и литературное. Ив[ан] Кир[еевский] издает с 1832 г. журнал „Европеец“. Ручаюсь тебе и клянусь, что добро будет; сам издатель — малой бойкой, умной, образованный, только что из Мюнхена и мастер писать рассудительно. Что ты мне ответишь, если я тебе мигну зазывно на это предприятие?“ (Неопубл. переписка. ИРЛИ.) „Европеец“ не успел завоевать читателя; к второму номеру он имел всего 50 подписчиков. По личному распоряжению Николая I журнал был запрещен на втором номере (сохранилось несколько экземпляров неоконченного печатанием третьего номера). Официальной причиной закрытия послужила статья самого редактора „Девятнадцатый век“, в которой были усмотрены вредные политические тенденции, распространяемые под видом литературной критики.

Служба в Межевой канцелярии была непродолжительным эпизодом в биографии Языкова. Поступил он туда, тяготясь своим положением неслужащего и бездельничавшего дворянина, но, поступив, ничего там не делал, редко являлся в канцелярию и вскоре же начал думать об отставке. В ноябре 1833 г. он уже окончательно оставил службу в канцелярии и вышел в отставку „с награждением чином коллежского регистратора“. О своей службе Языков упоминает в послании к Вяземскому:

Тих и неудал
Уже чиновник царской службы,
Я родину свою и пел и межевал.

Орлов, Александр Анфимович (1791—1840) — мелкий московский литератор, автор многочисленных бульварных и лубочных произведений; в спекулятивных целях выпустил ряд произведений, являющихся по теме литературным продолжением романов Булгарина: „Родословная Ивана Выжигина, сына Ваньки-Каина, род его, племя с тетками, дядями, тестем и со всеми отрочками. Нравственно-сатирический роман“ (1831); „Смерть Ивана Выжигина. Нравственно-сатирический роман“ (1831); „Черемонна погребения Ивана Выжигина, сына Ваньки-Каина. Нравственно-сатирический роман“ (1831); „Крестный отец Петра Выжигина“ или „Два кума Ив. Ив. Выжигина“. Аллегорический роман“ (1832); „Хлыновские свадьбы Игната и Сидора, детей Ив. Выжигина. Сатирический роман“ (1831); „Хлыновские степняки Игнат и Сидор, или дети Ив. Выжигина“ (1831); „Федор Кривой или Елизавета Михайловна, супруга П. Ив. Выжигина: ни девка ни вдова и ни замужняя жена“ (1832); „Бегство Ив. Выжигина в Польшу. Нравственно-сатирический роман“ (1832) и др. Это дало повод использовать Орлова в борьбе с Булгариным, связав воедино оба эти имени и рассматривая как писателей равной художественной и социальной ценности. Замечательным памятником этой борьбы с Булгариным является блестящий памфлет Пушкина „Торжество дружбы или оправданный А. А. Орлов“. Сам Орлов не понимал той роли, которую он играл в руках партии Пушкина, и принимал его выступления за чистую монету. В дальнейшем Пушкин предполагал использовать Орлова и в борьбе против Полевого. Отзвуком этого видимо и является слух о намерении Орлова написать „Историю русского народа“.

Любопытную характеристику Орлова набросал Языков в письме к брату: „На днях у меня был Орлов — известный соперник Булгарина: лицо очень назидательное: он принимает за чистые деньги статьи Косичкина, собирается писать Историю русского народа с тех пор, где остановился Полевой; видно, что он вечно пьян; знает по латыни, по немецки и по французски, пишет единственно для пропитания — и пользуется великою известностью в распивочных и гостинице. Вот как скоро идет вперед образованность в России. Лет за тридцать или еще и менее почти все наши поэты были таковы. Сумароков, Костров, Миловнов и проч., а ныне Орлов уже редкость. Он воспитывался в Московском университете — прежде жил уроками. Наружность его — не гениальна: вспомни стих Сумарокова: известно, что у пьяной рожки огонь пылает из-за кожи; черты лица непривлекательные; глаза, углубленные под нависшие брови, и чело неоткрытое, волосы черные, сколоченные кошкой. Говорит он не умно, глух и неповоротлив от природы, а не от застенчивости“ (письмо от 16 дек. 1831 г. — ИРЛИ).

9. В. Д. КОМОВСКИЙ—Н. М. ЯЗЫКОВУ

Вчера принесли мне с почты долго и нетерпеливо жданное письмо Александра Михайловича. Сгоряча начинаю читать,—но с первых строк вижу, что продолжать не имею права. Александр Михайлович, вероятно, ошибкою адресовал на мое имя письмо, которое написал к вам.—Посылаю его при сем, в такой же девственной целости, в какой Людмила вышла из рук Черномора.

Сегодня пришло и ваше письмо. Поздравляю, поздравляю вас с усердьем к письменным делам.

Если вы гордитесь знакомством с Киреевским: то я уже не имею надобности сказать, как лестно для меня знакомство с таким человеком. Желая добра русской литературе, нельзя не радоваться его предпринятию.—Ожидаю представления Московского Комитета, чтоб принять оное со всеми подобающими почестями.—Поручения ваши не замедлю исполнить; и что проведу у Грефа—все сообщу вам. Пришлю также через Смирдина и Шириева последние каталоги Грефовы; так лучше всего узнаете вы сами, что заморское проникает в Петербург.

Еще должно мне оправдать себя пред вами. Вы, верно, рассердились, увидев в Пчеле нескромное объявление о предприятии вашем и Александра Михайловича; но это не моя вина, по крайней мере, виноват не один я. Вот как было дело. В то же утро, когда получил ваше письмо, встретился я с Очкиным. Речь была о вас, об Александре Михайловиче.—У Очкина я видел все естественные принадлежности мужа,—и не предполагал в нем бабьей охоты разносить вести; потому сообщил ему, как вашему знакомцу, известие о прекрасном вашем начинании. Как же я удивился, как досадовал, прочитав в Пчеле то, что было говорено с глазу на глаз.

Простите и не вините.

В. Комовский

С. П. бург
27 сентября 1831

Очкин, Амплий Николаевич (1791—1866)—второстепенный писатель, критик и переводчик, одно время был цензором. Позже редактировал „Спб. Ведомости“. В 1863 г. был редактором газеты „Очерки“, которая благодаря умелому и талантливому редактированию ее Г. Э. Елисеевым стала одной из самых ярких радикальных газет (в ней сотрудничали Лавров, Щапов), что привело к конфликту редакции с издателем и кончилось продажей последней газеты без ведома редакторов и сотрудников.

Очкин был в большой дружбе с Языковым; сохранилось два стихотворных послания Языкова к Очкину. Как цензор он впоследствии неоднократно содействовал Языкову в проведении стихов через цензуру. Вздвигавшая Комовского заметка была напечатана в № 212 „Северной Пчелы“ за 1831 г. Текст ее следующий:

„В нынешнее время никто, кажется, уже не сомневается в важности памятников народной поэзии; посему читателям нашим, конечно, приятно будет узнать, что двое молодых литераторов занимаются собиранием в разных губерниях народных песен и, как мы слышали, труды их уже увенчались успехом: им удалось собрать значительное число песен, доселе ненапечатанных. Критическое издание подобного собрания будет важным пособием при изучении не только истории русской литературы, но нравов, обычаев и поверий русского народа и самой истории нашего отечества“.

10. В. Д. КОМОВСКИЙ—Н. М. ЯЗЫКОВУ

14 октября 1831

Вчера главное управление Цензуры разрешило издание Европейца. Разрешение последовало очень благополучно, без малейших затруднений. На будущей неделе, во вторник, будет подписан журнал Управления,—и предписание Московскому Комитету; этот недельный промежуток есть зло, сопряженное с канцелярскими формами.

У Грефа есть налицо только следующие французские журналы:

1. Revue de deux mondes— 45 р.
2. — britannique— 75 р.
3. — germanique— 50 р.
4. — encyclopédique— 65 р.
5. — de Paris—120 р.

и английские 6. The foreign review— 40 р., некоторые из них искусаны цензурою.

Вот цены других журналов, которых Греф однако не имеет; он их выпишет на будущий год, если ему закажут:

The quarterly review	40 р.
The Edinburgh review	40 р.
Jahrbücher der Kritik	60 р.
Wiener Jahrbücher der Literatur	40 р.

Hermes, по 12 р. 50 книжка, следовательно годовое издание—50 р.

Вообще Греф неохотно выписывает журналы без заказа. Получает же он их с открытия навигации, т. е. с мая, до прекращения оной— до ноября. Присылка их зависит от заграничных книгопродавцев.

Посылаю, через Ширяева, последние каталоги Грефа; из них вы сами увидите литературные новости. В ноябре м-це должен быть напечатан его каталог; мне обещались показать его в рукописи; я выпишу из него что сумею и сообщу вам. Греф только что получил последнюю посылку книг; еще не вскрыл тюков; потому должно подождать недели с две.

По поручению Александра Михайловича, будут к вам доставлены выписанные им у Грефа книги. Извольте поступить с ними, как рассудите за благо.

Очень жалею, что меня не случилось у министра в то время, когда являлся к нему Погодин. Успешно ли его хождение по делам? Позволяют ли ему выпустить Петра? Не знаете ли, каков этот Петр; не имеет ли, и кроме соименности, сходства с Петром Выжигиным? Ведь нам Погодин-поэт еще неизвестен.

Здесь, в Питере, к новому году готовятся Север[ные] Цветы и Невский Альманах; последний доселе жил вашими подачками; по прежнему ли вы к нему снисходительны?—Через неделю должны появиться баллады Жуковского и прозаические повести Пушкина под именем Белкина. Это, верно, титло на историографство.

В. Комовский

11. Н. М. ЯЗЫКОВ—В. Д. КОМОВСКОМУ

1831. Октября 25. Москва

Всею душою и всем сердцем литературным и духовным благодарю вас за известие о разрешении Европейца—и не один я приношу вам сию благодарность: вместе со мной благодарит вас и сам Европейец—и благодарит вся Россия. Здесь еще не получили сей приятной новости в Цензуру: пора уже печатать в газетах объявление: говорят, что в глазах нашей почтеннейшей публики много значит и первенство обнародовать об издании нового журнала. Оно и дело: кто первый стал тот и капрал!...

Твердо надеясь на сродную вам благосклонность, прошу вас взять у Грефа, за прилагаемые здесь деньги, журналы за 1831 г.

Revue de deux mondes—	45 р.
— germanique—	50
— de Paris —	120
и англ. The foreign review —	40
	255

Да примчатся они сюда как можно скорее: пора готовить статьи и известия и проч. разные разности. А на будущий 1832 год Киреевскому должно получать все это через почту для вящей свежести.

Новостей литературных здесь почти нет: всех важнее вот какая: баронесса Дельвиг вышла замуж за Сергея Баратынского!

Прощайте покуда. Боюсь опоздать на почту

Весь ваш Н. Языков

Каталогов Грефовых я еще не получил. Ведь Ширяев шелкопер. Адрес для отправления сюда журналов: Его Благородию Ив. Вас. Киреевскому, у Красных ворот, в доме Елагиной.

Баронесса Дельвиг, София Михайловна—вдова поэта (1806—1888). Вторично вышла замуж за брата Е. А. Баратынского Сергея. О ней см. Б. Л. Модзалевский „Роман декабриста Каховского“ („Тр. Пушк. дома“, Л., 1926); М. А. Гофман „Письма барона Дельвига к невесте“ („Сборн. Пушк. дома на 1923 г.“), а также в „Дневнике Вульфа“ („Пушк. и его совр.“, т. XXI—XXII).

12. Н. М. ЯЗЫКОВ—В. Д. КОМОВСКОМУ

1831. Ноября 11. Москва

Благодарю вас за журналы и прочие труды ваши в пользу Европейца, следственно Европы, лучшей части мира: следственно России—нашего любезного отечества. Государственную новость, сообщенную мне вами, я отошла, куда следует: это самая подлейшая клевета и пакость. Деньги пусть пребывают у вас до дальнейших просьб на имя ваше от лица нового гражданина нашей журналистики. А вот вам нечто обо мне и для меня: справьтесь (когда-нибудь—дело не к спеху), что стоят все годы журнала Христианское чтение: здесь его вовсе нет—и еще: какой лучший перевод библии на немецкий язык (Лютеров я знаю: это экстракт и мне мало), какой лучший толковник библии: фактический не мистик и не мудрователь; нет ли полного словаря библейского, если можно тоже чисто исторического, чисто археологического, чисто географического—и тоже если можно составленным огромным [?] педантом для неученых—для нашей братии поэтов росейских! Все это мне нужно, важно, необходимо и любо возыметь: потому что с 1-го января 1832 года моя муза должна преобразиться: я перейду из кабака—прямо в церковь!! Пора и бога вспомнить!

Брат Ал[ександр] находится теперь в Уфе: вот его адрес: Его Высокоб. Александру Спиридоновичу Ломоносову для доставления А. М. Я.

Я не читал еще повестей Белкина: их многие хвалят. А каков Гоголь Яновский? Он мне очень нравится. Может быть и за то, что житье-бытье парубков чрезвычайно похоже на студентское, которого аз есмь пророк!

В здешнем Университете делаются разные неевропейские перемены: таково помещение всех неказенных студентов в один дом, под устав монастырский: каждый должен платить 350 р. ежегодно за это соединение

и, вероятно, скопление. У кого нет оной суммы—вон из храма наук! А многие здешние студенты жили до сих пор вот как: за обучение детей какого-нибудь попа, дьякона или бедного чиновника имели квартиру, корм и свет свечи сальной—как же им быть?

Прощайте покуда.

Ваш покорный

Н. Языков

О какой государственной новости говорит Языков—неясно, так как соответственное письмо Комовского не сохранилось.

В pendant к этому письму о новом направлении лирики Языкова очень ценны и характерны некоторые письма его к брату А. М. этого же периода. 30 сентября 1830 г. Языков писал брату: „Наш Парнасс просыпается. Жуковский написал целый том новых стихотворений, Пушкин—повесть в стихах и еще пишет. И моя поэзия тоже не в бездействии пребывает: если благословение господне меня не оставит, то к 1 сент. 1832 г. у меня будет 2000 стихов и выиграю заклад [речь идет о пари с А. А. Елагиним]; всего больше боюсь светской рассеянности: того и гляди затаскаюсь и растаскаюсь в ее шуме и блеске. Если совершится сие поэзии моей дельное дело, то я выдам в свет собрание моих стихотворений: это должно будет сделать и потому, что пора будет и довольно их и потому что на них есть особенный отпечаток, и характер в них дышет такой, которого не должно быть в последующих: пусть они и существуют особняком. Теперешние все—любовные, винные (это не беда, у меня пьянство—свое: оно, так сказать, *mare clausum* моей поэзии“ (Неопубликованная переписка).

13 января 1832 г. он сообщает, что получил „Христианское Чтение“, „и уже начал питаться им в удовольствие и во благо души моей. Книга чрезвычайно важная: в ней все дельно, умно, учено и изложено сильно и чисто; многому доброму можно или паке должно из нее научиться. Теперь для полного развития моих новых поэтических настроений недостает мне только хорошего перевода и толкований на библию немецких, церковной истории Иннокентия и Миней,—но и все это приобрету со временем, которое скоро наступит, потому что связано с изданием моих стихов вакхических, которые уже едут ко мне другую неделю из Симбирска“ (ibid.).

13. В. Д. КОМОВСКИЙ—Н. М. ЯЗЫКОВУ

Одну часть вашего поручения, конечно самую не трудную, я уже исполнил: у Смирдина нашел полный экземпляр Христианского Чтения, с 1821 года. Каждый год переплетенный стоит 25 р. В Духовной Академии можно достать в бумажной обертке по 20 р. за год. Другая часть поручения не столько легка здесь, где богословов не водится. Я намерен спросить Духовную Академию: там читают немцев, хотя тайком, однако кажется, довольно усердно. Между тем позвольте сообщить, что де-Ветте (вы верно знаете этого утешителя Зандовой матери) советует читать лучшие из переводов библейских книг отдельно; полные переводы целой Библии не удостоиваются его одобрения.—О результате моих распросов не замедлю известить вас. Не вернее ли, не лучше ли спросить Дерптский богословский факультет?

Ваша перемена квартиры на Парнасе радует, восхищает—простите прозаическому человеку это, поэзии принадлежащее, слово. Вам, который первый дал русской поэзии ее исторические романсы—долженствующие заменять эпопею, теперь, верно, будет она обязана и своими легендами, которые заступят в ней место мифологии; а, может быть, вы не откажитесь от великого труда создать нам и ту и другую. Как идеалист в поэзии, я поклоняюсь тому и чествую того, кто наше стихотворство материальное и матерное—выносит в мир фантазии—свободный, безграничный.

Повтому-то и Гоголь-Яновский мне особенно по сердцу; не говорю уже (я хохол по происхождению, хотя ничего малороссийского никогда не видал и не знаю)—не говорю о родственной привязанности к

малороссийскому и Малороссии, которая, вы согласитесь, есть самый поэтический член России и в географическом, и в историческом отношении. Может быть повестей Пушк[ина] не сумел я оценить по достоинству оттого именно, что читал их вслед за вечерами на Хуторе. Пожив в такой тесной связи с ведьмами и колдунами, не заслушаешься москаля, который думает, что и бог вещь как игриво его воображение, создавшее высокий вымысел о пьяном гробовщике, который во сне угощает мертвецов. У Пушкина не нашел я только ничего охаять; но ничего особенно похвалы достойного не отыскал.

Пророчествуя о житье студенческом—вы поэт нововременный Кат'εζηχην ибо жизнь университетская есть единственный уголок нашего тягостного мира телесных мыслей и забот, куда еще укрылась и где таится поэзия бытия. Я говорю не о Российских универс[итетах] даже не о Московском, хотя он, как вы пишете, оказался некоторым людям слишком поэтическим. Это героический [нрзб.] в жизни современной,—Гомеровской, в котором пьют, едят, дерутся и... при- брать тут рифму n'est pas une mal à boire.

В. Комовский

17 ноября 1831 г.

Κατ'εζηχην—по преимуществу. Комовский здесь цитирует Языкова:

О, будь же вам благодаренье,
Вам, коих знания, вкус и ум
Блюли порядок наших дум,
В нас водворяли просвещение.
Всем вам. Тебе ж, Кат'εζηχην
Наставник наш, хвала и слава,
Душой воспитанник Камен,
А телом ровня Болеслава,
Муж государственных наук.

(„Отъезд“.)

Комментаторами обычно эти строки относятся к проф. Дерптского университета Г. Х. Дабелову.

De-Веβem me (1780—1849)—знаменитый немецкий богослов, автор ряда выдающихся исследований по критике текста библии и евангелия.

14. Н. М. ЯЗЫКОВ—В. Д. КОМОВСКОМУ

1831. Декабря 9. Москва

Чувствительнейше целую вас в изъявление той глубочайшей благодарности, которая подобает вам от всей души моей и от всего сердца моего за ваши благотивные старания, хождения и беспокойства для улаживания грядущего пути моей Музе. Скоро буду я иметь удовольствие распорядиться по сей части решительно, самим делом; но все-таки к новому году не совершится сие чистейшее из моих желаний поэтических—так богу угодно—им цари царствуют и сильные глаголют—а мы и поготово!

В Северных Цветах будут напечатаны некоторые из новых моих стихотворений: кое-где попортила смирительная рука властей предержащих: я пришло вам их в первообразе, если вы их уже не имеете от брата Алекс[андра]. Вы должны знать мою поэзию во всей, так сказать, наготе ее, какова бы ни была сия последняя.

Мой прежний товарищ А. Степанов, юноша воспитанный в Германии во всем пространстве филологии латинской и гречес[кой], теперь находящийся в Витебске учителем, составил греческую грам[матику], историю лат[инской] литер[атуры] и составляет греко-российский словарь.

Вот каковы наши дерптские! Я буду издавать сии труды благословенные! Похвалите меня за это общепользное предприятие!

Я выписываю сюда из Уфы брата А[лександра]. Уж и мне за него скучно: что он там зарылся в глушь и пустоту жизни—даже несемейственной: все занимается делами: я советую их вовсе бросить, понеже они-то и [нрзб.] и суета сует—и несть им конца. Потому что всякой конец одного есть начало другого, так и далее.

Прощайте покуда.

Ваш Языков

15. Н. М. ЯЗЫКОВ—В. Д. КОМОВСКОМУ

1831. Декабря 16. Москва

Сделайте похождение к Смирдину и одолжение мне: поручите ему направить на мое имя, посредством конторы дилижансов Христианское Чтение за все прошлые годы: 1821, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30: 25 р. 10 = 250 на 31 тоже если выходило—прежние в переплете не так ли? (А на 1832 оно кажется не будет являться, по крайней мере, в списке журналов и газет нет его). Деньги, находящиеся у вас, на имя Европейца—теперь превратились в мои. Да что книга Ветринского: памятки пр[авославной] Церкви вышла и выйдет ли хороша? Если да—то и ее. Да, если можно Церковную Историю Инокентия—последнее издание. И все это поскорее.

Какой добрый молодец перевел Логику Бахмана—честь ему и слава! В Петербурге распространилось ложное мнение, что я тоже издатель Европейца: Воейков поздравляет меня письменно с сим полным званием: я не хочу пользоваться честью и славою незаслуженною. Пришлю вам Марфу. Что вы скажете о новых балладах Жуковского? Пушкин здесь; кажется, он ничего не сделал важного в истекающем году, включая сюда и Белкина.

Прощайте покуда.

Ваш Н. Языков

Вот вам самое животрепещее детище моей Музы:

ПОЭТУ

Когда с тобой сроднилось вдохновенье
И сильно им твоя трепещит грудь,
И видишь ты свое предназначенье,
И знаешь свой благословенный путь,
Когда тебе на подвиг все готово
В чем на земле небесный явен дар:
Могучей мысли свет и жар,
И огнедышащее слово:

* * *

Иди ты в мир, да слышит он пророка.
Но в мире будь величествен и свят:
Не лобызай сахарных уст порока,
И не проси и не бери награды.
Приветно ли сияет багряница?
Ужасен ли венчанный произвол?

Невинен будь, как голубица,
Смел и отважен, как орел.

* * *

И стройные и сладостные звуки
Поднимутся с гремящих струн твоих:
В тех звуках раб свои забудет муки
И Царь Саул заслушается их;
И жизнь торжественно-высокой
Ты процветешь, и будет век светло

Твое открытое чело,
И зорко пламенное око.

* * *

Но если ты похвал и наслаждений
Исполнился желанием земным:
Не собирай богатых приношений
На жертвенник пред Господом Твоим:
Он на тебя немилосердно взглянет,
Не примет жертв лукавых; дым и гром

Размечут их—и жрец отпрянет
Дрожащий страхом и стыдом!

„Марфа-Посадница“ — трагедия Погодина, встреченная недружелюбно в кругу Языкова-Киреевских, упорно требовавших от Погодина только исторических занятий и категорически отрицавших его как писателя, особенно как поэта. Комовский, идеологически и эстетически близкий кружку Языковых, ознакомившись с пьесой, писал А. М. Языкову: „Сегодня я прочитал Марфу-посадницу. Это совершенная противоположность, антитезис к Борису Годунову Пушкина, от которого, как от поэта, я ожидал поэтического творения и который сам, быть может, хотел произвести оное—написал исторические сцены вроде Ветте; Погодин—прозаик, которому, быть может, удалась бы драматизированная история, захотел создать историческую драму и показал, что в нем нет ни искры поэзии, ни стихотворческого дарования. Впрочем, может статься, что я бесчувствен для красот Марфы, которые находили в оной друзья Погодина, как он объявил в предисловии“. В числе лиц, сочувственно относящихся к трагедии Погодина, был однако и Пушкин, который ценил в ней очевидно стремление и попытку работать тем же художественным методом, каким работал он сам, создавая „Бориса“; в то же время Пушкин очень отчетливо видел все чисто художественные дефекты „Марфы“, подчеркивая их и самому Погодину. „Марфа-Посадница“ вышла без имени автора.

„Повести Белкина“ были встречены отрицательно и Языковым, и Комовским. Это идет по той же линии, которая обусловила отношение Языкова и Комовского к „Сказкам“ Пушкина; в области прозы Языков был решительным сторонником Марлинского, противопоставляя его Пушкину. См. примеч. к письму № 49.

Стихотворение Языкова „Поэт“ появилось в альманахе „Комета Беллы“, изданном цензором Семеновым (см. письмо № 16 и след.), с цензурными изменениями в ст. 13—14.

В тот же день—16 декабря 1831 г.—Языков писал брату по поводу Бахмана: „Я купил Логику Бахмана на русском: перевод, как мне кажется, мастерской: ее должно и можно прочесть с удовольствием. Переводчик—человек духовного звания, принадлежащий к Невской духовной Академии. Честь и слава ей—и нашему духовенству. Вообще, оно самое ученое сословие в России, следовательно, самое почтенное; я выписываю себе много духовных книг по благораспоряжению Комовского—и с нового 1832 года углубляю в сии неисчерпаемые источники поэзии чистой, независимой и вполне небесной...“ (ИРЛИ)

Логика Бахмана—„Sistem der Logik“ 1828, труд известного профессора Карла-Фридриха Бахмана (1785—1855), бывшего одно время учеником Гегеля, а потом решительно выступившего против него. В 1833 г. он опубликовал книгу: „Über Hegels System und die Notwendigkeit einer nochmaligen Umgestaltung der Philosophie“.

Русский перевод „Логики“ пользовался большим успехом и выдержал три издания (1831, 1833 и 1840).

16. В. Д. КОМОВСКИЙ—Н. М. ЯЗЫКОВУ

С. П. Б. 17 декабря 1831

Ваша снисходительность ко мне дает мне право не только тщеславиться, но даже гордиться: вы хотите открыть передо мною и самые тайные прелести вашей музыки; вы хотите ввести меня, грешного и недостойного, во святая святых! Веселиться ли мне? И я веселюсь душою моею; благодарить ли вас? и я благодарю всем сердцем моим!

Дела Степанова делают честь России, не одному Дерпту, а вы, как издатель, вы благотворитель наш. Не худо было бы поспешить печатанием. Министерство просвещения имеет обязанность настрять разных учебных книг—и стряпает. Попову, проф. здешнего университета, поручено перевести греч[ескую] гр[амматику] Буттмана; года три он ее переводит; вероятно столько же времени будет печатать, между тем (если б появилась гр[амматика] Степанова) она могла бы быть введена в училища; тоже и История Римск[ой] Литер. и Словарь. Это для Сте[панова] было бы выгодно—я предполагаю, что немцы здешние простят ему русское происхождение, ради немецкого образования.

Комиссионер мой в Духовной Академии что-то нерадив; но я пишу его и в следующий раз доставлю вам ответ на запрос.

Погодин поручил мне через вас известить его о ходе дела о Петре. Сегодня он послан к Государю на разрешение. Потрудитесь сказать Погодину, что докладная записка составлена почти так, как написано представление цензур[ного] комитета. Он его, верно, помнит, ибо это было при нем. Глав. Управл. Ценз. признает, что траг[едия] Пог[одина] написана с благой целью, что Петр возвеличен, а заговорщики унижены по достоинству; что в траг[едии] нет ничего явно противного Уставу о Ценз[уре], но Управл[ение] не считает себя в праве позволить ее 1. по государственной важности сюжета; 2. по близости события к нашему времени; 3. потому, что не знает, можно ли Петра трогать, Екатерину I—выставить участницею в замыслах Меньшикова, а Долгорукому—позволить браниться с Петром. Уверьте Погодина, что я, сколько мог, старался помягче и полегче написать записку. Блудов видел ее также.

Имею к вам покорнейшую просьбу. Не рассердитесь за смелость. Мой добрый приятель,—как соученик,—Семенов, цензор, издает к Святой альманах; хочет победить всех прочих; для наружных украшений пригласил Райта—гравера; а для соответственного наружности достоинства внутреннего умоляет вас украсить чем-нибудь вашим. Поэт есть самая идея доброты, повторяю я с известным учеником Вильгельма Карловича.

Наши Петербургские что-то замотали не в свою голову: Белизар издает *Revue étrangère*, и как бы вы думали—кто у него сотрудники? Бальзак, Жанен, Виктор Гюго, Проспер Мериме и пр. Он платит им по 400 или 350 за два печатн[ых] листа. Ай-да наши!! Славно!

В. К.

17. Н. М. ЯЗЫКОВ—В. Д. КОМОВСКОМУ

1831. Декабря 23. Москва

Сердечно благодарю вас — не за комплименты, которыми вы меня осыпаете, а за радушное участие вами принимаемое в делах моей Музы. Я думал, что выписывание книг, об коих теперь идет у нас слово, производится просто через Смирдина, — но честь и слава вам, вошедшему в сношение с Духовною Академиею и возымевшему в ней комиссаров в мое имя!

Я снесусь со Степановым об его трудах филологических — и потребую их как можно скорее к себе — для пересылки к вам для вашего воззрения и обсуждения: — везде нужен глаз да глаз, кольми паче здесь, ибо вообще нужны вооруженные: а таковы ваши. Мне было бы бессовестно сесть на преторское место в этом деле, уже и потому что оно вообще дело: поэзия почти всегда не слушается грамматики, а русская вовсе не знает греческой!!

Погодин теперь в деревне я сообщу ему ваше известие о Петре. Он, как слышно, сочиняет мысли об истории всемирной опять не то! Что нам в десерте, когда у нас нет и первого блюда? Погодин вовсе сбился с пути: ему бы разыскивать наши исторические факты: у него есть талант на это, а он парить желает и путается не в свою сферу: этак недалеко до Полевого. Он вполне уверен, что может и должен писать трагедии: тщетно друзья и приятели доказывают ему противное, — сочинитель Марфы, кажется, никогда не излечится от своего утара.

Я видел представление Горя от ума: здесь оно идет как нельзя хуже: даже самый текст обрезан чрезвычайно глупо — так глупо, что вероятно это дело не Петерб[ургской] цензуры, а директора здешнего театра. А комедия все-таки нравится публике: ее играют довольно часто — и театр всякой раз полон: это много, это все для автора, где бы то ни было, а у нас и поговово.

Я уже послал стихи в Альманах, вами покровительствуемый: те самые, которые к вам явились с прошлою почтою. Замечу мимоходом, что С[еменов] поступает неосмотрительно, издавая Альманах не к новому году: в иное время он не может иметь успеха: точно так же как красные яйца покупаются только о святой неделе.

Прощайте покуда.

Брат Ал[ександр] несказанно одинок в своем захолустье уфимском: из рук вон: не знаю как и быть с ним.

Ваш Н. Языков

О своих впечатлениях по поводу постановки „Горя от ума“ Языков писал 16 декабря к брату А. М.: „Я видел представление Горя от ума. Оно здесь идет нестерпимо худо: почти все актеры, не исключая и Щепкина, играют плохо: всех плоше Мочалов — Чацкого, и один только полковник Скалозуб очень и очень хорошо: несмотря на все это публика жадно смотрит сию первую русскую комедию: театр всякий раз полон.хлопотни много, потому что всякое слово — острота. Чрезвычайно сильно действует на сцене лицо бессловесное: князь Тугоуховский: нельзя смотреть на него, не смеясь. Бал, вообще сноснее других действий. Выпуски разных намеков на то, на се и проч. сделаны чрезвычайно глупо: многое оставлено, чего бы не следовало говорить на императорском театре — а многое выброшено или перековеркано ни за что ни про что. Говорят, что в Питере все это делается несравненно умнее: вот какая странность“ (ИРЛИ).

18. В. Д. КОМОВСКИЙ—Н. М. ЯЗЫКОВУ

С. П. Б. 23 декабря 1831

Поздравляю вас с праздником и новым годом. Зрите меня, падшего ниц пред вами и музую вашею за прекрасную поэтическую заповедь: не приемли имени господа бога твоего всуе. Чтob вам, Моисею избранного народа Фебова, не отстать от израильского собрата — должно бы и остальные девять заповедей возвестить сынам Аполлоновым.

Смирдин пошлет завтра Христ[ианское] чтение на ваше имя к Ши-рреву — велите у него осведомиться. В переплете у См[ирдина] осталось только 5 годов — прочие проданы уже; за то для всех годов цена одна: по 20 р. — в число следующих за сей журнал и за историю Инокентия денег — я заплатил оставшиеся у меня 185 р. (т. е. из 275. вычтя:

70 р. за *Revue germ.* и 20 р. за 2 №№ *For Rew*). — Книгу Ветр[инского] я не велел посылать потому, что она вероятно не будет доведена до конца: Филарет проклял ее, и не велел покупать для духовных школ — а без пособия от сих последних Ветр[инский] не в состоянии издать свое творение, — о достоинстве оного ничего не слышал.

Логику Бахмана перевел некто Вершинский — секретарь Духовн[ой] Цензуры и преподаватель в здешней Духов[ной] Академии; — он же переводчик Астовой Истории Философии; муж, как видно, доблей! — Под рысой и в косице. отрылся еще примечательный человек: автор Мечислана и Росланы. Прочтите это произведение, перетерпите первые две части, зато 3, 4 и некоторые места 5-й верно вам понравятся — и очень.

Должно автору, ради его неопытности в поэтическом деле, простить места и стихи чужие (хорошо еще что у многих или у всех русских авторов похищает наш юный певец, а не одному подражает: „государственная мудрость ставит уважение к предкам в достоинство гражданину образованному“), болтливость, плодовитость его Музы; и покушение написать русскую сказку без всего сказочного. Вообще повествовательная часть довольно плоха, но лирическая, кажется, достойна всяких похвал; напр. начало 3 и 4 частей и Эпилог..

Имени нового пиита не мог я проведать: но вот История этого творения. Во время холеры Смирдин жил на Царскосельской дороге, на даче; у соседа его какой-то семинарист учил детей; и этот-то семинарист — есть сам автор Мечислава. Смирдин даже не знает, как его зовут, и взял рукопись, чтоб напечатать Христа-ради на свой счет в числе 300 экз. — Баллады Жук[овского] я только что купил и пробежал наскоро; потому всего хорошего не успел еще рассмотреть и заметить.

Вверяю вам государственную тайну для сообщения Погодину. На записке о его Петре Государь написал: „Лице императора Петра Великого должно быть для каждого русского предметом благоговения и любви; выводить оное на сцену было бы почти нарушением святыни и по сему совершенно неприлично. Не дозволять печатать. Манускрипт возвращу в непродолжительном времени.“ — Доселе еще не возвратил, однако. Заметьте Пог[одину], что в записке не упоминалось о выводе Петра на сцену — это в мое оправдание.

Духовная Академия, на известный запрос, отвечала неведением. Я пораспрошу еще кое-кого. Покуда напомним, что Вахлер с похвалою упоминает о Михелисовом переводе Ветх. Зав. с примечаниями, изд. в Геттингене 1769 и след. годах in 4° и Штольцовом Нов. Зав. 1820 г. в Ганновере.

В. Комовский

„Мечислав и Рослана“ — один из опытов создания поэтической сказки на основе народной, которые в огромном количестве появлялись в русской литературе после знаменитого состязания Жуковского и Пушкина в 1831 г. „Сказка“ вызвала весьма сочувственный отзыв в „Сев. Пчеле“. О дальнейшей судьбе ее автора, как и об его имени, ничего неизвестно. Я

О Бахмане — см. примеч. к № 15; Астова философия — перевод книги „Grundriss der Geschichte der Philosophie Георга-Фридриха Аста (1788—1841)“. Аст принадлежал к кругу шеллингианцев, хотя и не вполне последовательных. Первое издание его „Grundriss'a“ вышло в 1807 г., второе — в 1825 г. С последнего и сделан русский перевод.

19. Н. М. ЯЗЫКОВ—В. Д. КОМОВСКОМУ

1831. Декабря 29. Москва

Зрите меня, падающим ниц перед вами, преисполненным моими глубочайшими чувствами благодарности за сильные труды, подъемлемые

десницею вашею во славу моей будущей жизни. Призываю на главу вашу все щедроты благодати господней, и да цветете вы, подобно древу при источнике вод насажденному!!.

Брат Ал[ександр] находится теперь в Симбирске — по случаю праздников рождества, нового года и крещения, которые праздники вообще, так сказать, семейные. Устремляйте же туда к нему ваши письма и давайте им, как можно чаще, характер электрический: да пробудят они к духовной деятельности сего мужа, ни за что ни про что полюбившего тишь и глушь!

В 1 № Европейца вы найдете мое стихотворение (под романтическим заглавием Ау!). Из него вытеснила цензура четыре стиха.

О! проклят будь, кто потревожит
Великолепье старины,
Кто на нее печать наложит
Мимоходящей новизны!

Они идут после стихов:

..... Эти главы
Святым сиянием горят!

Читайте в сем порядке.

Михаелисов перевод Библии, вероятно, меня убогит: но достать ли его? и нет ли, справьтесь когда-нибудь на досуге у Грефа — жаль, что не помню — какого автора — немецкий biblischer Wörterbuch — издано года с три назад — мне его очень хвалили дерптские. А новый Завет у меня есть — тот самый, о котором вы меня извещаете: на греч. и лат. не так ли?

Погодина, конечно, огорчит судьба Петра — зато его Марфа идет в честь и славу и под всенародное рукоплескание: ее хотят здесь представить в бенефис Щепкина — и, конечно, несмотря на то, что здесь нет ни одного даже сносного трагич[еского] актера и несмотря на то, что в самой трагедии нет ни одного сносного лица — успех будет большой: мы одно любим, одного желаем: любим отечество, желаем ему благоденствия...

Киреевский вам кланяется и посылает здесь прилагаемый ярлык на Европейца.

Ваш покорный Н. Языков

„Ау“ принадлежит к пьесам Языкова, где весьма решительно определен новый путь его как поэта, приведший Языкова в конце концов в лагерь самого правого крыла славянофильства. В этом стихотворении, сопоставляя свои новые настроения с прежними мотивами своего творчества, он писал:

.....
Да я покинул, наконец,
Пыры, беспечность кочевую,
Я, голосистый их певец!
Святых восторгов просит лира;
Она чужда тех буйных лет,
И вновь из прелести сует
Не сотворит себе кумира!
Я здесь: — Да здравствует Москва!
Вот небеса мои родные!
Здесь наша матушка Россия
Семисотлетняя жива!
Здесь все бывало: плен, свобода,
Орда, и Польша, и Литва,
Французы, лавр и хмель народа,
Все, все!.. Да здравствует Москва!

БЫТОВАЯ СЦЕНА ИЗ ЖИЗНИ ДЕРПТСКИХ СТУДЕНТОВ НАЧАЛА XIX ВЕКА
Цветная литография из издания „Album von Dorpat und Umgebungen“

Какими думами украшен
Сей холм давнишних стен и башен,
Бойниц, соборов и палат!
Здесь наших бед и нашей славы
Хранится повесть! Эти главы
Святым сиянием горят!
О проклят будь, кто потревожит
Великолепье старины;
Кто на нее печать наложит
Мимоходящей новизны!
Сюда на дело песнопений,
Поэты наши! Для стихов
В Москве ищите русских слов,
Своисродных вдохновений!

20. Н. М. ЯЗЫКОВ—В. Д. КОМОВСКОМУ

1832. Января 5. Москва

Получили ли вы Европейца? каково? Критики замечают, что он zu theoretisch — и кажется правы. Но да извинится перед очами вашими сей недостаток тем, что у издателя мало было материалов за прошлый год европейских, свежих, животрепещущих — на 1832 должно быть много и проч. А что Сев. Цветы — сия тризна по Дель[вигу] — как их называет ее совершитель — Пушкин. Мы ожидали и бог знает чего — ан вышел грех. Замечательно в нашей лит[ературе] между прочим и то, что все крупные предприятия важнейших ее сановников — не удаются — такова Лит[ературная] газета и проч. С Европейцем не должно бы этого случиться: — он начался под сению Жуковского, — и только, зато ближний боярин нашего Парнаса — Пушкин как-то его чуждается, чинится с ним и только что обещает и стихов и прозы. Стихи же в журнале не глав-

ное: другое дело Альманах — так например в Сев[ерных] Цв[етах]. Первый куплет моих стихов А. Дельвигу изуродован цензурою, читайте его вот как:

В соблазны мира
Не увлеклась душа его:
Шелом и царская порфира
Пред ним сияли; он кумира
Не замечал ни одного:
Свободомыслящая лира
Ничем не жертвовала им,
Звуча наитием святым!

Знает ли Устрялов, совершающий великое дело перевода Марж[ерета], Бера и проч., о существовании *Esame critico con documenti inediti della storia di Demetrio di Iwan Wasiliewitch; per Sebastiano Ciampi Firense. 1627.*

Не худо бы и эту брошюру издать вместе с другими книгами о самозванце — говорят в ней много любопытного: здесь ее видно у Малиновского.

Я читал в Тел[еграфе] отрывок из Стрельцов — Масальский, по моему суждению, есть Булгарин II. Лучше бы ему издать просто, не мудрствуя, материалы коими он хвастается; оно было бы гораздо почтеннее, дельнее и назидательнее, нежели обоссывать предмет драгоценный!

Н. Языков

Какой сквернавец Шаплет, что перевел Флорианова Дон-Кихота. Он ведь знает и по-немецки.

Здесь говорят, что в стихотворении, посланном мною Семенову, должно переменить слово смел — на горд — я против этого, потому что, смелый не то, что отважный. Как вы? Действуйте по вашему благорасмотрению!

Масальский, Константин — второстепенный писатель, автор ряда исторических романов, примыкавший к тому же направлению в литературе, яркими выразителями которого были Загоскин, Булгарин и т. п. Характер „Стрельцов“ отчетливо определяется тем отзывом, который был дан этому роману на страницах „Северной Пчелы“: „Автор, выставив исторические и вымышленные лица, бескорыстно преданные Церкви, Престолу и Отечеству, резко и искусно противопоставил им людей, увлекавшихся духом мятежей, суеверием и расчетами корысти и властолюбия... Поучительная цель романа тем разительнее, что гибель и наказание, постигшие всех восставших против Церкви и власти царской, не вымышлены сочинителем, а основаны на исторических событиях“ („Сев. Пчела“ 1832, № 93, рец. Н. Ю.). Позже, в 50-х годах, Масальский писал патристические басни в „Северной Пчеле“.

О переводе Флорианова „Дон Кихота“ — имеется в виду русский перевод — „Дон Кихота“ 1830 г., сделанный С. Шаплетом не с подлинника, а с французской переделки Флориана.

21. В. Д. КОМОВСКИЙ — Н. М. ЯЗЫКОВУ

С. П. Б. 11 января 1832

Европееца получил и читал с большим наслаждением духовным; вторично благодарю за него вас и Киреевского. Мне кажется, что за свой теоретический характер именно и достоин он хвалы. В наших прочих журналах — теория есть самая бедная, самая слабая сторона; следовательно тут никогда лишки не будет. Прибавки к статьям переведенным также служат к отличию сего нового вестника литературного от прочих собраний: они дают ему вид стройного, внутренне согласного целого. Обыкновенно у нас переводы печатаются в журналах без всяких видо-

изменений: нашим издателям мало горя и нет дела, что журналы, с которых собирают они оброк, издаются каждый в своем особом духе, для особой цели. Как мило переделана Повесть! Скажу я вам за секрет что Европ[еец] осеняется не одним только Жуковским из сановников нашего Парнаса, вам это, кажется, еще неизвестно. Пушкин, чуждаясь Европейца, является непризнательным. Кир[еевский] более, чем кто-либо послужил ему и в Москов[ском] Вестн[ике] и теперь. Бориса он ставит на самую выгодную для него точку перед зрителями; но тут остается еще два вопроса решить. Во-1-х, драматическое сочинение, излагающее не действие, а следствие оногo—не есть ли прямое противоречие понятию о драме? а во-2-х, удовлетворительно ли в Борисе развиты и показаны следствия убийства Дмитрия? На последнее—ответ Кир[еевск]ого будет вероятно в следующих номерах.

Зачем вы, или лучше Изд[атель] Евр[опейца], позволяете Цензуре делать непристойные дела с вашими стихами? Вооружитесь § Устава; и Комитет обязан будет представить Управлению Цензуры, которое, правда, не всегда действует по законам разума, однако, верно, не исключило бы ничего из Ау!

Я сообщу Устрялову ваше мнение об итальянской брошюрке; разумеется посредственно—ибо с самим Устр[яловым] я не знаком. Он должен был знать об ней; помнится, Московский Вестн[ик] толковал что-то и об этой книге.

Масальск[ий] читал мне несколько из своей рукописи и толковал многое о своем творении, я тогда же подозревал, что этот роман будет à la Дмитрий Самозванец: ваши слова подтвердили мои подозрения. Уже вышли три части; но я не буду читать их до появления и последней.

Семенов клянется, что не прикасался к вашим стихам в Сев. Цвет; они переделаны еще прежде цензорского воззрения на них.

На перемену в вашей Заповеди я никак не могу посягнуть! Если выражение смел и отважен есть несколько плеоназмическое (чего и я не могу допустить): то это родимое пятнышко—чрезвычайно как к лицу; мне кажется труднее сочетать понятия о невинности и гордости.

Семен[ов] наделен вами богаче, чем другие его сподвижники, и чтож?—о жадность людская! просит несколько мелких бриллиантов, чтоб окружить солитер светозарный. Я не берусь просить за него. Это значило бы во зло употреблять ваше долготерпение и вашу многомилость.

В. Комовский

„А la Дмитрий Самозванец“—речь идет о романе Булгарина под таким названием.

22. Н. М. ЯЗЫКОВ—В. Д. КОМОВСКОМУ

1832. Января 12. Москва

Сегодня получил я Христ[ианское] чтение—и благодарно кланяюсь вам—и благословляю вас за сию здравую пищу бытию моему. Погодина очень огорчило известие что Государь возвратил его рукопись безо всяких отметок: видно автор Петра ожидал, что его поэзия сильно и решительно подействует на сердце находящееся в руке божией!! Впрочем сей неуспех не вразумил нашего трагика: право речение, что человек единожды вкусивший от плода запрещенного—навсегда делается рабом греху. П[огодин] сочиняет теперь—что бы вы думали? погодите хоть с час перевертывать эту страницу: не отгадаете! Оперу! И я—по естественному ли побуждению помогать страждущим, по личной ли приязни, по преступной ли самоуверенности, что пишу стихи все-таки

лучше тех, кои вовсе их писать не умеют,—сам не знаю почему—решился, т. е. дался уговорить себя, ему сотрудничествовать. Не пророчу, а знаю наверное, что дела не выйдет—но да будет, что будет! Все это—глубокая литер[атурная] тайна—до поры, до времени, как говорится—бог даст и навсегда.

Четыре мои стиха, мною вам присланные, для дополнения помещенных в 1 № Европейца—не пропущены цензурою потому, что они указаны на казенный счет, как из дела явствует. Шлите вашу статью в Европейца (да не будет она слишком длинна)—мы ждем ее благодарно и радостно. Что это за книга из которой вы ее взяли? Снова ли вы хотите подарить Русь трудом достохвального?

Недели через три явится к вам, в мое имя, юноша — харьковец, по прозванию Якимов. Он занимается Шекспиром—перевел Лира: жаждет узнать все, что должно знать о Шекс[пире] и чего нельзя узнать в Харькове и даже у нас в Москве. Вам, которому известны все святыя тайны по сей части—осмеливаюсь я предложить его в покровительство и на указание пути истинного. Я еще не читал его перевода—да и не могу судить об нем действительно, зная Ш[експира] не лично—но сей юноша показался мне подходящим на дело добросовестно, благоговей перед великим подлинником и проч., а это уже много.

От кого получу я последний № Хр[истианского] Чтения за 1831?

Здесь говорят, что Руссов сочинил эпическую поэму—Погодин смеется и дивуется.

Н. Языков

Об Якимове—см. примеч. к письму 33.

Руссов, Степан Васильевич (1768—1842)—член Российской Академии, автор многочисленных исторических, критических и т. п. статей; составитель первого словаря русских писателей („Библиографический каталог Российским писателям“, СПб., 1826), типичный представитель литературных староверов. Вл. Бурнашев в своих воспоминаниях так характеризует его: „старик, печатавший брошюры и статьи в защиту святой для него тени Карамзина, говоривший с пенной у рта о тех вольностях, какие правительство позволяет различным нахам“. В 1832 г. издавал совершенно дилетантский исторический полужурнал, полуальманах „Воспоминание“, заполнявший главным образом его же сочинениями, переводами, критическими замечаниями etc. О нем упоминает Языков в одном из последующих писем. О характере исторической критики Руссова можно судить хотя бы по следующему примеру, взятому из „Воспоминания“: в статье „Критическое замечание на книгу Устрялова“ („Сказания современников о Дм. Самозванце“). Устрялов пишет: „Бродяга явился на русском престоле, но правил умно, хотел быть выше королей и цесаря; готовил важный переворот“. С. Руссов пишет по этому поводу: „Мы тут совсем ума не замечаем. Бродяга чуть вступает на престол, колеблется на оном; хочет быть выше царей и цесаря и готовит переворот; но всякого переворота или мятежа, пройдохами начинаемого, всегда поздно или рано первыми жертвами бывают они сами“ (кн. III, стр. 52). Каждая книга сопровождалась афоризмами издателя, вроде: „Не то дорого, за что заплачено много, но то, что заплаченного не стоит“; „забавы мудрого столько ж поучительны, сколь труды его полезны“; „не та жена хороша, которая богата, прекрасна и умна, но та, которая составляет счастье своему мужу и семейству“; „как у престарелого мужа молодая красавица, так у молодого богача деньги редко употребляются, как должно, потому что первый не чувствует, а второй не знает цены своего сокровища“.

О планах совместной работы Языкова и Погодина над оперой в сохранившихся биографических материалах ничего не известно.

23. В. Д. КОМОВСКИЙ—Н. М. ЯЗЫКОВУ

С. П. Б. 21 января 1832

Последний номер прошлогоднего Христианского Чтения пошлется к Ширяеву; прикажите спросить у него оный.

Желаю вам кушать на здоровье; но не думаю, чтоб эта пища пошла в прок; кажется слишком тощая, не сочная—сколько могу судить по некоторым, в разные времена виденным мною книжкам журнала.

Ваше Наставление поэту поступало на решение Цензурного Ареопага. Лив[ен] сначала было воскликнул: уж этот Яз[ыков] допишется до беды и себе и Дерпт[скому] Универ[ситету], в котором студировал! Однако звуки лиры вашей умягчили этого Саула, и он пробормотал наконец: „можно, конечно, растолковать эти стихи в дурную сторону“. Управл[ение] предоставило Семенову молить вас о смягчении 2 стихов, в которых дело идет о багрянице и произволе. Заметьте, впрочем, что в заседании Управл[ения], когда судили вас, не было Блудова, на котором лежит обязанность мыслить; до следующего заседания не решился я отложить представление о вашей пьесе; ибо в оное должен впервые явиться член от Бенкендорфа,—именно Мордвинов, преемник Фока; это еще в прошлом году сделанное, но теперь только приводимое в исполнение распоряжение Государя.

Я не мог не смеяться над Погод[иным], смеющимся над Руссовым. Из того, что Пог[один] взывает к вам о помощи, надлежит заключить, что он уже на половине пути к исправлению—сознается в неумении писать стих; есть надежда скоро видеть его убедившимся в том, что поэзия не его дело.

За доставляемое вами мне знакомство с Якимов[ым] я искреннейше благодарю, мне оно приятно и лестно; но Як[имов] верно будет от того в накладе.

Переведенная мною статья составит, может быть, 3½ п. листа; есть возможность отделить поэтическую литературу от исторической. Много обяжете, уведомив, так ли велика снисходительность Европ[ейца], что позволит мне испортить даже 3½ листа в нем? Из того, что я перевел статью из книги Витона, не следует выводить дальнейших заключений. Сочинение это, конечно, очень хорошее: но нам нужны книги общена-ставительные. Правда, История Норманнов может и должна представ-лять и частные пояснения для нашей истории.

Мне покуда она объяснила происхождение Марфы, Петра и Оперы, которой имени и отчества не имею чести знать. Извольте слушать. Жил-был исполин, который наварил поэтического меду, и отдал его на сбережение дочери. Один пробрался к ней, переспал с нею три ночи, и за доставленное удовольствие получил позволение 3 раза глотнуть меду,—да и глотнул так неосторожно, что вытянул весь запас; обер-нулся орлом—да тягу домой; исполин за ним в виде грифона. Почти близ своих чертогов Один видит, что враг его догоняет—чтоб облег-чить себя, он выпустил часть меду задом; а долетев домой уже совер-шенно вылил прочее в приготовленные богами чаны—ртом. Но в сум-атохе боги не обратили внимания на различное происхождение поэтиче-ского напитка, Одним добытого, и смешали его. С тех пор, кто пьет мед из уст Одина зовется у нас на Руси Н. М. Языковым; а кто из гузна—М. П. Пог[одиным].

В. Комовский

Ливен, Карл Андреевич (1766—1844)—бывший попечитель Дерптского учебного округа, с 1828 по 1839 г. министр народного просвещения, позже, во время пребывания на курорте Ганау, познакомился лично с Н. М. Языковым и даже был в переписке с ним и его братом. Письма его к бр. Языковым хранятся в архиве ИРЛИ.

24. Н. М. ЯЗЫКОВ—В. Д. КОМОВСКОМУ

1832. Января 22. Москва

Устрялов одолжил чрезвычайно всю Русь православную: „Сказания современников“ вещь высочайшей важности для желающих многое со-образить о том о сем и особенно о прочем. Тут все завлекательно—

начиная с лица Бориса Годунова — до тайных удов бояр, о коих говорится в лет[описном] примечании: все это драгоценности; все краски — для будущего настоящего романиста или Шекспира Российского. Так ли?

У вас есть мои новейшие стихотворения (брат Ал[ександр] пишет, что он вам их сообщает), предоставьте два из них Семенову: Вино и Мечтания — переменяя как вам придумается, заглавие по желанию. Не худо бы не выставлять моего имени и прозвания под моими стихами забубенными: да не будет разноголосиц!

Говорят, что Стрельцы — дрянь, — но что прочесть их должно: в них дескать много любопытного — фактического — кое-что открыто новое, кое-что старое выяснено по-новому!

Я наконец получил рукопись всех моих прошлых потех парнасских, теперь занимаюсь их переправлением, переписыванием, приведением в порядок и проч.

Что ж ваша статья для Евр[опейца]?

Прощайте покуда. Писать больше не могу: у меня рука болит.

Ваш Н. Языков

„Стрельцы“ — роман К. Масальского (см. примеч. к № 20).

25. В. Д. КОМОВСКИЙ — Н. М. ЯЗЫКОВУ

С.П.Б. 28 января 1832

Устрялов славный человек, как кажется, с жаркою любовью к русской истории и верно сделает многое полезное, если не встретит помехи в внешних обстоятельствах. Началом моего знакомства с ним обязан я вам: он раз приходил ко мне, вследствие сделанного ему через Смирдина вопроса о книге Чампи. В мое последнее письмо я вложил записочку о сем деле. Будет ли можно Устрялову попользоваться этою книжицею, пока еще не кончено печатание Сказаний? Выписывать из Италии слишком мешкотно. Смирд[ин] купил все экземпляры Устрялова за 12.000 р.

Мне досадно на Устрял[ова] за оговорку. пред замеченным вами латинск[им] примечанием. Если он церемонится только, то зачем, когда нет никакой нужды? Если в самом деле считает рассказ Бера вымыслом: то где же историческая его критика? Тут истина так ясна, как солнце; русский человек — весь налицо. Он точно таков и теперь. Вот пример и это факт исторический. Когда наши корабли встречаются с английскими — матросы любят перебраниться и дразнить друг друга. Раз англичанин, спустив штаны и выставив голую..., кричит нашему матросу: Russian dog! Russian dog! Наш тотчас отстегнул бант, nudavit sua equina pudenda, как сильно выражается почтенный пастор, заставил выпрямиться, как следует, — и отвечал: Ну! ну! ком гир, мусье! ком-ка, ком! Менее ли характеристически русского в подвиге бояр? Один патриотизм в словах их уже не позволяет сомневаться в истине рассказа. Матерщина — c'est la langue maternelle русского человека. Какой немец за ним угоняется; и Бернаше обычное, всегдашнее предисловие, diese Hauptwort der Russischen Sprache переводит er sollte seine Mutter vexiren... Имей он ученость немецкую, остроумие Вольтеро-во, знание всех прав на свете, и тогда любой мальчишка-форрейтор загоняет его на этом языке. Смирномуудрому пастору наши бояре показались мужиками, видно, не знал он, что русский только что не молится любимым своим наречием. — Вот и этому доказательство.

В Импер[аторской] Публичной Библиотеке есть рукопись Евангелия или другой какой-то книги библейской — не помню хорошо; не помню так же кем и когда писанная; впрочем не в том дело; важное, главное, то, что писец, занимаясь переписыванием, по тогдашним понятиям творил дело благочестия и набожности. Прописные буквы в начале глав и строк изукрашены хитроумно и узорчато. В одном месте: букву М изобразил богобоязненный писец двумя человечками, которые тащут сеть с рыбой. У одного идет изо рта надпись: потягни, курвин сын! А у другого — ответ: сам есть таков! Это в Евангелии!

Да благославит Феб труд, вас ныне занимающий!

Статья моя ждет во 1-х вашего разрешения; а во 2-х должна быть поисправлена. В журнал Европейской послать что-либо, не то, что в какой-нибудь Россейской! Да что 2 № Европ. запоздал?

Ваш В. Комовский

26. Н. М. ЯЗЫКОВ—В. Д. КОМОВСКОМУ

1832. Января 28. Москва

Цензура привязчиво смотрит на стихи мои, которые писаны, ей богу, неуказательным пальцем: впрочем да будет ее воля: я их поправил, как можно позволительнее — вот: начиная со стиха: приветно ли сияет до конца строфы: пусть успокоится:

Является ль тебе твой жребий грозен,
Иль длань судьбы тебя блюдет, хранит,
Душой будь бодр, тих, тверд, спокоен
И сердцем добр, безвинен, чист.

Мне самому чрезвычайно нравятся таковые поправки: смысл есть — и все ясно!!.

Присылайте вашу статью в Евр[опеец]. 2 № вышел: в нем чрезмерно много опечаток — но они да извинятся неопытностью издателя в держании корректуры — деле доволь[но] трудном; надобно глаза да глаза: вперед он будет стараться быть более осмотрительным.

Я теперь погружен всеми моими помышлениями в мои прежние стихотворения: переделки много — и необходимой, так напр. должно выкинуть из них сколько можно больше самохвальства, если нельзя уже всего — и проч., а это не шутка, однакож недели через две, вероятно, они будут готовы и в новом виде — и так далее:

Я искал здесь вашего приятеля и очень жалею, что не нашел: это Бюрнтер. — Я живу здесь все-таки налегке, без книг по которым учился в Д[ерпте] и теперь мог бы продолжать учиться во время охоты — но судьба еще не дала мне постоянного места на пиру земном — и я покуда играю в известную святочную игру: сию-посижу!! Что будет — то будет, а будет то, что бог даст — поговорка славная и утешительная.

Об книжке для Устрялова — я похлопочу усердно — вероятно она достанется (ведь Мал[иновский] ее не читает же) через Погодина или иным путем. Все это будет делаться возможно скоро — а в случае великих препятствий — у нас всегда готовых — можно и согрешить ради общей пользы: украсть на время и проч.

Вы, так мне кажется, слишком много доверяете почтовой бумаге.

Н. Языков

Погодин беспокоится о своей рукописи. Где, дискать, она? Того и гляди что пропадет или разойдется в бесчисленных оттисках!!.

27. В. Д. КОМОВСКИЙ—Н. М. ЯЗЫКОВУ

Семенов печален, даже до смерти, от необходимости портить ваше прекрасное творение; да нечего делать. Во 1-х или вовсе не переменять, или переменить, как вы предполагаете, во 2-х пусть цензор на себе испытает, как вкусна цен[зура]: это полезно!

Зная отношения между вами и сребролуким музоводителем, мне не зачем служить ему молебн и ставить свечу, да благословит вашу правоправящую руку. Почему бы, однако, поэту должно молчать, что в нем обитает и им вещает божество?

Второй Европеец прибыл и в нашу полуевропейскую столицу. Уж не цензура ли причину замедления? Кажется должно, чтоб в начале бе слово о 19 веке? Война лягушек и мышей — Жуков[ского] — Так? Пушки[ин] печатает свою сказку о Царе Салтане, Царевиче Гвидоне и Царевне-Лебедь. Ребята читали — не нахвалятся!

Я совсем запутался в переписке с Алекс. Мих. Некогда вы известили меня, что рожд. хр. проведет он в Симб[ирске], с этого и направил я туда бег трех моих писем; его же голос все приносился ко мне с Уфы; теперь замолк. Где он и какие у вас вести от него?

Вы очень добры, понукая меня посылать статью: еще будет ей и место и время. Надо пересмотреть, переправить — а руки не поднимаются; простите мне такую леньность малороссиянина.

Хорошо было бы, еслиб кто-нибудь с толком потолковал вообще о выгодах для нас от изучения скандинавской и вообще древнесеверн[ой] литературы. В Несторе почти ничего нет о Скандинавском периоде нашей Истории; не от того ли, что на юге, в Киеве, славяне и христиане ничего уже не помнили и не хотели помнить о норманнах и язычниках? Запутанность в хронологии о приходе варягов, бедность известий о Рурике не намекают ли, что сканд[инавский] период был гораздо продолжительнее, но нам неизвестен? Не должно ли начинать собственно историю нашу Киевом, а не Новгородом? У нас есть слова древне-немец[кого] языка, в нынешнем не употребительные уже: напр. б р о н я есть др.-нем. *die brunne* сканд. *brunia*, кольчуга. В *Heldenbuch* говорится о руссах. Правда, *die Russen*, *Rusen*, суть *Riesen* — исполины; но у них царь *Elegast* — не Олег ли? Может быть это не спроста! Тому, кто больше образован ученостью прямой — предлежит труд вывести это на чистую воду.

Пог[один] может потребовать свою рукопись из Ценз. Комитета.

Прилагаю записку Греха о библейских словарях — у него налицо имеющихся. — Не утаю греха — я, было, забыл об этом — виноват. Сердечно благодарю за доброхотное предостережение: такая глупая моя натура; не молчать и выболтать все, что на мысли — мне должно.

В. Комовский

4 февраля 1832.
С.П.Б.

28. Н. М. ЯЗЫКОВ—В. Д. КОМОВСКОМУ

1832. Февраля 12. Москва

Посылаю вам книжку о самозванце и еще нечто, в сем же последнем есть что-то об Аристотеле Болонском, пусть и на это взглянет многопочтенный Устрялов: обе эти книжки да возвратятся в Москву возможно скоро, по выполнении своего назначения: зане отправляются, так сказать, воровски, *incognito*; тот, кому они принадлежат, может быть не пустил бы их в такую дальнюю дорогу, несмотря на то, что они и не

при нем писаны и что до них нет ему дела. Погодин говорил и просит меня написать к вам, что он предлагал Устрялову доставить легенду о самозванце писанную современником — но что, не получив отповеди его, не посылает — а ждет востребования; эти книжки — не та легенда — прибавляет он остроумно, и далее говорит, что не может просить Петерб. Цензуру возвратить ему Петра, потому что не имеет до сих пор официального извещения оной о судьбе своего любезного детища. 3 № Европейца явится на днях: в нем исполнится ваше ожидание окончания XIX века. Брат Ал[ександр] находится теперь в Симб[ирске] вероятно, впрочем и я две почты уже не получаю его писем. Едва ли позволительно предполагать, при сем случае, что он завертелся в вихре праздников, обыкновенно сопровождающих Новый Год.

Христианским Чтением — я очень и очень доволен: из него можно многому научиться — что и сделаю. Важны в нем статьи о земной жизни Иисуса Христа — меня радует и благоприятно рекомендует наше духовенство — всякому жаждущему веры православной. На днях напишу самый решительный ответ Грефу о Библии Михаелиса и о библ[ейском] словаре. Я теперь уже свободен от поправок прежних стихов моих, занимавших меня довольно долго: много выключено, переправлено, сокращено — и проч. — выйдет книжка страниц в 200 и только! Продам ее хоть Ширяеву — это выгоднее, чем самому издавать: Ш[иряев] давал, прошлого года, Баратынскому 4000 за Наложницу; Барат[ынский] возгордился — не продал ее, издал сам и издание только что окупилось!!! Да что Олеарий? Говорили давно уже что его переводит Семенов — правда ли? — и есть ли надежды, что это дело великое совершится?

Прощайте покуда.

Н. Языков

много выданные ею и говорившие
мне об ее веро, утвердившись
что Павел Петрович рассказ о
Терр. вст. составили, сколько ре-
волюции от которого еще профаннее,
застав о воссмерении.

Греческие походы. М. Языков.

29. Н. М. ЯЗЫКОВ—В. Д. КОМОВСКОМУ

1832. Февраля 20. Москва

Судьба Европейца еще не решилась; официального запрещения нет покуда: он остановился единственно по слухам, впрочем самым верным: будущее не известно; а его настоящая история, так как и сама история в некотором смысле, есть изъяснение, дополнение настоящего. и пример будущего.

Брат А[лександр] теперь в Симбирске: я на днях получил от него письмо; не знаю, что он делает духом, знаю только, что славно хозяйничает, разъезжает из деревни в деревню и дичает неимоверно—в оной дичи во всех смыслах. Пишите к нему туда; да, сделайте милость ему и мне, возбуждайте его к деятельности духовной; он пожалуй вовсе погрязнет в тине хозяйственных распоряжений и удовольствий—и зацветет, как цветут пруды, осененные сонными деревьями!

Весною я съезжу в Сим[бирск], потому особенно, что брата Ал[ександра] никакими словами и делами невозможно оттуда вызвать на свет божий—или в большой свет, как он его называет. Здесь находится Свиныин: он собирался на семь лет в деревню, где совершит подвиги жизни своей: историю Петра. Люди, выдавшие его и говорившие с ним об его герое, утверждают, что Павел Петрович знает о Петре вел[иком] столько же, сколько животное, от которого ему прозвание, знает о во-скресении.

Прощайте покуда.

Н. Языков

Свиныин, Павел Петрович (1788—1839)—журналист, редактор „Отечественных Записок“, собиратель исторических древностей, документов и рукописей; принадлежал к правому крылу журналистики, отражая те же реакционные тенденции, которые были характерны для Греча, Полевого в последний период его жизни и др. В литературных кругах уважением не пользовался, чему содействовали и черты его характера: „Павлушкармедный лоб“ как охарактеризовал его в известной своей басне Измайлов. В 1818 г. он напечатал „Поездку в Грузию“—низкопоклонную лесть Аракчееву, вызвавшую самое презрительное отношение к ее автору в разнообразных кругах литературы (см. „Остаф. Архив“, I, стр. 129—130). В свете этих несомненно заслуженных оценок заслонилось впоследствии и то ценное, что безусловно было в деятельности Свиныина. Он явился одним из первых краеведов: на своем журнале он поставил эпиграф „Любить отечество велит природа, бог; а знать его—вот честь, достоинство и долг“.

В его журнале появлялось очень много описаний отдельных частей России, местных корреспонденций и т. д. Это делало журнал Свиныина весьма популярным в провинции. Собранные им исторические памятники и рукописи образовали довольно значительное собрание, составившее целый „музей“, который однако в 1831 г. был распродан владельцем с аукциона: богатое же собрание автографов государственных деятелей и литераторов было приобретено Академией Наук.

Работа его над историей Петра, для которой он собирал большое количество материалов, осталось незаконченной и сами материалы не изданы до сих пор.

30. В. Д. КОМОВСКИЙ—Н. М. ЯЗЫКОВУ

За письмо ваше я вам премного благодарен: оно благотельно успокоило меня. Я имею дурную привычку всегда и во всем предполагать самое горшее. Да и виноват ли в этом? Видя, что и как делается, поневоле отвыкнешь от веры в доброе. Впрочем: *Es ist noch nich alle[r] Tage Abend*, гласит немецкое присловье, а как не верить немецкому?

Вам надлежало бы быть свидетелем радости Устрялова, видеть самому, какую жизнь торжественно высокой он процвел и просветлел при получении присланных вами книг,—чтобы вполне познать, какое доброе дело вы сотворили. Он обещал не держать их более 2 недель.

О легенде объявил намерение писать немедленно к Пог[одину], уверяя притом, что не получал от него никаких предложений. Легенда эта писана каким-то купцом—ведь так?

Погодину не получить своего Петра из Ц[ензурного] Ком[итета], если он не потребует его сам или не поручит кому другому взять. За Комитетом не водится обыкновение объявлять письменно свои или чужие решения о книгах.

Сем[енов] только взялся перевести Олеария для Москов[ского] Общества истории и древностей; но исполнит ли когда-нибудь эту обязанность—сомнительно. За дело это принялся он еще в 1826 г. кажется—пора бы и кончить давно. Сем[енов], сколько я его знаю, берется за многое, начинает усердно, да не имеет терпеливости свести концы.—Поэтому-то и появление его альманаха сомнительно; поэтому-то и я еще не дал ему доселе двух пиес, туда назначенных вами.

Устрял[ов] хочет издать Курбского и уже сличил две рукописи. Невероятно, однако, чтоб цензура согласилась на его желание, по крайней мере теперь, пока страх и скрежет зубов.

И я получил наконец письмо от Ал. Мих., но все еще из Уфы; пишет, что через неделю отправляется в Сим[бирск]. Если ни слова ни дела не действуют на него—употребите насилие, но берегитесь, чтоб он не полонил и вас самих на берегах волжских!

Не издаст ли К[иреевский] приготовленных материалов особою книгою в несколько частей посрочных? Статьи, будучи не к спеху, могут быть обработаннее и полнее.

В. К.

23 февраля 1832

„Es ist noch nicht aller Tage Abend“—немецкая переделка латинского изречения. Перевод: „Еще не всех дней наступил вечер“, т. е. еще срок не кончился. Срв. у Шекспира:

- Ну вот и наступили Иды Марта!
- Да, Цезарь, но еще не миновали!

31. Н. М. ЯЗЫКОВ — В. Д. КОМОВСКОМУ

1832. Марта 9. Москва

Поздравляю вас с монаршими милостями, вас осенившими, желаю вам более и более получать сих знаков благоволения небесного — и проч. и проч.

Погодин получил письмо от Устрялова, просящее легенды об Самозванце — она отправляется сегодня же перед взор достопочтеннейшего подвижника нашей Клии. Здесь замечают, что не худо бы Устрялову, при издании летописца Курбского сообразиться с бумагами покойного Романа Тимковского, который занимался этим же делом и которого брат теперь в Петербурге. Между тем для него прилагается здесь грамотка — поправляющая некоторые крохотные недосмотры в I т. сказ[аний] о Сам[озванце]. Это замечания П[етра] Киреевского — юноши могущего вполне ценить всякой важной подвиг пред лицом истории — и способного рыться в ее архивах добросовестно, многоучено и проч.

Не соблаговолите ли вы спросить Смирдина, у которого вы так славно бражничали, [не] хочет ли он купить мои стихи: они уже пропущены ценсурой; всего станет страниц на 200 пес plus ultra! Я ему продам их с удовольствием — и дешево — главное в этом деле спех. — Снеситесь с ним и известите меня поскорее. Здешних книгопродавцев я и не задираю моим товаром: все они шелкоперы!

Кто литератор, переводящий испанцев — о котором будто бы сказано в С. О.? Есть ли надежда, и не с иностранного [ли?] он ломать принимается?

Прощайте покуда.

Н. Языков

32. В. Д. КОМОВСКИЙ—Н. М. ЯЗЫКОВУ

Понедельник 14 марта 1832 г.

Получив вчера письмо ваше, немедленно вошел я в надлежащие переговоры с Смирдиным; нашел, однако, его финансовое положение не совсем благоприятным для важных оборотов; говорит, что истратился на покупку много множества романов и повестей, как товара теперь особенно ходящего; сверх того, он припасает денежку для подряда на Север[ную] Пчелу и С[ын] Отч[ества] — с тем вместе затевает на пятилетний откуп всего пищевого и творящего на Руси православной. Предприятие это, конечно, огромное, может быть и успешным; но едва ли приведет в исполнение; Смирдин жалуется уже на невозможность примирить и согласить враждебные умы; Греч, как разумеется, остается редактором; а Жук[овский] и Пушк[ин] на это никак не поддаются. Вы спешите своим изданием; а то можно было бы повременить немного, пока Смирдин должен будет оставить этот замысел, а это очень вероятно: тогда он не будет иметь надобности беречь деньги, — полагая, что главное ваше желание — избавиться от хлопот издания, он предлагает на свой счет напечатать, где и как вам угодно, и потом выручить издержки продажею, говоря: где — я разумею типографию, какую вы выберете кроме тип[ографии] Смирдина, занятой теперь разною и многою работою. Это предложение имеет то неудобство, что не скоро вытяните от Смирдина деньги за продажу экзempl[яров]. Смирдин спрашивал, однако, какую цену вы назначаете за рукопись? Прошу сообщить дальнейшие приказания, если признаете за благо сделать оные.

Заметки К[иреевского] я передал Смирдину для сообщения Уст[рялову], которому при личном свидании передам что следует и о Тимк[овском]. Кстати о Тимк[овском]. Сей Муж в 1806 г. напечатал в Москве диссертацию: *De dithyrambis eorumque usu apud Graecos et Romanos commentatio scripsit Roman Timkowsky. M. 1806 in 8°.*

Можно ли мне сметь просить вас употребить ваши связи с Университ[етом] на содействие мне приобрести эту книгу?

В С[ыне] Отч[ества] некто, мне неизвестный доселе, объявил намерение перевести из французского *Théâtre étranger*, изд. l'Advocat Театр Испанцев — ergo большой поживы ожидать не должно, кажется.

Где теперь Алекс. Мих.? Следуя вашему наставлению, я уже четыре письма отправил к нему в Симб[ирск]. Между тем как он все пребывает в Уфе. Как вы думаете, дойдут ли эти письма до него посредственно?

В. Комовский

Зорко ваше пламенное око! — увидело и такие вещи, которые я считал для вас незаметными. — Сердечно благодарю за ваше поздравление.

Тимковский, Роман Федорович (1785 — 1820) — профессор Московского университета по кафедре римской и греческой словесности; выдающийся для своего времени филолог. Диссертация его, о которой пишет В. Комовский, вышла в свет в 1806 г.:

Большую научную ценность имело составленное им большое собрание книг и рукописей.

33. Н. М. ЯЗЫКОВ—В. Д. КОМОВСКОМУ

1832. Марта 23. Москва

Что бы ни вышло, а дело продавания моих стихов перенес я на суд Ширяева—и подобно известному кривому лакею, с почтением жду конца. Правда ли, что Смирдин откупил С[еверную] Пч[елу], С[ын] От[ечества] и Московский Телеграф? Как же он с нами будет сделываться в случае нежданного прекращения какого-нибудь из сих журналов? О диссертации Р. Тимковского вот что говорят: она была напечатана прежде 1812:—и Наполеон сжег ее заодно с Москвою. Впрочем еще приложу все мое старание, употреблю все мои способы, чтоб отыскать ее имени вашего ради.

Халаты, о назначении которых вы меня вопрошаете, принадлежат не мне: брат знает, что я не ношу сих одежд праздности и лени, и я знаю, что ему в Москву некому посылать их через меня. Разнесите по свету—и может быть найдется какой-либо акт объявительный. Я же сегодня же справлюсь об них в Симбирске, где, вероятно, знают, в чем тут дело? На днях пришлю вам остальные части Избранного Немецкого Театра. Какая глупость напечатана в Москве об Смирдине:—неужели это в самом деле из Петербурга? Тут явен лик московского купечества. Кто переводил Испанцев? П. Киреевский (это тайна) готовит нечто из Кальдерона: его чрезвычайно огорчило известие, что не он первый явит нам сего мужа доблести боготворенной и тем паче, что ваш переводчик пользуется не подлинником, а французскою спекуляцией.

Познакомьтесь с отцом Иакинфом. Говорят оң привез много важных рукописей из тех стран неизвестных.

Прощайте покуда.

Н. Языков

„Кривой лакей“—цитата из „Опасного соседа“ В. Л. Пушкина:

О ужас! мой сосед могучею рукою
К стене прижав дьячка, тузит купца другою;
Кондратьевна в крови, подсвечники летят,
И студья на полу ногами вверх лежат.
Варюшка пьяная бранится непристойно:
Один кривой лакей стоит в углу спокойно:
И, нюхая табак, с почтеньем ждет конца.

Иакинф—монах; светское имя—Никита Бичурин (1777—1853); выдающийся синолог, автор многочисленных трудов, сотрудник многих журналов и альманахов. Бурная и беспокойная натура, Иакинф не уживался в рамках, поставленных ему его званием, и беспрерывно находился в конфликте со своей ближайшей средой и высшим начальством. Сравнительно молодым человеком он уже был ректором Иркутской духовной семинарии, но в 1806 г. был отрешен от должности и отправлен под наблюдение в Тобольск. В следующем году получает вновь высокое назначение—на пост начальника духовной миссии в Пекине, но вскоре вновь отрешается от должности и передается духовному суду. В 1821 г. Иакинф был лишен сана и сослан в Валаамский монастырь; с 1826 г. служил в СПбурге, в Министерстве иностранных дел в качестве переводчика. Главнейшие работы Иакинфа, доставившие ему широкую известность среди специалистов: „Записки о Монголии“, 2 т., СПб., 1828; „История первых четырех ханов дома Чингисханова“, СПб., 1829; „Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени“, СПб., 1834; „Собрание сведений о народах, обитавших в Ср. Азии в древние времена“, ч. I—III, СПб., 1859. Автобиографическая записка Иакинфа напечатана в „Ученых Записках Академии Наук“ 1855, т. III, вып. 5; там же перечень и характеристика основных трудов его.

Иакинф был очень близок со многими литераторами; упоминания и анекдоты о нем довольно часто встречаются в письмах и мемуарах современников.

П. В. Киреевский—очень много занимался переводами с английского и испанского. В „Моск. Вести.“ за 1828 г. напечатан прозаический перевод значительной ча-

сти комедии Кальдерона „Трудно стеречь дом о двух дверях“. В 1832—1833 гг. он переводил „El magico prodigioso“; в его бумагах было найдено несколько оконченных переводов драм Кальдерона.

34. В. Д. КОМОВСКИЙ—Н. М. ЯЗЫКОВУ

С. П. Б. 30 марта 1832

Сделайте милость, не беспокойте себя хлопотами о рассуждении Тимковского; да будет воля господня. — Жаль, однако, что судьба так сурова была к этому, очень хорошему произведению. Это — единственная диссертация, en toute forme, которая узрела свет в России, от самого ее сотворения. Может быть, Надеждин имеет причину спорить против этого; но, что бы он ни говорил, — а моя правда: Наполеон, видно, позавидовал и этой нашей ученой заслуге, что поступил так немилосердно.

Впрочем, свыше суждено, что нам без немцев нет спасения; и тут они же наши спасители: диссерт[ация] Тимк[овского] перепечатана в актах Королевской Семинарии в Лейпциге (в I томе). Я имею, следовательно, возможность ее достать, а потому повторяю просьбу мою к вам, не утруждать себя ради меня.

Брат Ром[ана] Тимк[овского]: также умер уже — и Устрял[ов] не знает, к кому обратиться с расспросами о бумагах покойного автора.

О книгах Малиновского я напоминал Устрял[ову] — он хотел их вернуть скоро — да что-то медлит. Я опять пристану к нему.

Зачем не хотите вы сами напечатать свои стихотворения? На Барат[ынского] глядеть вам никакого следу нет.

Откуп, затеваемый Смир[диным], как я писал, еще не состоялся, да и едва ли приведется в исполнение. Я стращал См[ирдина] непредвиденными обстоятельствами; он говорит, однако, что в условия включается какая-то оговорка на этот счет. Телегр[аф] не будет куплен; но Пол[ево]й сам хочет прекратить его с будущего года, и итти к Смир[дину] в работники за 10.000 р. в год.

Что же такое и в каком № Молвы напечатано о См[ирдине]? Я не постоянный читатель ее — и ничего не заметил.

С Иакинфом я несколько знаком. Здесь носился слух, что на Кяхте он расстригся и стал вполне мирянином. Жаль, что он не европейский ученый. Теперь появился в Берлине немец Нейман, который долго жил в Кантоне, и грозит доказать, что ни Клапрот (пусть так — это шарлатан известный) ни даже Абель-Ремюза по-китайски не маракуют; а всей мудрости набрались из одних записок французских иезуитов. Что-то скажет на это Иакинф?

Я видел на днях в лавке Смир[дина] Якимова, — очень жалею, что уже после ухода его узнал, — кто он. — Он напечатал здесь стихи: Д а р С л о в а. Не знаю, какова еврейская, греческая, санскритская и арабскими буквами напечатанная часть оных, — а русская, если позволено говорить откровенно, — прекуръзная.

Рода и прозвания переводчика Театра Испанцев я не мог еще проведать; схожу нарочно к Гречу, спрошу, и что узнаю — вам напишу. Кир[еевский] предпочтенный человек!

Мое сердечное благодарение за обещанную награду!

В. Комовский

Якимов, Василий — адъюнкт-профессор Харьковского университета. Ему принадлежат сочинения: „О духе, в коем развивалась российская литература со времени Ломоносова и влияние, какое имели на нее развитие литературы иностранные“, СПб., 1833 (рассуждение, писанное для получения степени магистра словесных наук); „О красноречии в России“, Харьков, 1838. На титуле красуется посвящение:

Православию,
Самодержавию,
Народности.

В предисловии к поэме „Дар слова“ автор сообщал, что это стихотворение было произнесено в торжественном собрании Харьковского университета 30 августа 1831 г. и было напечатано в отчете об университетском акте. „Но как начальству Университета и почтеннейшей Харьковской публике, — писал автор, — угодно было принять и самое стихотворение, и произнесение оно с отлично-благоклонным вниманием, торжественно изъявленным мне в самых лестных приветствиях почтеннейшими из присутствовавших особ обоего пола, то в засвидетельствование глубочайшей признательности начальству, публике и в воспоминание о сем незабвенном для меня дне — я позволил себе смелость напечатать оное особенной книжечкой“.

В этой мистической поэме особенно любопытен один абзац, напечатанный автором курсивом, который весьма четко свидетельствует о политической позиции В. Якимова. В этом абзаце речь идет несомненно о польском восстании 1831 г.:

... Измена Вере, Долгу, Чести...
 Терзаясь мукою бессильной мести,
 Надменный и коварный род —
 Исчадие Славян, Героев прямодушных, —
 Царю, как небесам послушных, —
 Забыв, что благостью Он нашей взыскан был,
 Преступнический мятеж в стране воспламенил,
 И, кровью возжаждав священною упиться,
 Дерзнул... на Цесаря кинжалом... покуситься.

 Вещал —
 И ужас смерти в их сердцах разлился
 При мысли: Цесарь — и — кинжал?

 И Ангел, тишину принеший им, исчез...
 И Ангел брани к ним с небес
 В громах и молниях явился...
 И воплем гнева вдруг
 Все восстало вкруг.
 Объял всех души пламень мщенья...
 Подвигнулись, пошли...
 Пред ними Дым и Гром, за ними Истребленье...
 И прах предателей исчез с лица земли.

35. В. Д. КОМОВСКИЙ—Н. М. ЯЗЫКОВУ

9 апреля 1832 г.

Поздравляю вас с праздником! Вчера получил я прекрасный ваш подарок — Театр Шишкова — и спешу повторить изъяснение моей признательности за оный. В последних частях, как мне показалось, — стихи сделались послушнее перу Шишкова; это и естественно. Он, правда, и прежде хорошо писал; но стих собственный, — где мысль повинуется размеру, и стих, взаимно, слушается мысли — не то, что стих перевода, где мысль, неизменно данная, требует от слова повиновения. У Шишкова вкрались некоторые недосмотры; теперь помню об одном месте в Валленштейне, потому что Шиллера знаю тверже других нем[ецких] авторов, а Валленштейна тверже других пиес Шиллера, — Бутлера поздравляет кто-то, другой подхватывает *Zum Regiment nicht wahr*, т. е. *Sie gratulieren ihn zum Reg.* Шишк[ов] перевел: поздравляю — и в полк, не правда ли? вместо того чтобы сказать: с полком. Жаль что Шишк[ов] поспешил напечатать *Отелло*, он выпустил всю духовную процессию, которая соблазняла цензора, а Главное Управление Цензуры позволило ее.

Вчера же получил я от Устрялова обе сообщенные вами итальянские книжки, немедленно посылаю их; вместе с этим письмом. Погодин писал к Устрялову, чтоб он возвратил их к нему прямо; но Устрялову

доставлены они мною, а я получил от вас — этим же путем они должны шествовать обратно. Устрялову хочет Уваров выхлопотать Демидовскую награду (это есть тайна, которую я услышал из уст новокрещенного любителя и покровителя Русской Истории). Ув[аров] метит на министерское кресло, с которого Ливен встает; — вот почему и прикидывается он любителем Русского. Этим должно объяснить и глаголение его — не слишком русское, в грамматическом отношении — в Академии Наук о находках Строева. Этим можно-де выслужиться.

Переводчика Театра испанцев и сам Греч не знает. Ал. Мих. писал, что вы с весною собираетесь в Симбирск. Когда и надолго ли? Где же ваши стихотворения? печатаются ли уже?

Весь ваш В. Комовский

36. Н. М. ЯЗЫКОВ—В. Д. КОМОВСКОМУ

1832. Апреля 13. Москва

Видно Устрялову ни к чему не послужила книжка Чиампи — в третьей части Сказаний соврем[енников] кажется нет ни слова ни об ней ни из нее, — так сужу я из Сев. Пчелы, объявившей о выходе окончания одного труда знаменитого. Бумаги Романа Тимковского находятся у Тимковского Китайского, находящегося в Петербурге. Да и легенда, доставленная Устрялову Погодиным, — тоже не пошла в дело.

Сказка Пушкина, meines Erachtens, не в пример хуже всего что писано в сем роде Жуковским. Где же его же сказка Балда? А каков журнал, издаваемый Руссовым? Этот Руссов, должно быть, сухарь необыкновенный! А все-таки в журнале есть чем поживиться человеку любознательному — и многим чем. Стихов Якимова — я не читал, не читал и Лира — которого здесь хвалили. Что говорят у вас о новой трагедии Хомякова: Димитрий Самозванец? Трилунный написал, дискать, роман тоже Дим. Самоз[ванец]. Кн. Вяземский печатает собрание своих стихотворений; скоро выйдет собрание повестей Марлинского — правда ли все эти приятные новости?

Об литерат[урном] обеде у Смирдина говорится в 23 № Молвы (письмо к издателю), а об его предприятии в 26 (смесь). И то и другое крайне глупо — но такова у нас Молва — с самого ее начала и до сего дня. Из повести Амаллат-Бек выпущено 20 страниц, где описываются забавы Ермолова — нечто подобное играм героев Гомеровых: читавшие это даже исторически-достопамятное место — не нахвалятся им.

Что значит, что Фад. Булг[арин] подписывает под своими статьями: Косичкин? В честь или в бесчестие Пушкину?

Здесь говорят что Моск[овский] Универ[ситет] преобразится в Академию? Что се есть? О Россияне! что видим? Что делаем?

Как странно, что Шишков 2 выбрал из Тика Фортуната — в Фантазе есть кое-что лучше; а этот Фортунат может сбить наших литераторов в их суждениях о Тике, потому что они обыкновенно не знают по-немецки, а подумают что Ш[ишков] перевел самое литературное. И что за критики Погодина? Даже Надеждина?

Прощайте покуда.

Н. Языков

Отрицательное суждение Языкова о „Сказках“ Пушкина крайне характерно для его позиции в отношении к Пушкину и в частности к проблеме народности и „народной поэзии“ в литературе. Знаменитое состязание Пушкина и Жуковского в 1831 г., когда тот и другой дали опыты сказок, разделило читателей и критиков на два резко проти-

В. Д. КОМОВСКИЙ

Акварель неизвестного художника

Институт Русской Литературы, Ленинград

воположных лагеря. Широкими кругами сказки Пушкина встречаются восторженно, но у руководителей литературной критики опыт Пушкина принимается сдержанно, порой враждебно. Отрицательное отношение к „Сказкам“ Пушкина объединило разные фланги русской журналистики и литературы: здесь сошлись Полевой, Надеждин, Баратынский, несколько позже Станкевич, Белинский. Полевой, как позже Белинский, боялся этого ухода в древность, видя в нем своеобразное бегство от современности и запросов своего времени; Надеждин и Баратынский считали опасным такое подчинение литературы народной стихии, вместо того чтобы являть памятники народной поэзии в уже эстетически переработанном виде. „Царь-Салтан“ — совершенно русская сказка, — писал Баратынский Киреевскому, — и в этом, мне кажется, ее недостаток. Что за поэзия: слово в слово привести в рифмы Еруслана Лазаревича или Жар-Птицу? И что это прибавит к литературному нашему богатству? Оставим материалы народной поэзии в их первобытном виде или соберем их в одно полное целое, которое настолько бы их превосходило, сколько хорошая история превосходит современные записки. Материалы поэтические иначе нельзя собрать в одно целое, как через поэтический вымысел, соответственный их духу и, по возможности, все их обнимающий. Этого далеко нет у Пушкина. Его сказка равна достоинством одной из наших старых сказок и только. Можно даже сказать, что она между ними не лучшая. Как далеко от этого подражания до подражания русским сказкам *Дальшнга*“. Два художественных метода — метод Пушкина и Жуковского — обозначают в данном случае два мировоззрения, две различных социально-политических позиции, отчетливо проявившиеся в их отношении к так называемой народной поэзии или фольклору. Нам пришлось уже подробно писать об этом в статье, посвященной „Коньку-Горбунку“ Ершова, откуда позволим себе повторить здесь некоторые строки. „Литературный интерес к фольклору, — устанавливалось в той статье, — таит в себе разнообразные и противоречивые моменты и возможности. Увлечение фольклором всегда связано с вершинными моментами в истории литературы. Литература растущей буржуазии обращается к фольклору как к одному из орудий в своей борьбе с феодализмом; фольклор становится одним из источников складывающейся национальной литературы. В этом случае фольклоризм выражает прогрессивные общественные тенденции. Но он может явиться и реакционным, поскольку на него опираются и представители феодальной идеологии. Для последних характерна идеализация фольклора, идеализация старинной поэзии, старинного предания, стремление к консервации, вытекающее из стремления к консервации старого крепостного уклада. В этом сущность славянофильской фольклористики, ярко отражающей крепостные тенденции славянофильства как социально-политического учения. В этом весь Петр Киреевский, Языков...“

С этих позиций понятно и отношение к „Сказкам“ Пушкина Языкова и Комовского (см. письмо № 38). Позже Языков вмешался в спор практически, дав два своих опыта „Сказок“: „Сказка о пастухе и диком вепре“ и „Жар-Птица“ (драматическая сказка), где он решительно принимает метод и манеру Жуковского. Вступительные строки в первой сказке явно заострены против Пушкина.

Дай напишу я сказку! Нынче мода
На этот род поэзии у нас.
И грех ли взять у своего народа
Полузабытый, небольшой рассказ?
Нельзя ль его немного поисправить,
И сделать ловким, милым; как-нибудь
Обстричь, переодеть, переобуть
И на Парнасс торжественно поставить?
Грех не велик, да не велик и труд!

Ф. Косичкин. Конечно Булгарин никогда не подписывался таким псевдонимом изобретенным Пушкиным главным образом в полемике с Булгариным же. Недоумение Языкова вызвано несомненно замечкой Полевого в „Московском Телеграфе“, в которой тот приписывает Булгарину „Повести Белкина“ и статьи под псевдонимом: Феофилакт Косичкин. Конечно Полевой был прекрасно осведомлен и о том, кто скрывался под последним псевдонимом и кто был автором „Повестей Белкина“, но это был выпад против Пушкина, в значительной мере и отместка за Орлова, которого подстрекал Пушкин обратиться к подражанию и пародированию Полевого (см. примеч. к № 8). „Амаллат-Бек“ — популярнейшая повесть А. Марлинского.

37. Н. М. ЯЗЫКОВ — В. Д. КОМОВСКОМУ

1832. Апреля 20. Москва

Наконец спорное наше дело о халатах объяснилось: посылка вам следовала и, дескать, все недоразумение произошло от того единственно, что он не распечатал ее.

Здесьние Архивские говорят что в Моск[овском] Арх[иве] хранится чрезвычайно много рукописей и книг о Дим[итрии] Сам[озванце], неизвестных вовсе ни Кар[амзину] ни Устр[ялову] и едва ли кому-либо доступных. Тимковский чрезвычайно странно старается беречь все сокровища ему подведомственные: рукописи хранятся в подвалах сырых и не допускающих к себе никого ровно. Печатных даже книг не позволяет видеть даже своим чиновникам, в числе коих есть и люди, одаренные любопытством, сродным человеку просвещенному. Напр. П. Киреевский хотел бы перевести Флетчера: в Арх[ивской] библиотеке он есть — но достать его оттуда нет возможности (это тайна, говорят, а эта тайна — печатная книга), несмотря на то, что Кире[евский] служит в Архиве.

Какую речь Гермогена прислали в Академию Наук — и что она — и правда ли все это историческое событие? Кто Поленов, которому, по здешним слухам, будет поручено заведывание Архивами, — не тот ли, что вместе с Шлецером некогда издавал Несторову летопись? — Как чудно, что все важнейшие исторические бумаги святой Руси находятся у нас в ведомстве Министерства иностранных дел!

Чампи я получил. Дай Бог Уварова: что бы ни было: но все-таки лучше какая-нибудь погода, нежели никакой или непогода.

Каков бар. Розен?

Прощайте покуда.

Н. Языков

38. В. Д. КОМОВСКИЙ — Н. М. ЯЗЫКОВУ

25 апреля 1832

Следы книги Чампи и Погодинской легенды, без сомнения, не видны доселе потому, что Устрялов хорошо понял свой век, каким его определил Пушкин]: „Наш век торгаш“ — „Сказания современников“ были проданы в их первоначальном виде, а из дополнений можно и, конечно, предположено извлечь новую выгоду. От Академии Наук ему удалось при помощи Увар[ова], добиться только половины награды (то же и Перовшикову). Строго судя, и на это не имеет права Устр[ялов] как переводчик, а не автор; но ведь для немцев гораздо бессовестнее погрязнуть и стыд и пристойность. Какому-то Паукеру присудили полную награду за рукопись на нем[ецком] яз[ыке] о метрологии, обязав его сыскать себе переводчика. Гагемейстеру дали тоже за рукопись на русск. яз. о старинной нашей юриспруденции; поставив в обязанность переправить ее по замечаниям Круга. Значит она не хороша, коли требует исправления (за верность имени второго немца и содержание его сочинения — не ручаюсь).

Уварову не удалось сесть на место Ливена, а только подле его, так же как и Поленов не заменил Малиновского. Хоть бы догадались приказать Мал[иновскому] и себя хранить там и так, где и как хранит он рукописи; авось сгнил бы! Поленов управлял канцеляриею Нессельроде; известен тем, что, родившись и возросши в Австрии, по-русски не говорит и не понимает.

Почему же Строев не проникает в архивные подвалы?

О новых изданиях, которые вы именуете в вашем письме, — я ничего не проведаль. Было слышно, что мать и сестра Б[естужева] хотят издать его повести, но эти слухи довольно давние. — Покойная Литературная Газета показала порядочно безобразный образчик романа Трилунного.

В Сказке Жуков[ского] нахожу я более искусственности, чем у Пушкина. Жуковский как сказочник, обрелся и приделался на новый лад, а Пушкин — в бороде и армяке. Читая Спящ[ую] Царевну, нельзя забыть, что ее читаешь. Читая же сказку Пушкина кажется, будто

слушаешь рассказ ее, по русскому обычаю, для того, чтоб сон нашел. Сказка о Попе Толоконном Лбе и работнике его Балде не может, говорят, увидеть свет ни по наименованию, ни по содержанию своему.

Шишк[ов] мало того, что сделал неудачный выбор; но и поступил с Тиком так же недобросовестно, как с Шиллером. В Фортунате недостает Пролога, как в Валленштейне первой части трилогии. Конечно *Fantassus* и *Oktavianus* неизмеримо выше Фортуната; но перевод их, особливо Октавиана — труд великий; зато достохвальный и славный. Если у Шиш[кова] был под рукою только Фортунат, зачем бы не выбрать Кота в сапогах; он, кажется, и получше, да и короче Фортуната.

Слухи о Моск[овском] Унив[ерситете] — неосновательны. Уничтожаются Ун[иверситеты] в Вильне и Варшаве; там будут оставлены одни медицинские и богословские отделения.

В. К.

„Сказка о Балде“ действительно так и осталась ненапечатанной при жизни Пушкина; впервые появилась в печати только в 1840 г., при чем опубликовавший ее Жуковский заменил попа купцом; соответственно этому было изменено заглавие: „Сказка о купце Кузьме Остолопе и работнике его Балде“; в подлинном виде впервые была напечатана только в 1882 г. в „Полном собрании сочинений Пушкина“ под ред. П. А. Ефремова (изд. Анского).

39. Н. М. ЯЗЫКОВ—В. Д. КОМОВСКОМУ

1832. Мая 10. Москва

Наконец, после долговременных сборов и отлагательств в долгой ящик, я кажется готов отбыть из сей столицы белокаменной на мою любезнейшую родину, в объятия жизни семейной, удовольствий деревенских и проч. Не знаю, сколько месяцев пробуду в таком состоянии сладостном, но еду полный надежд поэтических написать то и то и проч. Брат Ал[ександр] сидит теперь на Волге в ожидании моей особы. Пишите же к нам купно.

Покуда прощайте.

Ваш покорнейший Н. Языков

Здесь говорят, что книга Шульгина остановится на первом шагу, удержанная рукою всемогущего времени. Жаль! Что же спекуляция Смирдина? не удалась ли или только *aufgeschoben nicht aufgehoben*?

Вероятно мне понадобятся в Симбирске некоторые из книг по части библейской учености, которых прозвания я уже имею по благосклонности вашей — надеюсь, что вы продолжите оную и в те страны.

Шульгин, Ив. Петр. (1795—1869)—профессор новой истории и позже ректор СПб Университета, академик. Языков упоминает о книге „Изображение характера и содержания истории трех последних веков“.

40. Н. М. ЯЗЫКОВ—В. Д. КОМОВСКОМУ

1832. Июля 1

Брат А. М. отправился в Уфу, где просидит месяца с два или еще и меньше: он поручил мне засвидетельствовать это обстоятельство и просит вас продолжать вашу переписку сюда, а я, нижеподписавшийся, буду сообщать ему туда, что следует.

Здесь установились жары ливийские: люди валяются или бродят, как шальные; умственная деятельность и малейшая невозможна — следственно и проч. Это состояние, неблагоприятствующее развитию стихов, продолжится, конечно, не далее конца лета; — тогда мне надобно будет при-

няться за утолщение тетрадки, готовимой мною к изданию — и приняться поплотнее, тем паче, что по всем моим соображениям, предположениям и желаниям — все будет мне споспешно — и погода, и уединение беззаботное, и собственное убеждение, что пора, потому что давно пора. Между прочим, займусь предварительно и четь-минеей, хоть у меня еще нет многих орудий для полной разработки сего поля — а оно обещает жатву обильную, как новь.

Читали ли вы „Клятву при гробе Господнем“? Мы было начали, но, трудно переступив за предисловие, отложили всякое попечение о сем новом ярком доказательстве сумасбродной самонадеянности Полевого.

Что говорят у вас про статистическую записку о Москве, соч. Андрossoва? Еще до выхода ее в свет об ней ходила по Москве молва похвальная. Мы ждем с нетерпением.

Существует ли портрет Ганемана?

Прощайте покуда.

Н. Языков

Есть ли у Грефа все книги по гомеопатии, напр. продолжение его врачебного веществословия? Гомеопатия здесь более [и] более прославляется, действуя неимоверно скоро во благо человечества.

Гомеопатия — излюбленная тема в переписке Языкова 30-х годов. Он является ее ярким пропагандистом и деятельнейшим сторонником. При содействии Максимовича он даже организовал и издал на свой счет перевод книги Гартмана. В том же 1832 г. (31 июля) в письме к А. А. Елагиному он советует и ему заняться гомеопатией, прибавляя стихами:

Небесная в ней сила: все недуги
Она целит и скоро и легко
И верно и надежно. Ей
Хвала и честь и слава подobaет.
Да здравствует великий Ганеман!

(Неопубл. письма. ИРЛИ.)

Некоторые из друзей, например Ив. Киреевский, усиленно пытались отвратить Языкова от этого увлечения, считая последнее даже причиной ухудшения его здоровья. О степени увлечения Языкова и его силе свидетельствуют и письма к Комовскому (особенно №№ 42, 43 и др.).

„Статистическая Записка о Москве“ В. П. Андрossoва вышла в Москве в 1832 г. и сразу же явилась центром острой и напряженной полемики. В. П. Андрossoв (1803—1841) — крупнейший публицист-экономист „Московского Вестника“, позже главный деятель „Московского Наблюдателя“ — органов, отражавших дворянско-помещичью идеологию. „Московский Телеграф“ резко обрушился на книгу Андрossoва, иронически называя его „достойным соотечественником, соперником басурману Мальтусу и другим невеждам-чужеземцам, которые ломали голову, но никак не могли решить вопросов политической экономии, о соразмерности народонаселения со способами прокормления и воспитания народного“. Н. И. Мордовченко в специальной работе, посвященной „Московскому Наблюдателю“ (читано в качестве доклада в секции истории домарксистского революционного движения Ленинградского отделения Общества политкаторжан), связывает полемику вокруг книги Андрossoва с проблемами мальтузианства как „своеобразное отражение мальтузианских идей на русской почве“. Правительственными кругами книга Андрossoва была встречена также враждебно, поскольку в ней определено вскрывался рост пауперизации масс и поступательное движение последних. Эта „Записка“ создала ему славу „опозиционера“ и лишила возможности занять кафедру в Московском университете, к которой он усиленно готовился и защитил в 1833 г. диссертацию. Тем не менее позиции Андрossoва отнюдь не являются прогрессивными и его „народолюбие“ носит чисто дворянский характер, как например и „прогрессивное народолюбие“ поздних славянофилов, с которыми в сущности он теснейшим образом связан.

41. В. Д. КОМОВСКИЙ—Н. М. ЯЗЫКОВУ

Книжные ваши поручения исполнил я с усердием, в доказательство того прилагаю записку Гр[ефа] о цене изданий Виланда, Лессинга,

Гердера, Тика и Жан-Поля, последние два in 8, прочие [нрзб.] на веле-невой бумаге. Еще не поручал Гр[ефу] велеть переплесть их, ожидаю вашего решения: эти ли издания вы желаете иметь, или другие, старее, но может быть красивее. Тик — не полный, позднейших и лучших его повествований нет в этом издании; но драмы его — все есть. Гр[еф] явил себя готовым снабдить вас недостающими томами купленных в Дерпте сочинений и — ждет реэстра оным. Я сообщил вам титулы 2-х библ[ейских] слов[арей]; какой вы выберете — если вспомните их имя и прозвание? — И Михелиса и все прочее велю отправить, когда прикажете. Павского Толков[ая] Псалтирь пошлется. Семенова альманах отложен до будущего года; но едва ли выйдет. — От меня он не получал ваших стихов; Поэт послан вами чрез Погодина — Смирдин издаст альманах из статей, полученных за его обед; заказал 10 гравюр и потому не надеется привести все к концу прежде 1834 г. Жуков[ский] прислал ему для альманаха сказку о Берендее; я видел ее, но не успел прочитать. Крылов две басни; Сенковск[ий] (переводчик Хаджи-бабы) какую-то восточную повесть. Очкин издаст теперь Пчелу, вместо умирающего от горячки Греча; прежде он переводил Сеев курс Практич[еской] полит[ической] Экономии; не знаю, далеко ли ушел в этом предприятии. — Бальзака перевел некто Владимир Бурнашев; некогда воевавший с Меркур[ием] в Suret, а теперь описывающий фабрики в Пчеле. Сотрудника его не знаю.

В свете сего письма предстает пред ваши взоры изданный мною Зейденштюккер. Прошу принять его не со строгостию судии, но со снисходительностию патрона. Это мой первый блин. Имею все основание опасаться, что он вышел комом. В извинение свое могу только сказать: я пек его более для того, чтоб есть самому, нежели чтоб потчивать других.

Прошу вас предстательствовать у Алек. Мих. обо мне и вымолить прощение за то, что не пишу к нему особо, а на обороте сего листа.

Извините, что неучтиво прошу вас принять моего Зейденштюккера, которому вы обещали радушный прием далеко не по заслугам его. Что же издание ваших стихотворений? — сам такой вопрос не слишком нескромен с моей стороны — и что же книги Степанова? Повторяю просьбу не сердиться на меня.

В. Комовский

С. Б. П. 7 июля 1832 г.

Подлинника этого письма нет; оно печатается по копии, находящейся в бумагах Садовникова.

Альманах Смирдина — знаменитое „Новоселье“ — составлен из произведений писателей, присутствовавших на торжественном обеде по случаю перехода книжного магазина и библиотеки в новое помещение. Альманах вышел в 1833 г. В предисловии издатель писал: „Гости-литераторы из особенной благосклонности ко мне вызвались, по предложению Вас. Андр. Жуковского, подарить меня на „Новоселье“ каждый своим произведением, и вот дары, коих часть издаю ныне“. В „Новоселье“ были помещены: „Домик в Коломне“ Пушкина; „Сказка о Царе Берендее“ Жуковского; басни Крылова; стихотворения Баратынского, Гнедича, Вяземского, Козлова. Из прозаических вещей: „Бал“ и „Бригадир“ — В. Ф. Одоевского (подписано: О. К. В. Ф.); „Антар“ Сенковского и его же, под псевдонимом „барон Брамбеус“, „Незнакомка“ и „Большой выход у Сатаны“; затем произведения Ф. Булгарина, Ор. Сомова, В. Панаева, Б. Федорова, К. Масальского.

Обед у Смирдина явился крупным событием, которому современники придавали значение не только узко литературное, но и общественное; большое внимание этому обеду уделяла и печать. Помимо заметки в „Молве“, о которой упоминает Языков, была помещена обширная статья в „Северной Пчеле“ (1832, № 45), написанная самим Н. Гречем в виде письма к В. А. Ушакову в Москву. „Празднество сие останется незабвенным в памяти нашей словесности, — писал Греч. — Почтенный Смирдин, явивший

себя достойным посредником между писателями и публикой, займет в истории нашей литературы первое место после Новикова, оживившего книжную торговлю в семидесятых и осмидесятых годах“.

Ушаков, прочно связанный с „Московским Телеграфом“, еще более решительно и четко подчеркивал общественную сторону этого события. В этом обете он хотел видеть зародыш некоторой общественной формы связи писателей, создание некоего „литературного ареопага“, который должен оживить и оздоровить русскую словесность („Северная Пчела“ 1832, № 78).

Перевод Сэя вышел в 1833 г. под заглавием „Катихизис политической экономии или краткое учение о составлении, распределении и потреблении богатств в обществе“. Сочинение Ж. Б. Сэя“. СПб., 1833. Фамилия переводчика не обозначена.

Зейденштюккер — перевод руководства Зейденштюккера „Начальные правила для обучения французскому языку“, вышедший в 1832 г.

42. Н. М. ЯЗЫКОВ—В. Д. КОМОВСКОМУ

1832. Июля 8

Потрудитесь сказать Гrefу, чтоб он выслал в Корсунь на имя Петра Мих. Языкова: по почте, нimalo не медля и минуя всяких затруднений и если можно не в листах, книги:

Hahnemann's. Die chronische Krankheiten. 4 Theile	— 37 к.
Hahnemann's. Kleine medicinische Schuften. 1829	— 15 „
Hahnemann's. Handbuch für Mütter, 1796 (нет ли издания новее? а если нет, так это).	—
Hartmann's. Handbücher der Diätetik 1830	4 р. 50 „
Hartlaub's. Kunst die Gesundheit zu erhalten. 1831	3 „ 50 „
Hartlaub's. Katechismus der Homöopathie. 1829.	3 „ —
Hartlaub's and Frinks. Kleine Arzneimittellehre. 1829	— 30 „
Caspari's. Katechismus der Homöop. Diätetik von gross. 1831. 2 р.	50 „
Hufelandj's. Die Homöopathe. 1831.	1 „ 50 „
Trinks. Die Homöopathie—Ein sendschreiben an Hufeland	2 „ —
Gross. Die Homöopatische Heilkunst und ihre Verhältniss zum Staate	3 „ 75 „

Из сего требования вы можете заключить о решительном действии Гомеопатии во благо бытия человеческого. Дoныне я сам не веровал в ее пользу; но теперь убежден вовсе, многими примерами, которых был и есть очевидец—и даже опытом над самим собою по части зубной боли. Когда-нибудь я вам напишу обо всем об этом подробнее, да и вы удивитесь, уверуете и умудритесь!

Означенные книги нам нужны как можно скорее; след[ственно] побудите Гrefа отправить тот же час, все, что есть у него под руками, а остальное при первом возыменении...

Из Сев. Пч. явствует, что Жуковский отбыл в Любек — какой это, В. А. что ли? Эге! если он.

Потрудитесь отдать и этот здесь прилагаемый список книгам тоже Гrefу, да пришлет он их сюда с иными, прочими, но не спеша сломя голову.

Н. Языков

43. Н. М. ЯЗЫКОВ—В. Д. КОМОВСКОМУ

1832. Июля 19

Письмо ваше (от 22 Июня) к брату—получил, распечатал и прочел я нижеподписавшийся: зане имею не только позволение, но и поручение от кого следует поступать с вами таким образом. Брат, конечно, сносится с вами из заволжских мест своего пребывания. Благодарю

вас за достохвальное и любезно-верное исполнение наших просьб: закажите решительно Грефу заготовить, по писанному, все полные собрания сочинений оных великих немцов; и Смирдину прислать сюда Путешествие ко св. местам—если у него есть, уж кстати и нововышедшую карту Палестины. Отрывки из этого путешествия слышал я из уст самого автора, года с два тому назад, в новом Иерусалиме: оно, сколько мне помнится, написано декламаторски, провозглашательно вроде Шатобрианова: но, несмотря на то, его иметь мне надобно уже и по той причине что „любопытство сродно человеку“.

Дерптский Журнал едва ли будет путен по русской литературе знающих по-русски—там только двое: Борг и Андерс (этот участвует ли полно? а знатный человек)—да и они, особливо первый, никогда не преследовали, как следует, хоть это дело можно делать, сидя на месте.

Здесь еще никто не нашелся, могущий прочесть роман Полевого: начинали все умеющие читать; брат Ал[ександр] взял было его с собою в страны башкирские: не одолеет ли там, где много ему скуки и следств. литературные требования снисходительные?—да не тут-то было; роман уже возвратился сюда непрочтенный.

На днях прочел я: Барнава—роман Жанена: хорошо, потому что Мирабо—а вообще много болтовни и пустяковины, а предисловие писано, хоть бы нашим Фад. Венед. Что же он? Слухи были, что сочинил Русскую Историю.

Прощайте покуда.

Н. Языков

Да! Еще Смирдину: прислать сюда на имя П. М. в Корсунь Практическое и умозрительное земледелие. Соч. Сира Джона Синклера (три экземпляра) — Основания Землед. Химии С. Г. Дэви (один экз.). О сохранении хлеба в подземных ямах (один экз.).

Журнал, о котором упоминает Языков, начал выходить с 1833 г. под названием „Dörpater Jahrbücher für Litteratur, Wissenschaft und Kunst“. Впервые об этом журнале сообщила „Сев. Пчела“ (корреспонденция Ф. Булгарина из Дерпта, № 82, 1831); эту заметку вероятно и имеет в виду Языков.

² Фон-дер-Борг, Карл — дерптский литератор, выдающийся переводчик русских поэтов на немецкий язык („Poetische Erzeugnisse der Russen“, 1820); позже дал ряд переводов из Языкова и поместил в названном журнале большую критическую статью, посвященную его поэзии (1833). С фон-дер-Боргом Языков был связан и тесными личными отношениями: первый год своей студенческой жизни он даже жил у него на квартире.

³ Андерс, Эмиль — библиотекарь Дерптского университета, товарищ Языкова по университету, автор интересных воспоминаний, где много говорится и об Языкове (Em. Anders. „Erinnerungen“. 1810—1840. „Baltische Monatschrift“. В. XXXIX, 1892); в них между прочим Андерс сообщает, что благодаря Языкову и Татаринову (университетский товарищ Языкова, сын сестры А. И. и Н. И. Тургеневых) имел возможность хорошо ознакомиться с русской романтической поэзией.

⁴ „Барнав“ — роман Жюль Жанена, о нем упоминает Пушкин в письме к Е. Хитрово: „Но Барнав! Барнав! По характеристике Б. Томашевского, „роман“ этот представляет род политического памфлета, направленного против Орлеанской династии“ („Письма к Хитрово“, стр. 241). „Политическая позиция автора — ясно роялистская, и революцию он берет в момент ее ущерба, когда начинают проявляться определенные контрреволюционные тенденции, которые автор расценивает положительно, видя в них здоровый корректив разрушающим силам революции“ (ibid).

44. В. Д. КОМОВСКИЙ—Н. М. ЯЗЫКОВУ

С.П.Б. 23 июля 1832

Вся требуемая вами гомеопатическая литература отправится к вам немедленно; или, говоря согласнее с истиною, промедлив только время, потребное на броширование. Вы желали иметь книги не в листах. Два

или три сочинения, не оказавшиеся у Грефа налицо, выписываются и предстанут пред вами впоследствии. Ганеман и здесь приобрел последователей и читателей. Не случилось ли вам видеть хвалы гомеопатии, возданные Мордвиновым и русскою и французскою речью? Шишков также живет по предписаниям гомеопатии, и—как говорят другие, и сам он уверяет—оживает и молодеет. Свидетельство сих двух маститых сановников должно убеждать, ибо оба страдают таким недугом, от которого медицина доселе не умела вылечивать—старостью. Ничего не смысла ни в медицине вообще, ни в гомеопатии в особенности—не берусь судить о ней; но полагаю, что эта метода (так же как и громкая некогда, теперь уж брошенная, анти-докторская система Лероа) может быть особенно полезна для предохранения от болезней, и для лечения в начале оных. Предписывает диету и не нудит неумолимо человеческой природы врачебными средствами; следственно предоставляет их родным силам человека восстановить расстройство организации, устраняя только помехи и все вредоносное. Кажется, что это самая умная метода лечения, если справедливо, что природа, сотворившая человека, хитрее своего творения.

Алекс. Михайловичу, видно, не сидится. Да возвращается он скорее и да оснуется прочно, твердо и постоянно!

Когда же вы предполагаете начать печатать ваши стихотворения? Я советовал бы приступить к делу (если только мне позволено давать совет)—чтоб успеть к Новому Году.—У нас любят подать на Новый Год.

Моего Зейденштюккера отослал я не по почте, как сначала предполагал, а вместе с другими книгами Ал. Мих. чрез Грефа и Маке. Вторично представляющую у вас о снисходительном приеме сего птенца моего, прося не помянуть грехов юности моей.

Здесь носят слухи, будто изд[атели] и сотруд[ники] Евр[опейца] будут участвовать в затеваемой Пушк[иным] газете. Правда ли это? Доселе и о самой газете нет официальных вестей.

Путешествие Ж[уковского] принимаете вы слишком серьезно.

Правда, он поехал на теплые воды, поехал даже вместе с А. И. Тургеневым], но это путешествие, как я слышал, действительно предписано врачами. Впрочем из Москвы вы можете получить вернейшие известия. Читали ли вы Акад. Вед.? Прощание Ж[уковского]? Прочтите, да веру имате. Телеск[оп] бунтует против Академии. За статью о книге Андросова уже досталось цензору. Увар[ов] пожаловался на „неблагопристойные и неосновательные выражения“ насчет Академии. Замечательно, что Лив[ен] в выговоре, написанном по жалобе Ув[арова], велел выпустить слова: и неосновательные.—Такова сила истины.

Поклонитесь Ал. Мих.

В. Комовский

45. В. Д. КОМОВСКИЙ—Н. М. ЯЗЫКОВУ

1 августа 1832

И Смирдину и Грефу заказано по велению вашему. Тик не оказался в наличности у Грефа; он всегда таков: когда просто только справляешься—все есть и все возможно; потребуешь действительно—и того нет и другого нельзя.

Если я не ошибаюсь, то Тик вам и ненужен, вы требуете полных собраний; а издание Тика не полно. Прошу ваших назиданий о сем

и о том, как поступить с прочими книгами, по надлежащем облечении их в переплеты?

Книги Синклера и Деви, требуемые вами для брата П. М., еще не поступили в продажу; впрочем уже отпечатаны, может быть, отсылка их замедлится на несколько дней.

Барнава и я прочитал, хотя и мало читаю франц[узских] романов; должен признаться, что одолел его не без труда. О Janin'е я нахожу весьма справедливым мнение одного из его критиков, если не ошибаюсь в Revue Encyclopédique: никто в мире не напишет лучше Жанена статьи — но никого нет неспособнее написать книгу. От того в Барнаве есть части дивные, но его фельетон в Journal des Débats — прелесть. Жаль что Janin пишет из денег! Он и doctrinaire и Карлист. Дошли ли до вашего сведения ям бы Барбие, вот сатирик и поэт, какого нужно французам. Может быть чересчур ругается; но иначе нельзя говорить с французами. Сила мыслей и сила выражений в особенности необыкновенные. Думаю, что вам они понравятся. Ямбы эти запрещены (бог весть за что!), потому для вас выписываю кое-что.

В. Комовский

Оригинал утерян; настоящее письмо печатается по копии, сделанной по поручению Д. Н. Садовникова. Французские стихи, о которых упоминает Комовский, в копии не приведены.

46. Н. М. ЯЗЫКОВ—В. Д. КОМОВСКОМУ

1832. Августа 11

Паки и паки благодарю вас за благосклонное исполнение наших поручений, коими так безжалостно мы вас тяготеем. Потрудитесь отдать Гrefу его записку, вами сюда пересланную, и поощрить его словом уст ваших заготовить по ней книги для меня нижеподписавшегося. Мы нетерпеливо ожидаем от него множества книг гомеопатических, тем паче, что ежедневные решительные уверения в истине Ганнеманова врачевания. Да нельзя ли, к списку книг, о коих говорилось в начале сего письма, присовокупить и Гёте!

Брат Ал[ександр] находится еще за Камою: я вызываю его обратно во-свояси: боясь, что он там одичает и сделается уже вовсе нелюдим; потому что в нем и то уже заметны некоторые черты долговременного пребывания между народами степными, в странах пустынных и проч.

Поздравляю вас с новою монаршею милостию излиянную на министра, под сению коего вы бодрствуете. Прочтите сказку о Царе Берендее. Над[ежда] глупее всех наших журналистов: он вполне заслуживает себе наименование осла, как замечает брат Алекс[андр].

Прощайте покуда.

Ваш покорнейший

Н. Языков

47. Н. М. ЯЗЫКОВ—В. Д. КОМОВСКОМУ

1832. Августа 31

Благодарю вас и за неоставление меня письмами вашими и за фр[анцузские] стихи вами мне доставленные: славу богу: могучесть в них необычайная в наш [век], когда расслаб весь смертный род. Я уже послал вам решение мое по части книг емлемых мною от Гrefа: что нужды, что не все издания, полный можно будет вперед их достать: а между тем лучше какая-нибудь погода, чем никакой!! Нельзя ли, если не поздно, к ним же присовокупить и Библию Михаел[иса]? Мне в ней

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА АВТОГРАФА
ПОСЛАНИЯ КАРОЛИНЫ ПАВЛОВОЙ
К ЯЗЫКОВУ

Институт Русской Литературы, Ле-
нинград.

[illegible]

великая нужда или, так сказать, необходимость—чувствуемая уже более года—а это чувство очень, очень неприятно, как не дай Бог вам знать.

Жду Вашего Зейденш[тюккера], вы называете сей подвиг грехом юности. Это выражение не покажется странным только тому, кто ведаёт, что праведники вообще называют себя грешниками! Но не так церковь православная.

Пуш[кин] зовет Кир[еевского] в свою газету—и моим стихам отвер-
зает врата гостеприимные туда же, говоря что ему потребуется стихов
не много—следст. моя [?] отложительно [?], дискать, не будет.

Об издании моих стихотворений я не могу ничего сказать решительного, покуда не переговорю об этом лично с братом Алекс[андром], который возвратится сюда в половине сентября: зане в руке его власть предержавшая.

Прощайте покуда.

Н. Языков

48. Н. М. ЯЗЫКОВ—В. Д. КОМОВСКОМУ

1832. Сентября 23

Изъявите мою почтительную благодарность достопочтенному Гrefу за доверенность его к слову вашему: пусть книги, которые он мне приготовил или готовится, побудут до поры до времени у него: теперь мне некуда их адресовать и в Москву и сюда вовсе невозможно доставить прежде наступления зимы, а в то время я снесусь с ним окончательно. Деньги, если он желает, могу ему прислать хоть прежде, даже хоть текущею осенью. Не забудьте о библии Мих. Известие обо мне,

помещенное в Молве, написано и издано в свет каким-то олухом и вра-
лем. Можно было бы сказать ему дурака за это—во всеуслышание—да
не хочется связываться с всякою дрянью!

Мнение Мед. Соб. о Гомеопатии не заслуживает ни малейшего ува-
жения: написано бестолково и чрезвычайно пристрастно и явно ложно.
Замечательно в нем и то, что о н и уже не опровергают самых нача л
г о м е о п а т и и, а только вычисляют болезни, коих она, по их мнению
не вылечивает. Трудно уверовать в чудеса производимые ею—правда:
но убедительны ли вообще все те запретительные толки против нее
тем, пред коими чудеса сии воочию совершаются? В наших краях сла-
ва Гомеопатии утвердилась со времени лечения холеры Петерсоном, в
Пензе: основание довольно прочное. Досадно видеть список болезней,
исцеление от которых именно она-то и производит решительнее, ско-
рее и легче—поставляемым вне круга ее действий, который несравнен-
но обширнее круга аллопатии. Более ста случаев, громко вопиющих
во славу Ганемана—я видел собственными глазами. Странно же назы-
вать все их игрою природы (глупо действием диет напр. у крестьян):
игра довольно верная! Потрудитесь сказать Грефу, чтоб он прислал
туда же: Ганеманову *Kleine Arzneimittellehre*. У нас за ней остановка.
Также *Homöopathischer Haus und Reisearzt von D. Kaspari*.

Прощайте покуда. Будьте здоровы и невредимы.

Благодарим за Зейденштюккера. Честь вам и слава—я надеюсь им
некогда воспользоваться по старой памяти.

Н. Языков

В „Молве“ (1832, № 68) была напечатана следующая заметка: „Языков уехал на
лето в Симбирск. Песни священные (из Псалтыря, Экклезиаста, книги Бытия и пр.)
наполняют теперь поэтическую жизнь его. Пора, пора перестроить звучную лиру...“
„Молва“ вообще уделяла много внимания Языкову, что невероятно раздражало послед-
него. В том же году в ней (№ 20) было помещено в отделе „Литературные новости,
слухи и надежды“ сообщение о предполагаемом издании стихотворений Языкова в
двух томах.

49. В. Д. КОМОВСКИЙ—Н. М. ЯЗЫКОВУ

Я жду с нетерпением первого письма от Александра Михайловича,
возвратившегося уже к вам; оно должно мне служить радостным
провозвестником ваших стихотворений; зане он вседержитель. Пора
вам порадовать всех нас, сиротствующих.

Пушкина газета доселе еще не подает знаков жизни. Греч уверяет,
будто он хочет и ищет войти в семейство его и Булгарина, действовать
в Сев. Пчеле, а Сына Отечества преобразить в *Revue* вроде англий-
ских трехмесячных. Что из всего этого выйдет—увидим. Сын Оте-
чества очевидно издыхает; если умрет—жаль; с ним пропадет и возмо-
жность хорошего журнала. Нового на том же основании не позволят.

Даль издает свои сказки; Ценз[ура], говорят, очень милостиво обо-
шлась с ними. Смирдин купил их за 3000 руб.—славно!

Печатают повести А. Бе[стужева]—четвертая и последняя часть приво-
дится к концу. Это дело славное. В собрание войдут и повести, поме-
щенные в Полярной Звезде.

Смирд[ин] готовит к февралю альманах—хочет также издать Батю-
шкова.

Вот вам и все новости петербургские, какие только мне известны, а
их не может быть много, за тем, что мало трусь между наших литераторов.

Прощайте до радостных вестей ст вас.

В. Комовский

26 сентября 1832

„Сказки“ В. Даля вышли под следующим названием: „Русские сказки из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приравленные и поговорками ходячими разукрашенные казаком Владимиром Луганским. Пяток первый. Санкт-Петербург, 1832“. На титульном листе эпиграф: „И много за морем грибов да не по нашему кузову“.

Каждая сказка в книжке Даля снабжена особым посвящением. Сказка № 4 „Новинка-диковинка или невиданное чудо, несравненное диво“ посвящена Н. М. Языкову. Сказка о Сержанте, которую упоминает (в письме 51) Языков, открывает сборник; ее полное заглавие таково: „О Иване молодом сержанте, удалой голове, спроста, без прозвища, без роду, без племени“.

Известие Комовского о благосклонности цензуры оказалось преждевременным: сказки уже по выходе в свет были задержаны и конфискованы (см. письмо 52).

О Бестужев-Марлинском Языков упоминает неоднократно и в данной переписке, и в письмах к брату. Этот повышенный интерес к Марлинскому чрезвычайно характерен для Языкова. Он решительно ставил Марлинского на первое место среди русских прозаиков, явно предпочитая его прозу пушкинской. „Лейтенант Белозор,—пишет он брату,—меня восхитил. Какой мастер своего дела А. Б! Какая широкая кисть и какой верный взгляд и искусство ставить предмет перед глазами читателя, живо, ярко и разительно. Что после или же далеко лет за восемь прежде этого Белкин“ (Неопубл. переписка. ИРЛИ. Письмо от 22/XII 1833 г.).

Белинский несомненно проявил большую чуткость, когда сопоставлял прозу Марлинского и поэзию Языкова: „Смелые, по их оригинальности, стихотворения Языкова имели на общественное мнение такое же полезное влияние, как и проза Марлинского: они дали возможность каждому писать не так, как все пишут, а как он способен писать, следственно дали каждому возможность быть самим собою в своих сочинениях“.

50. В. Д. КОМОВСКИЙ—Н. М. ЯЗЫКОВУ

Александр Михайлович поручил мне заказать для него разные платья у Буту, но сей художник, вновь прибывший из Парижа, не имеет мерки Алек. Мих. Остававшийся у него комиссионер сего артиста Нистрем возвысился до самостоятельности и, занимая несколько лет место своего патрона, не захотел вновь ему подчиниться; он теперь выставил особую вывеску. Я не хотел было поручать Буту шить платья для Алек. Мих., но он обязался взять назад все свое творение, если оно не заслужит одобрения.

Об этом спешу сообщить вам, покорнейше прося, по вашему благоусмотрению, исходатайствовать должное мне повеление от Алек. Мих., который, может быть, уже вместе с вами отъезжает. Нельзя ли успеть прислать сюда мерку?

Слышали ли вы об убийении А. Шишкова?

В Тверском благородном(?) собрании Чернов получил от Шишкова[ова] оплеуху за насмешки над женою Шишкова[ова]. Они передрались; назначили дуэль; но Чернов не рассудил за благо дожидаться срока; засел на лестнице и при выходе Шишкова[ова] заколол его разбойнически.

Это совершенно ново в Русской Литературе.

Прощайте!

Ваш покорнейший

В. Комовский

5 октября 1832

Несколько позже ту же новость об убийстве Шишкова 2-го сообщил Языкову Петр Киреевский: „В Твери случилось недели две тому назад ужасное происшествие: зарезал молодого Шишкова. Он поссорился на каком-то бале с одним Черновым. Чернов оскорбил его, Шишков вызывал его на дуэль и, чтобы заставить его драться, Шишков дал ему пощечину; тогда Чернов, не говоря ни слова, вышел, побежал домой за кинжалом и, возвратясь, остановился ждать Шишкова у крыльца, а когда Шишков вышел, чтобы ехать, он на него бросился и зарезал его. Неизвестно еще, что с ним будет, но замечательна судьба всей семьи Черновых: один брат убит на известной дуэли с Новосильцовым, другой на Варшавском приступе, третий умер в холеру, а этот четвертый, и говорят, последний“ (Неопубл. переписка. ИРЛИ).

51. Н. М. ЯЗЫКОВ—В. Д. КОМОВСКОМУ

1832. Октября 20

Я с часу на час ожидаю возвращения брата Алекс[андра] из стран заволожских и закамских. Не знаю, что сказать вам об печатании собрания моих стихотворений: не лучше ли отложить его—даже хоть в долгий ящик? Впрочем и это дело вовсе зависит от брата Ал[ександра], потому что я сам имею честь от него же зависеть; им, так сказать, живу и движусь!

Сердечно благодарю вас за известие о печатании повестей А. Б[естужева] и повестей же Даля: одну из сих последних (именно о Сержанте) я знаю: тут есть дух русской. Мне кажется, что наши журналы понапрасну жалуются на современную нашу лит[ературу], в нынешнее время более нежели когда-нибудь является истинных талантов на ее поприще. Мне приходит даже мысль, что в наше время суждено процветать русскому Парнасу, так же как испанский процветал при Филиппе III Не забудьте поручить Смирдину доставить для нашего обихода экземпляра 3 повестей Бест[ужева] и Даля—при первом их появлении. Еще просьба—как бы нам снестись с ним лично о присылке книг, выходящих в Петербурге (мы должны ему—пусть он пришлет сюда счет, и этим начнется дальнейшее наше сообщение). Ширяев нам крайне надоел: ведет дело свое чрезвычайно глупо и не чисто.

Да где достается: история Княжества Псковского—соч. М[итрополита] Евгения? Это дело очень важное—а что она уже напечатана видно по М[осковским] Ведомостям.

Здесь очень много разбойников: земская исправа благоприятствует им размножаться и бесчинствовать. В начале лета было слышно только о 2 или 4—а теперь уже целые толпы и по разным дорогам грабят беззащитных ездовых!!

Прощайте покуда. Здравствуйте. Советую вам посмотреть Гомео[патическую] библиотеку—изд. в Женеве на фр[анцузском]. Мы все рады хоть целовать Грета за то, что он прислал ее.

Прощайка А. М. Языкова:

Сейчас получили ваше письмо от 5 окт. Пусть его [нрзб.] увидим, что из этого выйдет. Поступок искренно геройский. Обо всем этом на следующей почте объяснюсь подробней.

Ваш А. Языков

52. В. Д. КОМОВСКИЙ—Н. М. ЯЗЫКОВУ

Поздравляю Ал. Мих. и вас с его переездом в Европу из Азии, по крайней мере, из полу-Азии. Желаю усердно и искренно, чтоб мощною и деятельною рукою принял он благо- и право правящие бразды своей власти.—Дабы подвигнуть его сердце и волю, я готов убеждать его таким же красноречивым словом, каково Гермогеново, которое разбирается в С. Пче[ле] по заказу Уварова. Да процветет русский Парнас под его, хотя и не-филипповским, скипетром и принесет плод свой во благовремение.

Кстати о Филиппе! Сказки Даля были забраны полици[ей] с ними и сам Даль и все бумаги его; он с бумагами высвободился, а сказки и доселе под арестом. Толкуют, будто им снова позволено будет явиться на белый свет в торжестве и славе; но мне это невероятно. Даля спасли без сомнения, его не-литературные подвиги в Турции и Польше, известные Государю; а цензору,—бедняку миролюбивому,—нагоняй!

Хорошо, что не напечатана, как сначала предполагалось, сказка о Калиныче, который тузит и святых и грешных;—была бы тогда возня

еще и с попами. Эту сказку, позволенную также цензурою, См[ирдин] припасал для своего Альманаха—теперь едва ли можно и думать об ней.

Из всего этого вы усмотрите, что прислать к вам 3 экз. нельзя. Не получили ли вы их от самого Даля, ибо одна из сказок посвящена вашему имени? Я еще не теряю надежды достать для вас хоть 1 экз. Первая сказка—ваша знакомая, мне нравится более всех. Хорошо рассказана и четвертая.

Вид[ели] ли вы стихотв[орения] Давыдова? Жизнеописание особенно примечательно; говорят оно написано Ермоловым. Если так, то это доказывает, что оппозиция, т. е. такая, к которой непозволительно придирались, и которая, если она была у нас, ограничивалась словом,—уже переходит в литературу; перестает брезгать ею, или, что то же, становится грамотною.

История Пскова пошлетя к вам Смир[диным], также счет о долге, в уплату коего получены от меня 45 р., принадлежавшие Ал. Мих. Молите его, со мною и за меня, чтоб не скрывал подробных известий о своем странствии и своих правительственных действиях теперь.

Пов[ести] Бел[кина] выйдут и к вам пойдут в 3 экз. на днях.—В конце октября отправился к Ал. Мих. по тяжелой почте Цесарь и его счастье, т. е. платья, шитые героем Буту наобум. Напомните А. М., что портной обязался взять все назад, если будет не хорошо. Напомните и ему и себе о вашем покорнейшем

В. Комовском

С. П. Б. 8 ноября 1832

Жизнеописание Давыдова, приложенное к собранию его стихотворений, принадлежит самому поэту и является в полном смысле слова автобиографией. Слух об авторстве Ермолова чрезвычайно любопытен для характеристики фрондерских настроений некоторой части дворянской интеллигенции. До сих пор ни в переписке, ни в мемуарах, относящихся к этому времени, не встречалось упоминаний о подобном слухе.

53. В. Д. КОМОВСКИЙ—Н. М. ЯЗЫКОВУ

С. П. Б. 4 января 1833

После рождества получив рукопись, я отправил ее на другой же день к цензору; а сегодня возвращена мне первая половина с надписью: иди ты в мир—да слышит он пророка. Доселе цензор соблазнился только известными двумя стихами в первой пьесе, и одним стихом в Послании:

На шум народных мятежей.

Я ожидал более строгости, и уже приготовил несколько экземпляров природы, в качестве подставных рекрутов. В первой пьесе предполагается следующая подделка:

Приветно ли сияние денницы
Ужасен ли судьбины произвол.

Употребить курсив на первой странице не совсем ловко; но отсутствие рифмы: денницы и голубица долженствует служить в назидание, кому о том ведать надлежит, и кто имеет уши, да слышит.—Другой стих, вероятно, придется вовсе выпустить.—Завтра начнется набор у Плюшара; формат такой, в каком изданы баллады Жуковского; бумага такая же. По желанию вашему, переговорив с Смирдиным о чем следовало, предполагаю: напечатать 1200 экз. и за каждый назначить 5 или 7 руб., всего будет от 10—15 печ. лист., на что потребуются от 30 до 35 стоп, полагая по 30 р. за стопу; до по 40 или 35 за

печат. лист все издание обойдется в 1 300 или 1 500, след. присланного вами билета Сохр. Казны, с причитающимися процентами—будет совершенно достаточно. Торопиться буду, елико можно; первый печат[ный] лист поедет к вам немедленно. По нем можно будет точнее определить число листов во всей книге.

Вы дали мне право губить и перемешивать ваше достояние; но поспешили на позволение прибавлять, разумеется, вашего же добра. Пробегая рукопись (а это делалось спешно, чтобы не губить времени), заметил я, что вы обидели православный народ русский, утаив многое, что ему принадлежит законно, ибо было уже напечатано, напр. Песнь Новгородцев, обе песни Баяна: 1. Где вы, краса минувших лет и 2. О бранный витязь, ты печален, и еще многое другое.

Положим, что Песни Баяна могут показаться соблазнительными; но дивная песнь Новгородцев чем провинилась; Магницкого теперь уже нет.

Семенов выманил для своего альманаха у Сомова данные ему вами для Сборника Стихотворения; и в этом извиняется перед вами через меня. На днях должен сей альманах явиться.

Прощайте.

В. Комовский

„На шум народных мятежей“—18-й стих из пьесы: „К В[ульф], Т[ютчев]у и Ш[епелев]у“:

- 13: В те дни, мила, являлась мне
Надежды творческая слава,
Манила думы величавы
К браннолюбивой старине:
На веча Новграда и Пскова,
На шум народных мятежей,
В походы воинства христова
20: Противу северных князей;

В издании 1833 г. этот стих (18) заменен точками.

Первая пьеса в издании 1833 г. „Повту“—сообщенная Языковым в письме от 16 дек. 1831 г. и в том же 1833 г. напечатанная в альманахе Семенова „Комета Белы“. Текст стиха упорно не пропускавшихся цензурой строк в издании 1833 г. имеет такой вид:

Приветно ли сияние денницы,
Ужасен ли судьбины произвол?
Невинен будь, как голубица,
Смел и отважен, как орел.

(Подлинную редакцию см. в письме 15).

Чрезвычайно характерно, что Языков не включил в новое издание наиболее „вольнолюбивых“ своих стихов, как „Песни баяна“, „Новгородская песнь“ и др., и в то же время в этой же книге поместил такую весьма слабую и по форме пьесу, как „Хор, петый в московском благородном собрании по случаю прекращения холеры“ („Велик господи! Земля и неба своды свершители судеб его святых“). „Новгородскую песнь“, уступая настояниям Комовского, он позже включил, но даже не пытался восстановить первую редакцию, а перепечатал с теми искажениями, с какими она была помещена в „Северной Пчеле“ 1825 г.

54. В. Д. КОМОВСКИЙ—Н. М. ЯЗЫКОВУ

С. П. Б. 20 января 1833

Вы, верно, ждете известий о ходе нашего типографического дела; сердитесь на меня за неисправность и медление—и правы совершенно,—мне досадно не менее вашего на Плюшара, который целую неделю проводит меня. Еще на прошедшей, в четверг, был изготовлен корректурный лист первый, но и доселе не напечатан—день за день обманивали меня обещаниями—и все ничего нет—работники и станки за-

няты, преимущественно альманахом Смирдина, который готовит свое Новоселье к 18 Февраля—дню знаменитого обеда.

Сегодня я просмотрел корректуру второго листа. Он оканчивается Олегом. Продав бесполезно с лишком неделю, в надежде утешить вас лицезрением первого листа во всем параде, не хочу медлить более и оставлять вас без всяких сведений. На будущей неделе, в половине, надеюсь непременно послать к вам если не первый и второй листы, то один первый. В утешение ваше, а себе в некоторое извинение, должен сказать, что первый лист, как и всякое начало, труднее прочих—перемены в формате, расстановка строк и проч. и проч. причиняет проволоочки, которые впредь уже не могут встречаться. Буду погонять, елико только возмогу.

В Тригорском изменен стих „и сладким именем граждан“, тако: и гордо именем граждан; зане не личит русскому находить сладость в названии гражданина. Почему бы кажется? Ведь это значит: рябчик, как всем ведомо.

Посылаю при сем расписку в расходе на бумагу. Из ломбарта по билету выдано мне 1326 р. 60 к. След. достаточно на все издержки.

Семенов сказал мне, что послал к вам экз[емпляр] своего альманаха, который довольно плох. Сказка, которая кажется мне лучшею статьею из прозаических, написана Одоевским.

Я поспешил дать вам хоть какие-нибудь вести о ходе операций; в следующий раз надеюсь показаться перед вами менее неисправным.

Покуда прощайте и не гневитесь.

В. Комовский

55. Н. М. ЯЗЫКОВ—В. Д. КОМОВСКОМУ

1833. Января 24. Симбирск

Паки и паки благодарю вас за ваше ревностное и победоносное действование во благо моих стихотворений: явление, которому равного должно искать в летописях божественной Геллады и мужественного Рима,—и невиданное в наш век пошлости и эгоизма!

Поправки вами совершенные—вполне соответствуют своему назначению и меня утешают. Продолжайте поступать и со всем прочим двусмысленным и неблагонадежным такожде. Не забудьте же разыскать достаточное количество рядовых точек, по причинным местам оною издания. Песнь Новгородская да внидет в ассамблею по вашей к ней милости.

Сюдя прислано из Москвы весьма горестное известие литер[атурное] говорят, что Б[естужев] убит на приступе Галерийском.

Сделайте мне великое одолжение: обходитесь с моими стихотворениями построже: изгоняйте cum infamia, недостойные. Мне помнится, что сих последних найдется несколько в общем собрании, впущенных или оставленных мною единственно по родственным связям.

Брат А[лександр] уехал на несколько дней в деревню.

В[аш] Н. Языков

56. В. Д. КОМОВСКИЙ—Н. М. ЯЗЫКОВУ

Налегке спешу отправить к вам первые два листа; воззрите на оные—и дайте мне узнать ваше чистосердечное мнение.

Вот вам дальнейшие сведения о требованиях Цензуры:

1) в пиесе А. В. Т—у

И процветает немчуря; заменено по вашему указанию мишурою.

Науки, вольность, ум и Русь; вольность заменена славою.

2) Подражание псалму 136-му не выставится 1830 г. в избежание сомнительных применений.

3) В Кудеснике подвергавшийся уже однажды истязанию стих переименован таким образом: Счастливым дарами природы; это уклонение от прежней, в альманахе Аладьина находящейся вариации — для имеющих ум проникательный и догадливый.

4) в Воспоминании

Вместо: Князья и жены их, так: вельможи важные или гордые.

5) Ливония:

Но тишина постыдного забвенья и наконец

6) В отъезде

Когда в порфиру облачилась
России новая судьба.

О сих двух статьях, да и о третьей, происходят с цензором переговоры, еще не доведенные однако до благополучного и желаемого конца. Мне кажется, что они возбудили пустые опасения.

К маслянице никаким образом нельзя успеть напечатать всю книгу — в этом приношу мою повинную голову, и прошу снисходительного прощения и взгляда милосердного.

Декабрь, январь и февраль суть месяцы наиболее занятые праздниками и типографскими работами.

Насчет цены книги ожидаю вашей резолюции.

И так решите, жду я слова, назначьте сами цену ей!

Не сердитесь на меня, повторяю, за неуспех в печатании.

26 января 1833

В. Комовский

С. П. Б.

Пьеса „А. В. Т—у“ (А. В. Тихвинскому) в издании 1833 г. напечатана в следующей редакции:

18. В стране, где нравственно добра,
Всему покорна, всем довольна,
Живет, мила и бескрамольна
И процветает мишура;

(в подлиннике: немчура)

И конец:

38 Но я душой не изменюсь,
Священны мне всегда и всюду
Науки, слава, ум и Русь—
И так я вас не позабуду.

Первая строфа „Кудесника“ подвергалась непрерывной переделке вследствие требований цензуры. В списке альбома А. М. Языкова первые четыре стиха читаются так:

На месте священном, где с дедовских дней,
Счастливым дарами свободы,
Народ Ярослав по воле своей,
Себе избирает и ставит князей, —

В „Невском Альманахе“ второй стих был изменен:

По праву наследной свободы,

а в издании 1833 г.:

Счастливым дарами природы.

„Подражание псалму СXXXVI“ — этой пьесой начался цикл религиозных стихотворений Языкова; впрочем этот псалом имел и более глубокое значение: его переложения встречаются довольно часто в революционной лирике, особенно лирике, навеянной изгнанием и ссылкой. В русской поэзии удачный опыт переложения этого псалма сделан Ф. Глинкой, тогда еще связанным с декабристами.

„Воспоминание“ посвящено А. А. Воейковой.

Ст. 11—18 в издании 1833 г. читаются так:

Здесь духа творческая сила
Во мне мужала и росла...
И слава ей не ласки света,
Не взор любви, не блеск наград,

Какими светского поэта
Вельможи гордые дарят,—
Мечты могучие живили
Певца чувствительную грудь

В подлинном тексте ст. 15—16 имеют редакцию:

Какими гордого поэта
Князья и жены их дарят.

57. В. Д. КОМОВСКИЙ—Н. М. ЯЗЫКОВУ

3 февраля 1833

При сем вновь предстают пред вас два отпечатанные листа ваших стихотворений. Не худо было бы сообщить мне опечатки, если вы какие заметите. Я имею сознание в одной ошибке или, лучше, в одной неточности. В вашей рукописи по большей части буква *з* не смягчается пред *к*, *ш*, *т* и *пр.*; иногда же, напротив того, она смягчена; я привык к последнему, корректор, кажется, тоже; от этого происходит, что правописание и ваше и наше — меняются; привыкнув к моему — я проглядываю слова, которые должно было бы писать, не смягчая буквы *з*. То же неудобство встречается с частицею *же*, сокращенною в *жь*; большую частию пишут: что *ж*, *уж*; а правильнее кажется что *жь*, *ужь*.

Стих в Ливонии:

Но тишина постыдного забвенья

и стих:

Когда в порфиру облачилась
России новая судьба.

оставлены неприкосновенными.

Последние заметки и прицепки суть следующие:
в Послании к К. Н. Д.

1. и стан и тайные места
2. — а знаком тела
3. — усердно причастилась

в Послании К . . .

Владеют мной тщета мирская
И лень, и грусть, и немчуря.

Сие последнее слово по воле вашей заменится мишурою, следуя
прежнему примеру, Первую пиесу можно напечатать с точками:

Я пел ланиты и уста
И стан
Моей богине сладострастья
Кого любил, кому я пел?
Я мучился
А объяснить не захотел.

вместо причастилась — помолилась.

Цензор полагает и в первых двух листах сделать перемены:

И стан и все, что красота
В моей бо[гине].

Я мучился, вся кровь кипела
А объ[яснить].

Может быть, вы успеете дать мне ваше наставление, как тут поступить; — весьма одолжите. — Извините, что так нескладно мараю — когда-нибудь после объясню причину — теперь я сам не свой. Кланяйтесь Ал. Мих. Адресую письмо в Симб[ирск], потому что вы оттуда пишете.

Б[естужев] жив!

В. К.

Послание к К. Н. Д.—Киселеву Н. Д.

Послание К***—Н. Д. Севербееву.

58. Н. М. ЯЗЫКОВ—В. Д. КОМОВСКОМУ

1833. Февраля 14

Получили, получили и благодарим, благодарим! Все хорошо, все красота! Шрифт, бумага, формат, приличные в надлежащих местах виньетки, безошибочность букв и препинаний, словом все, без малейшего исключения — превосходно! Я не ожидал явиться в публику в виде столь щегольском, можно сказать, изящном. И вот всем этим я обязан вам, вам одному!

Полагая печатание уже оконченным и выход моих стихотворений происходящим прошу вас отдать, кому следует, список, здесь прилагаемый, для отправления дарственных экземпляров в разные грады российской империи. Еще прошу вас подписать на оных экземплярах: такому-то, такой-то, от автора.

В Петербурге:

Крылову, Пушкину, Вяземскому, Гнедичу, Хвостову, Гоголю, Далю, Воейкову, Марлинскому, Очкину.

В Москве:

Петру Вас. Киреевскому, у Красных ворот в доме Елагиной, 11 экземпляров.

В Дербте:

3 экземпляра: Ее Высокородию Екатерине Афанасьевне Протасовой; Ее Высокобл. Марье Николаевне Рейц; Его Высокобл. Карлу Федоровичу фон дер Боргу; Его Благ. Емельяну Карловичу Андерсу 4 экз.

В Одессу:

Его Высокобл. Михаилу Петровичу Розбергу и Ее Превосходительству Анне Петровне Зонтаг. Итого 2.

В Херсон:

Его Высокоб. Владиславу Максимовичу Княжевичу 1.

Вам же предоставляется полная свобода в ятии удобного числа экземпляров. Потрудитесь доставить по экземпляру всем вашим от имени автора книги, которая публичным бытием своим обязана благопоспешствующей деятельности вашей.

Ваш Н. Языков

Сбудьте все издание целиком или как рассудите и за что рассудите и кому угодно.

Приписка А. М. Языкова:

Первые 4 печатные листа ст[ихов] брата мы получили „с распростертыми объятиями“, издание преисполнило наши мечты и ожидания; все дышит совершенством, ни одна малейшая подробность не забыта!..*

* Точки в подлиннике.

Н. М. ЛЗЫКОВ

Карандашный рисунок А. Д. Хрипкова, 1828 г.

Настоящее местонахождение оригинала неизвестно

Мы получали ст[ихи] Гнедича и с удовольствием заметили в числе их пьесы — К стихам моим, К гостям иноземцам: это делает большую честь вашей П[етербургской] цензуре! — Да почему же в пов[естях] Мар[линского] нет: Роман и Ольга, Изменник, Вечера на Кавказе и пр. и пр.? или все сие сбережено для следующей серии? — Саламандра его совершенная дрянь.

Аладьин совершил изрядный подвиг, перевод Берхмана, хоть книга суха неимоверно, подобно всем произведениям сего лифляндца-бюхервурма — ожидаем Альм[аных] Сем[енова]. — Видели ли, как Пол[свой] перевозит Пу[шкина] и унижает всех прочих; впрочем любопытно бы было вычислить, сколько у Пу[шкина] своего.

Ваш А. Языков

59. В. Д. КОМОВСКИЙ—Н. М. ЯЗЫКОВУ

27 февраля 1833

Несомненно уповаю с концом сей недели кончить совершенно печатание и проч. ваших Стихотворений; не взыщите строго за медленность. Сегодня прочитал последнюю корректуру 11 и 12 листов; в среду или четверток исправлю окончательно 13 и половину 14 ли[ста] — последние. — Еще день — для печатания; день — для исполнения обязанностей цензурных и — совершишася!

В разные грады любезного отечества нашего повезутся экземпляры почтою, согласно вашему назначению; к вам поедут — по надлежащем переплетении; но еще и прежде того явятся на ваше усмотрение несколько экземпляров — в бумажке. В рассуждении продажи экземпляров — предмета, взваленного вами на меня — входил я в должные совещания с Очкиным — мужем в подобных делах искушенным; на общем нашем совете положено назначить продажную цену экземпляру — 5 р. Не продавать никому из книгопродавцев всех экземпляров вдруг, а постепенно, по мере расхода оных. Благодарю вас чувствительнейше за позволение воспользоваться несколькими экземплярами для меня собственно и для моих. Попрошу таковых 5; да еще 1 для Погожева и один же для Шульгина — досточтимого мною многопочтителя вашего.

Прибыло ли к вам Новоселье? Стихотворная часть слабенька! Одна сказка Жуковского — хороша. Пьеска Пушкина — не слишком; еще первая половина и туда и сюда. Прозаические статьи, хоть не отличны, но все читаются с удовольствием; Антар Сенковского первенствует — еслиб только не слишком бедное понятие о жизни человеческой, которую заставляет ограничиваться одними: мщенiem, властолюбием и любовью, — любовь — так, а мщение и власть — неужели только и благ в жизни? — Первая половина его Незнакомки прекрасна; совершенно Жюль Жанен — по манеру и слогу. Жаль что в первой половине Незнакомка есть Сатира олицетворенная; а во второй она просто какая-то у См[ирдина] на полке стоящая книга. — Бул[арин] блекнет пред Сенков[ским] и в Новоселье и в Север[ной] Пчеле. Прощайте покуда.

В. Комовский

60. Н. М. ЯЗЫКОВ—В. Д. КОМОВСКОМУ

1833. Марта 14

Благословенное письмо ваше от 27 февр., извещающее нас о полной готовности к выходу в свет моих стихотворений, получили мы радостно, как следует из самого дела.

Брат Ал[ександр] отправился в Уфу, где просидит до глубокой осени, адрес к нему: Алекс. Спиридоновичу Ломоносову, Его Высокоблагородию, в Уфу для передачи А. М. Я.

Из Москвы пишут: „Жуковскому теперь слава богу гораздо лучше; он живет в городке Вернэ, недалеко от Вевэ, заметно выздоравливает и даже пишет. Вот что он говорит в письме к Вяземскому: „Я думаю опять взлечь на свою Музу — и задать ей поэму“. Благоволите, при случае, сказать Гrefу, чтобы он выслал в Корсунь Его Бл. П. М. Я. книги: Haas. Repertorium für hom. Heilkunst. Leipzig. 1832—3 экземпляра. Hartmans. Therapie akuter Krankheitsformen 2 Bd. 1832. Leipzig — 2 экземпляра — если можно переплетенные.

Ал[ександр] на днях снова переселился из городской жизни в сельскую.

Прощайте покуда.

Ваш покорный

Н. Языков

61. В. Д. КОМОВСКИЙ—Н. М. ЯЗЫКОВУ

Невыразимо досадно, что печатание ваших Стихотворений, тянувшееся так долго, не промедлило до получения мною последнего письма вашего; я мог бы еще назначить цену книге, какую вы желаете; теперь уж слишком поздно; вы, верно, и сами не одобрили бы, еслиб я отступился от объявленной уже цены. Простите! и зрите в этом одно из многочисленных доказательств моей негодности для всяких сделок мира сего. Экземпляры по вашему назначению разосланы; Крылову я намереваюсь представить вашу книгу лично; теперь я его сослуживец — Библиотекарь в Публичной Библиотеке, — вы и ваш талант да будут моими рекомендателями у него. Позвольте мне такое своекорыстное дело!

Уваров цепляется за Министерство Просвещения; хотя его и не хотят, кажется, делать Министром; вы, думаю, заметили, что ему только, как товарищу Министра, дано управление русским просвещением. Новая метла всегда чисто метет; он хлопочет и суетится неугомонно; и на мою долю кое-что достается; должно пошевеливаться и выслуживаться по мере сил и уменья в сем хитроумном искусстве!

Намерение Жуков[овского] взлечь на музу — отрадно; его пример другим наука!

Гомеопатические книги велено Гrefу выслать по назначению.

Долго ли Алек. Михайловичу странствовать по улусам башкирцев и других дикарей?

Не сердитесь на меня, ради бога, за неисправное выполнение вашего поручения.

В. Комовский

27 марта 1833 г.

62. Н. М. ЯЗЫКОВ—В. Д. КОМОВСКОМУ

1833. Марта 30

Много и много благодарю вас за исправление эпиграфа к моим стихотворениям (я его выставил на память) и за все исправления вами содеянные во время трудного подвига издания: да осенит вас Аполлон благодатию своею на труд — подобный вами прежде совершенному и проч.

Мы получили Новоселье: проза гораздо лучше стихов: честь и слава Сенковскому, Брамбеусу и даже Одоевскому, ослы: Владимир Панаев,

бояр[ин] Федоров и преимущественно Константин Масальский! Зачем Смирдин пустил их к себе обедать или паче в свою книгу? Из стихов кроме сказки Жуковского и басен Крылова—все сполна: хоть брось! Стихотворение Баратынского на смерть Гете—распространение известных четырех или вернее только трех еще вернее двух стихов Жуковского к портрету Гете.

Я уже извещал вас, что брат Ал[ександр] уехал в Уфимские свои поместья: не преставайте, сделайте милость, пробуждать и побуждать его к действию литературному, не то он там вовсе зачахнет, одичает и испортится во всех смыслах. У него есть важный недостаток, имеющий вредоносное влияние на все существо и бытие его: это привычка заниматься только теориями: она чрезмерно сушит дух его и делает ему пакостным уединение, им же самим избранное.

Христос воскрес! Я теперь питаюсь Михаелисовым введением в Новый З[авет]: не знаю, будет ли мне во здравие сия светлая духовная пища—и жду чего-то.

Ваш Н. Языков

63. Н. М. ЯЗЫКОВ—В. Д. КОМОВСКОМУ

1833. Апреля 14

Наконец плоды благостного труда вашего—мои стихотворения—прибыли в мои объятия. Не знаю, как благодарить вас за многое множество забот и хлопот и разных разностей и всякой всячины—вами столь достопамятно препобежденных в сем деле разухабистом! Только и могу сказать: хвала, честь и слава долготерпению вашему! Хладнокровно ожидаю, что скажут обо мне С. Пчела, Телеграф и Телескоп. Я наперед знаю, за что и как именно станут бранить меня наши строгие ценители и судьи. Видели ли вы в Телеграфе статью Н. Полевого о Жуковском? взгляните и судите. Здесь получены и стихотворения П. Катенина: Полевой кинулся на него, как цепная собака: он всегда бранил Катенина кстати и некстати, прямо и мимоходом: теперь нападет на все сполна!

Собирание стихов производится у нас ревностно и похвально, сообразно требованиям нашего века, для которого так далеко отстал Жуковский, по уверению Полевого.

Прощайте покуда.

Христос воскрес!

Ваш покорнейший

Н. Языков

Нельзя ли доставить П. Ал. Катенину экземпляр моих стихотворений: он, Катенин, теперь находится в С. П. Б.

Под „стихами“ Языков понимает фольклорные материалы, главным образом „духовные стихи“.

64. Н. М. ЯЗЫКОВ—В. Д. КОМОВСКОМУ

1833. Апреля 18

Сооружение памятника Карамзину привело в брожение всю крупную и дробную шляхту Симбирской губернии: все спешат жертвовать от достояния своего на дело, столь полезное и утешительное, ни мало даже не соображаясь с тем, образовали ли они свой вкус произведением писателя знаменитого и обязаны ли ему хоть одною мыслию, хоть

одною буквою своего слога, большею частью безграмотны будучи и с трудом прилагая руку...

Таким-то побытом здесь уже собрана довольно значительная сумма (в два первые дня более 6 т.), образован комитет — и дело идет живо. Всякому, уважающему память Карамзина, приятно видеть, как жарко и радушно принялись за эту мысль высочайшие сановники: вечное свидетельство их грамотности!

Здесьние желают, чтоб оный памятник состоял из здания, в коем поместились бы статуя Историографа и публичная библиотека для чтения—обо всем, об этом губернатором будет представлено к М. В. Д.—а вы поторапливайте и своего—он же теперь в духе.

Курбского мы получили от Смирдина: читаем Тасса—кто этот Куркольник: видно, что он птенец развивающийся вроде немецких пламенных мечтателей. Ждем и надеемся от него больше и много. Поддерживайте его—ежели он под рукою вашею.

Ваш покорный

Н. Языков

Приписка А. М. Языкова:

Могу сказать с поэтом: „Я здесь...“ благодарю вас за книги, продолжайте направлять Гр[ефа]. Посылаю вам два стихот[орения] брата (продолжение впрעדь). На первый случай спрошу вас: почему же вы не оканчиваете Драматургию Шлегеля? Подвиг сей важен. О переводном обществе скоро объяснимся подробно: делание, при общем стремлении к хлопотам литературным, будет кстати пам[ятником] Карамз[ину].

Ваш А. Языков

65. Н. М. ЯЗЫКОВ—В. Д. КОМОВСКОМУ

1833. Апреля 22

Паки и паки благодарю вас за все труды ваши по случаю издания моих стихотворений—и за назначение цены им благородной и за все проч. и проч. Кто есть муж до небес меня возносящий с Сев. Пч.? А что-то скажут на сей возглас хвалебный московские критики и антикритики?

На сих только днях получил я письмо от прежнего вашего сослуживца, мужа доблестного, моего цензора-благодетеля—письмо писано еще 17 января текущего года; до сих пор оно лежало в Сызрани, куда не знаю почему было подписано. Чувствительно благодарю почтеннейшего издателя Кометы за его подарок прелестный и лестный. Один из моих петербургских знакомых, нынче сюда приехавший, сказывал мне сладостную новость, что Семенов собирается и уже собрался и решился выдавать с будущего 1834 года журнал литературный. Прошу господа-бога, да совершится сие благое намерение—и на всякий случай, посылаю новому подвижнику журналистики мое благословение—буде оно не ненужно и не излишне. Я вполне уверен, что журнал чисто литературный может существовать успешно на нашей земле святорусской, тем паче, когда издатель одного столь богат средствами всей Европы, как Семенов.

Засвидетельствуйте мою благодарность мужу достопамятному и человеку европейскому отцу Иакинфу за историю Тибета (вы верно с ним лично знакомы)—и вручите ему экземпляр стихотворений Н. Языкова. Еще просьба: благоволите приказать прислать сюда еще экземпляров пять книги моей: десяти переплетенных оказалось мало: переплестать не нужно.

Поздравляю вас с переменою места службы на поприще государственной вашей деятельности: в каком звании вам будет более времени обращаться с литературными трудами—а нам польза и удовольствие!

Не знаю, что делает брат Ал[ександр] в стране закамской: он чрезвычайно одичал вообще; не худо бы расшевелить перо его для литературы и откупорить дух его на свет божий. Нет ли у вас магической трости или магического пробочника—вещей необходимых для сего подвига?

Прощайте покуда.

Христос воскрес!

Н. Языков

66. Н. М. ЯЗЫКОВ—В. Д. КОМОВСКОМУ

1833. Мая 5

Письмо ваше, преисполненное отчетом в издержках при печатании моих стихотворений—здесь получено. Вы напрасно беспокоитесь о цене им назначенной: вам конечно неизвестно, что оное издание принадлежит не мне, а купившим его у меня—моим благоверным братьям: о назначении же цены книге—плоду труда моего—я советовал по охоте, сродной многим сынам человеческим, вмешиваться не в свое дело: следовательно и проч.

Не можете ли вы сделать мне великое одолжение? вот оно: мне хочется возыметь Conv[ersation] Lex[icon] новейшего издания четкими буквами, на хорошей бумаге, в благопристойной оправе. Нет ли у вас источника почерпнуть сию, публично непродávающуюся книжицу? Что скажет на это Греф, когда вы ему об этом скажете?

Скоро ли перестанет Греч печатать в С[ыне] О[течества] стоны против гомеопатии? Пора бы понять, что метода, которой в Германии последуют тысячи мужей ученых,—не есть вздор и обман. Трудно, где бы то ни было, отыскать дребедень подлейшую и пошлейшую напечатанной в 13 и 14 № С. О. о Ганемане. Правду говорят, что немцы остят тупо, а тут прибавлено еще много и от переводчика тупо-ученейшего.

Брат Ал[ександр] пишет мне, что собирается реформировать себя вообще—надежда у меня большая на того, кем сильные глаголют!

Ваш покорнейший

Н. Языков

67. В. Д. КОМОВСКИЙ—Н. М. ЯЗЫКОВУ

6 мая 1833

Вы привели меня в такое замешательство своим подарком, что я совершенно не знаю, как благодарить вас за оный. Самое лучшее, самое приятное и мне лестное украшение подаренного вами экземпляра есть надпись на заглавной листе; прочее великолепие не приличествует мне, не умевшему исполнить ваше поручение, когда и как следовало. И так возлагая на меня веление переплести экземпляры, не щадя золота и великолепных кож вы заставляли меня трудиться и для себя—не грешно ли вам это?

Доселе я еще не мог с благонадежностью отправить экземпляр ваших стихотворений Марлинскому.

Есть здесь некто Андреев, который заведывает его делами, которого я видал у Греча и которого посредством хотел воспользоваться: но доселе не мог никак поймать. Между тем сообщу вам трагическое проис-

шествие с Б[естужевым]. Он представлен к Георгиевскому кресту за храбрость, и почти вместе с сим представлением поступило донесение следующего или почти следующего содержания: Дочь Унтер-Офицера (не помню как его зовут) девица Ольга, вошед в комнату рядового Александра Б., стала с ним играть, и когда они играли на кровати, то лежавший под подушкой заряженный пистолет выстрелил и ранил девушку так, что она через три дня она умерла.

Наш новый министр Уваров собирается в половине этого месяца, в Дерпт; после, кажется, поедет и в Москву. Вообще по министерству затевается многое: напр. издание с будущего года журнала; сочинение полного Курса Юридических наук и иное.

Подождем и узреем!

Статья в Сев. Пчеле написана Амплием.

Ам[плий] предполагал издавать журнал с нынешнего года: но это не состоялось.

Весь ваш В. Комовский

История нечаянной смерти Ольги Нестердовой в Дербенте довольно быстро достигла стоиц и возбудила самые противоречивые толки. Бестужев с трудом распутал эту историю, так как против него было возбуждено дело по обвинению в убийстве. Дело кончилось оправданием Бестужева, но версия о насильственной смерти Ольги довольно долго держалась в различных кругах общества, — и самый факт оправдания Бестужева объяснялся связями А. Бестужева. Версия об убийстве Ольги была подкреплена и Дюма в „Путевых впечатлениях“ (A. Dumas. Impressions du voyage de Caucase à Paris, 1858), который очень заинтересовался трагической судьбой Ольги и посвятил ей стихотворную эпитафию. Об Ольге Нестердовой — см. „Нов. Время“ 1888, №№ 4347, 4349, 4352, 4356 (статьи Лонгинова, Зиссермана и др.), „Кавказ“ 1897, № 344 (ст. В. А. Потто) и возражения Е. Козубского („Рус. Арх.“ 1905 г., № XI), заметка Б. А. Модзалевского („Былое“ 1906 № XI), „Воспоминания о Кавказской старине“ В. Андреева („Кавказский Сборник“ 1876, т. I), С. Долинский „Из прошлого Дербента“ („Труды Ставропольской Ученой Архивной Комиссии“, 1912, I).

Амплий — А. Н. Очкин.

68. В. Д. КОМОВСКИЙ—Н. М. ЯЗЫКОВУ

[Июнь 1833]

Письмо к Гр. Хвостову хотелось мне лично вручить Его Сиятельству; однако я не застал его дома и был принужден верить сие дело кому-то из прислужников серебровласого пугала парнаасских бобылей. Вследствие сего имел удовольствие получить от Его Сиятельства милостивое послание. Прилагаю оное для вашей забавы, адрес и содержание—все оригинально, все необыкновенно. Для полноты характеризования нашего поэта и его особенностей не должно пропустить и того, что вместе с письмом посланец вручил мне от Его Сиятельства гривну серебром—на почтовые издержки.

Другой менее занимательный, но не менее оригинальный поэт удостоил избрать меня посредником между собою и вами—Щастный—он повергает пред вами одно из своих творений и обратился ко мне (говорит) потому де, что вам непосредственно неизвестен, а сделаться таковым получил непреодолимую охоту, вдохновленный вашими стихотворениями.—Я поручил в лавке Смирдина переслать к вам книгу Щастного вместе с другими литературными новостями, какие будут; напр. с пьесами Шекспира, переведенными Башиловым—вашим московским знакомцем.

Coversations Lexicon и все, что пожелается вашему любознанию, имею возможность достать: решите только следующее: (напуганный неудачным опытом самодеятельности, не приступаю ни к чему без разрешения) последнее вполне существующие издание совершилось года три тому

назад; в нынешнем году издается, но может быть не успеет быть издано—новое; какое вам угодно?

Я получил от Алек. Мих. письмо из Уфы, обещает на зиму съездить в Москву, и может быть, завернуть в Питерб.—да укрепится свыше дух его во всех благих назначениях!

Академия Наук раздала Демидовские премии: Востокову (за Грамм.) и Рейфу (за словарь Русского языка) по полной; а по половинной: Савостьянову (за начертание Геометрии), Строеву (брату археолога) за рассуждение об Уложении, Громову (за Судебную Медицину), Гельмерсену (За лифляндское право), Соколову за минералогию и Глаголеву за теорию словесности, довольно плохую.

В. Комовский

Щастный, Василий Николаевич — второстепенный поэт и переводчик; в частности переводчик А. Мицкевича. Был одно время секретарем редакции „Литературной Газеты“.

69. Н. М. ЯЗЫКОВ—В. Д. КОМОВСКОМУ

1833. Июня 10

Напрасно вы не распечатали письма графа Хвостова, которое чрез вас ко мне доставлялось: оно очень любопытно, да к нему же приложено и стихотворение Певца Кубры: весна. Советую вам обходиться впредь смелее с подобными парнасскими бумагами. Благодарю вас и за посредничество, приемлемое вами столь великодушно. Жду—предварительно прошу вас засвидетельствовать мою благодарность за приятное и сладостное знакомство с Г. Щастным, ему (г-ну Щастному), творения которого вы ко мне посылаете; сюда в страны, почти башкирские, мало слов лите[ратурных] доходит.

Хорош молодец Якимов: да и чего ожидать от него можно было после его стихотворения о русском слове: он молодой осел—и все тут!

Закажите мне C[onversation] Lex[icon] какой есть под руками у Грефа; скучно дожидаться нового издания—да и все это дело не так важно, чтобы и проч. С. Л. необходим особенно здесь только потому что и проч. Смирдин слабо присылает нам книги—вообще связь Ал. Мих. с ним чрезвычайно темна и неудовлетворительна. Напр. Курбского—у нас до сих пор нет!!!

Происшествие—подобное тому которое случилось с Ал. Б[естужевым] и девицею Ольгою, было и в Дерпте во время моего студенчества—с профессором химии Озоном: точь в точь, разница только та, что резвый профессор не на кровати, а на креслах имел пистолет, выстреливший в прелестницу смертельно же. Подобные случаи едва ли действуют на послужные списки, яко случаи невинные: так и в Д[ерпте] было.

И 10 экз. моих стихотворений посланные вами прежде переплетенных здесь получены: они лежат на почте, потому что были адресованы брату Ал. М., находящемуся в Уфе: до сих пор шла переписка об этом—и нет еще—получим тоже: здешний край будет избыточествовать моею славой: оно так и быть должно. Всякому свое.

Прощайте покуда.

Ваш Н. Языков

Н. М. ЯЗЫКОВ и Ф. В. ЧИЖОВ

ПЕРЕПИСКА 1843—1845 гг.

Публикация И. Розанова

Переписка Н. М. Языкова с Ф. В. Чижовым относится к последним годам жизни поэта, когда он, отчаявшись в возможности излечиться от своих недугов, после пятилетнего пребывания за границей вернулся (в августе 1843 г.) на родину и прочно засел в Москве. Жизнь он вел почти отшельническую, редко-редко выходя из квартиры, „без службы, без жены, без дел“, общаясь только с друзьями, но по книгам и журналам не переставая следить за событиями литературного и ученого мира. От прежнего Языкова, дерптского студента, страдавшего от избытка юных сил, посетителя Тригорского и приятеля Пушкина, от Языкова „поэта радости и хмеля“ и певца новгородской воляности, ничего уж не осталось. Сухотка спинного мозга превратила его в полукалеку: ему трудно было передвигаться. Еще печальнее была его политическая эволюция: тот, кто юношей с негодованием говорил о „рабской России“, которая „молилась за царя“, превратился теперь в защитника православия и в самого махрового националиста и крепостника.

В эти годы Языков издает две книги своих стихотворений, но преимущественно написанных до 1843 г., а новых стихов пишет мало; большею частью это послания, где поэт обычно сопоставляет, чем он был раньше, в годы счастливой юности, и чем он стал теперь. Эти стихи не имели уже того успеха, как прежние, а два его злобных послания „К ненашим“ и „Чаадаеву“, которые в 1844 г. пошли по рукам, окончательно погубили в глазах передового общества литературную репутацию поэта. Белинский стал необычайно резко отзываться о нем как о поэте, называть его стихи риторикой и т. д. Это еще более восстановило Языкова против западников. В 1843 г. такой вражды к западникам у него еще не было. В декабре 1843 г., как видно из печатаемой переписки, он сочувственно говорит о Грановском и его лекциях, но уже в следующем году и до самой своей смерти (26 дек. 1846 г.) является одним из самых ярких и яростных представителей воинствующего славянофильства. Биографы указывали ряд причин такого явления: одною из главных указываются обычно родственные отношения: на сестре Языкова был женат Хомяков, но у Хомякова вовсе не было такой ненависти к западникам и немцам, какой отличался Языков. Братья Киреевские также отличались гораздо большею терпимостью и сдержанностью. Все они, кроме Языкова, считали необходимым доказывать правоту своих убеждений. Языков же не считал это нужным: для него превосходство русских над немцами было аксиомой, не требовавшей доказательства. Если еще в дерптский период он [не раз выражал свою не любовь к немцам и только на почве выпивки готов был объединиться с ними („благодетельною силой с нами немцев подружило откровенное вино“), то теперь он уже не делает никаких исключений. Таким же страстным противником немцев обнаруживает себя и его адресат Чижов. Если Чижов и не может быть назван прямо его руководителем в этом отношении, то для понимания настроения поэта в эти годы важно уже и то, что в лице Чижова Языков находил полного единомышленника, обладавшего гораздо большими знаниями и силой воли, а потому особенно авторитетного.

Сблизились они в Риме, куда привез Языкова Гоголь, зиму 1842/43 г. прожили в одном доме: в нижнем этаже больной Языков, во втором Гоголь, взявший на себя заботу о нем, в третьем Чижов. По свидетельству Чижова в письме к Никитенко („Русская Старина“ 1904, № 9, стр. 633), они втроем „всякий день проводили вместе вечера“. В это время жил в Риме художник А. А. Иванов, работавший над своей картиной „Явление Христа народу“, и гравер Иордан.

Когда в августе 1843 г. Языков уехал в Москву, Чижов остался за границей. Основным его резиденцией был Рим, откуда он уезжал в Венецию, в славянские земли, летом 1844 г. в Париж, осенью в Петербург. Окончательно вернулся в Россию Чижов в 1847 г., когда Языкова уже не было в живых.

Тематика писем Языкова в двух отношениях должна поразить нас своею неожиданностью: во-первых, полным игнорированием вопросов художественной литературы вообще и поэзии в частности; если бы не краткое упоминание о посылке Чижову книги Языкова „Новые стихотворения“ в письме от 28 сентября 1845 г.—„... сверх того посылаю и новые мои стихотворения, которые прошу вас принять благосклонно“, — то по этим четырнадцати письмам никак нельзя было бы догадаться, что это пишет поэт или хотя бы любитель словесности. В этом отношении публикуемые нами письма являются полным контрастом хорошо известным его письмам дерптского периода; объяснить это только тем, что своего адресата Языков мог считать человеком довольно равнодушным к поэзии, нельзя; очевидно с ослаблением творческой деятельности и уменьшением поэтической продукции поэта постепенно стал уменьшаться и его интерес к поэзии вообще, тот интерес, который был главным и основным в его прежней жизни. Казалось бы, что смерть Баратынского должна была побудить его высказать какое-нибудь суждение о нем как о поэте или вызвать воспоминания о своих личных отношениях к нему. Языков же упоминает о Баратынском так безразлично, как будто с этим человеком ничто его не связывало в прошлом, как будто он даже не был с ним знаком. Его интересует только сплетня, ходившая тогда о жене Баратынского как главной виновнице его смерти.

С другой стороны, довольно неожиданным для биографов Языкова является тот совершенно исключительный интерес, который проявляет в эти годы поэт к изобразительным искусствам: архитектуре, живописи и т. д. И опять-таки это нельзя объяснить приравниванием к интересам адресата: в судьбе Московских художественных классов он заинтересован не менее Чижова и поручение позаботиться о приискании преподавателя в это училище принимает с благодарностью; он много читает и размышляет об архитектуре и живописи, сетует, „что на русском языке нет книг по истории живописи“, и собирается заказать кому-нибудь перевод книги Куглера. Судьбой картины Иванова он заинтересован как лично дорогим и кровным для него делом. „Его картина у меня из головы не выходит“, пишет он. Он серьезно встревожился, узнав о болезни Иванова: „неужели картина его останется незаконченной?“ Чижова он всячески старается использовать как знатока истории искусств как для себя лично (запрос об основных различиях между архитектурой русских и западных церквей), так и для читателей (просьба написать статью о художниках в Риме). Но он не только учится в этой области у адресата, гораздо более его вооруженного знаниями, но имеет и свои взгляды и мнения. Укажем на желание Языкова украсить свой кабинет картинами, специально по его заказу написанными. Одним словом, письма Языкова к Чижову свидетельствуют о перемещении центра его интересов в области искусств от поэзии к искусствам изобразительным.

Другая тема, которая не менее серьезно захватывает Языкова, судя по его письмам, — это „Москвитини“ и Иван Киреевский, которому Погодин с начала 1845 г. предоставил редактирование этого журнала. Относясь к И. В. Киреевскому с необычайным уважением, Языков приветствует эту смену редакторов, радуется первым книжкам обновленного и значительно, по его мнению, улучшенного журнала, а позднее сетует, что Киреевский, издав три номера, принужден был отказаться от дальнейшего редактирования отчасти потому, что никак не мог поладить с Погодиным, отчасти потому, что с такой жадностью набросился на литературную работу (почти 15 лет после запрещения „Европейца“ он перед этим молчал), так запойно увлекся этим делом, что надорвал свои силы.

Если письма Языкова характерны для последней стадии его умственного развития, когда из националиста он обращался в воинствующего славянофила, а идеализация „русского нутра“ доводила его до резкой брани по отношению ко всем инакомыслящим, то письма Чижова могут служить материалом для характеристики только одного промежуточного момента в истории идейных исканий и деятельности этого языковского корреспондента. Сам по себе Чижов как личность яркая и разносторонняя, как крупная фигура среди строителей русского капитализма заслуживает особой исторической монографии, но авторы некрологов и составители его кратких биографий, например Чероков (в брошюре „Федор Васильевич Чижов и его связи с Н. В. Гоголем“ М.,

1902), указывали, что такая монография возможна будет только после опубликования многолетних дневников Чижова, хранящихся в Рукописном отделении Публичной Библиотеки СССР им. Ленина. В 40-е годы нельзя еще было предвидеть, во что в конце концов выльются славянофильские симпатии бывшего профессора математики, ставшего искусствоведам. А вылились они в 60-х и 70-х годах в финансовую и железнодорожную деятельность. От промавления „русской души“ и поисков ее в русских изобразительных искусствах он перешел к служению русскому капиталу. Человек спартанского образа жизни, не любивший роскоши и денег самих по себе, он все свои основательные и разносторонние знания, а главное свои исключительные организаторские способности, трудолюбие и энергию посвятил на благо финансовых акул и промышленников-толстосумов; под их приобретательские аппетиты и хищные воуждения он подводил идеологический фундамент: во имя служения родине и русскому народу способствовал вытеснению иностранного капитала русским—вот что ставил он себе целью, и конечно это находило горячее сочувствие в русском „именитом купечестве“. В 1858—1861 гг. Чижов издавал орган купечества „Вестник Промышленности“ и при ней газету „Акционер“. В 70-х годах Чижов был главным устроителем „Московского купеческого банка“ и „Общества взаимного кредита“, но главная его деятельность относится к области железнодорожного строительства. Раннее наши железные дороги находились в руках иностранцев. „Вся масса служащих,—пишет Чероков,—начиная с главных беззазорных заправил и кончая низшими, чуть не стрелочниками, выписывалась из-за границы... Он [Чижов] задал себе задачу—вырвать русские дороги из рук иноземцев... Чижов затея доказать, что и русские смогут строить такие же дороги на русские деньги и управлять ими, и для этого избрал на первый раз линию к Троице-Сергиевской Лавре (ныне г. Загорск), как несомненно, по его соображениям, наивыгоднейшую“. Дорогу эту, которую он строил в компании с Иван Федоровичем Мамонтовым, он довел потом до Вологды. Осуществил он также частичную поупку московскими капиталистами Московско-Курской жел. дор. Интересовался Чижов также делом народного образования и приближения его к новым запросам развивающегося капитализма. Классические гимназии, запоздалые пережитки феодального строя, мало его занимали. Для подготовки людей интеллигентного труда и чиновников, по плану Чижова, открыта был в Киеве на средства „друга его Галагана“ „Коллегия Павла Галагана“ с расширенной программой по математике и с рисованием как обязательным предметом. В течение долгого времени это учебное заведение было одним из лучших в России. Но гораздо более заинтересован был Чижов в устройстве низшего технического образования и весь свой пятиллионный капитал, который мог быть выяснен и реализован только после его смерти, завещал на устройство и содержание пяти низших технических и ремесленных училищ. Умер он в 1877 г. шестидесяти шести лет отроду. Языкова пережили он более чем на 30 лет, будучи на 8 лет его моложе. В переписке Языкова с Чижовым совершенно не чувствуется старшинства первого из них; наоборот, Чижов кажется лицом, занявшим более авторитетное и руководящее положение. И это не только по отношению к Языкову. Строжайшая самодисциплина, которой он всегда отличался, и его энергия возбуждали к нему уважение. Большое значение имела также основательность его познаний. Живя в Риме, он имел частое общение с такими людьми, как Александр Иванов, Гоголь. По дарованиям он может быть должен считаться пигмеем сравнительно с ними, но он был гораздо их образованнее. Он был восемь лет (с 1832 по 1840 г.) профессором математики в Петербургском университете; в 1836 г. получил звание магистра математических наук за диссертацию „Об общей теории равновесия с приложением к равновесию жидких тел и определению фигуры земли“; кроме того в его ученом формуляре к 40-м годам значилось еще три книги очень различного содержания: 1) перевод „Истории европейской литературы XV и XVI столетий Галлама“ с обширными собственными дополнениями, 2) „Призвание женщины“—перевод с английского и 3) „Паровые машины—история, описание и приложение их—с чертежами“. Из этих книг особенно сочувственный прием встретила третья. Рецензия, появившаяся в „Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду“, отмечала „и своевременность выхода такой книги, первой на русском языке, о паровых маши-

нах, начинающих играть важную роль в нашей промышленности, и необычайную живость и интересность изложения”.

Сотрудничал Чижов и в журналах („Библиотека для Чтения“, „Сын Отечества“, „Журнал Министерства Народного Просвещения“), помещая там и оригинальные, и переводные статьи. Во всем, по словам его биографа, сказывалась „неистощимая даровитость его натуры“. Но хотя математическими науками он занимался „с замечательным успехом“, он в 1840 г. внезапно оставляет профессорскую кафедру, чтобы никогда уже потом к ней не возвращаться. Уезжает сначала на Украину, а в следующем, 1841 г. едет за границу, откуда окончательно возвращается на родину только в 1847 г. Этот крутой поворот в жизни Чижова многим был непонятен. Сам Чижов объясняет его своим „демоническим самолюбием“. В письме к А. В. Никитенко от 7 февраля 1843 г. из Рима он пишет: „я составил план моей жизни, или вернее, план трудов моих, о котором до сих пор не говорил, потому что боялся высказать“ („Из архива А. В. Никитенко“. — „Рус. Стар.“ 1904, октябрь, стр. 676). Оказывается у Чижова создался план обширного сочинения. Для этого ему надо было изучить самостоятельно 1) философию „как явление жизни“ („в философии не философия занимает меня, — пишет он, — а человек, тот, другой, третий, все равно, будет ли это один человек, высказывающийся в системе, народ в ряду систем, или все человечество во всем том, что мы называем философией“), 2) историю искусств „как прямых и законных детей сердца человеческого“ и 3) историю „всякого рода человеческих деяний, т. е. жизнь воли“.

На первых порах он решил заняться изучением Венеции.

„Как первую попытку думаю я, по окончании первой моей поездки за границу, представить мою Венецию... В ней я думаю изобразить... переход от жизни чувства средней истории к жизни ума, анализа, явившегося в новой истории... Я хочу из каждого периода венецианской жизни взять одно происшествие и в нем в форме рассказа, повести изобразить ее сущность и пружины, явно или тайно двигающие ее на пути ее естественного развития. В конце я передам ход венецианской школы искусства и в этом ходе постараюсь представить значение венецианской истории“. Грандиозный план многолетней работы, который себе ставил Чижов, был совершенно в духе тех замечательных русских людей, с которыми Чижов встречался в Риме: Гоголь уже много лет занят был „Мертвыми душами“, Иванов, как известно, работал над своей картиной более 20 лет, а гравер Иордан над одной гравюрой 12 лет, но Чижов, шесть лет проживший за границей, своего плана не осуществил даже в начальной его стадии: не дал книги по истории Венеции и ее искусства. Причина заключалась не только в том, что он вероятно убедился в недостаточности своих сил для этой задачи: ведь он собирался прибегнуть к форме „рассказа“ или „повести“. Дар живого и интересного изложения был ему присущ: одна из его позднейших книг — о пчеловодстве — отмечалась критикой как увлекательное чтение для всякого, в его статье о необходимости распространения технических и ремесленных знаний в России есть места, замечательные по яркости и образности изложения.

Очевидно и с беллетристической формой Чижов справился бы. Дело не в том. Главной причиной было повидимому увлечение славянофильскими идеями. Во время поездки в Богемии он познакомился с чешским писателем Ганкою, который проповедывал единение всех славянских племен между собою. Подобно некоторым другим русским в эти годы, например А. Н. Попову, он объехал южнославянские земли — Истрию, Далмацию, Черногорию, — и интерес к славянству был у него так велик, что он легко вошел в круг славянофильских идей, которыми жил его московский корреспондент Языков. С ним, живя целую зиму под одной кровлей в Риме на via Felice, дом № 126, Чижов очень подружился. „С Языковым мы, — писал Чижов, — жили совершенно по-братски, как говорится, душа в душу, и остались истинными братьями до последней минуты“. Позднее, уже после смерти поэта, Чижов говорил: „Языков был в глазах моих святым человеком“. Переписка не только укрепила эту дружбу, но она и активизировала корреспондентов на борьбу против „врагов отечества“, как писал Языков 28 сентября 1845 г. Под „врагами отечества“ подразумевались западники. Интересы искусства отходят на второй план, Языков зовет Чижова вернуться в Россию, чтобы принять энергичное участие в борьбе с за-

падничеством. Когда наконец друзья увидались — Чижов некоторое время в 1845 — 1846 гг. прожил в Петербурге и Москве, — Языков писал Гоголю: „Чижов — муж доблести великой, он славно поднял бы наш кружок, наши души, нервы, если бы имел средства в Москве остаться. Он теперь прямо из славянских земель со свежими сведениями, глубокими убеждениями и притом красноречив: его можно назвать звездой Востока“ (Шенрок. „Языков“. — „Вестник Европы“ 1897 г., № 12, стр. 645 — 651).

Как мы знаем из „Дневника Елизаветы Ивановны Поповой“ (СПб., 1911, стр. 37 — 38), Николай Михайлович Языков завещал деньги — 30 тысяч рублей — на издание журнала, издателем которого был назначен Чижов, но брат поэта Петр Михайлович под разными предлогами отказался выполнить волю покойного. „А между тем, — замечает автор „Дневника“, — Чижов и не хотел брать на себя труд издания журнала, и только усиленные просьбы Языкова заставили дать слово“.

Переписка Языкова с Чижовым, публикуемая нами, характеризует этот подготовительный период, когда, воздействуя друг на друга и заражая друг друга все более и более ненавистью к западникам и уверениями, что, выступая против них, делают „святое“ дело, призывая благословение божие и т. д., и т. д., друзья подходят к решению образовать свой орган. Интересы искусства у Чижова постепенно отходят на второй план. Писание своей работы о Венеции он откладывает под тем предлогом, что должна выйти через год-полтора какая-то „дельная“ книга о Венеции и надо будет подождать ее выхода и воспользоваться ею. С другой стороны, вопросы борьбы с западниками и издания журнала занимают все более и более места, но Чижов как человек практический прежде всего ставит вопрос о денежных средствах. Результатом этого и было вероятно решение Языкова дать на это издание свои средства, о чем в данной переписке речи еще впрочем пока нет.

Судьба устроила однако так, что, если бы даже Чижов и получил обещанные деньги, редактором и издателем он быть бы не мог: когда он в 1847 г. вернулся в Россию, на самой границе он был арестован и с полицейскими агентами препровожден в Петербург в Петропавловскую крепость. Дело потом выяснилось: во время путешествия по славянским землям Чижову пришлось как-то помочь черногорцам выгрузить на берег оружие, это стало известно австрийской полиции, и она сделала донос на Чижова в Петербург. В результате Чижова выпустили, но он был отдан под надзор полиции, и издательская деятельность ему была запрещена. Все свои сочинения ему велено было представлять на просмотр в III Отделение; тогда же признано было невозможным разрешить Чижову издавать „Русский Вестник“, а когда с облегчением цензурного гнета в 1857 г. Чижову дозволено было издавать „Вестник Промышленности“, журнал этот встретил неблагоприятную оценку в Цензурном комитете. Когда в 1862 г. Ив. Аксаков стал хлопотать о передаче своего „Дня“ другой редакции и представил в качестве нового редактора Чижова, министр народного просвещения А. В. Головин отказался утвердить Чижова.

Будучи уже директором банка, он вспоминал о годах пребывания в Италии как о лучшем периоде своей жизни. Как говорит его биограф А. Чероков, он „в минуты своих воспоминаний с болезненным надрывом души сравнивал свое изучение искусств в Италии с блестящим на взгляд толпы званием директора прибыльного предприятия или банка, — с искренним сердцем божился, что „заплевал бы тогда всякого, кто дерзнул бы предсказывать ему в будущем подобное положение“. Не это ли предвидел его университетский товарищ Печерин, когда, отмечая трудолюбие Чижова как черту, русским не свойственную, добавлял: „Но есть дело хуже безделья“.

Оригиналы писем Н. М. Языкова приобретены в 1933 г. у потомков Ф. В. Чижова В. Д. Бонч-Бруевичем и в настоящее время хранятся в Литературном Музее. Оригиналы писем Ф. В. Чижова хранятся в Институте Русской Литературы Академии Наук СССР. Для настоящей публикации письма Н. М. Языкова использованы полностью; из писем Ф. В. Чижова использованы лишь те, которые непосредственно связаны с письмами Н. М. Языкова, т. е. либо те, на которые отвечает Н. М. Языков, либо те, которые являются ответными на языковские.

1. Ф. В. ЧИЖОВ — Н. М. ЯЗЫКОВУ

Рим, 12 Ноября 1843

Приехавши в Рим я все поджидал не вздумаете ли вы исполнить вашего обещания, известить о прибытии вашем в Москву и о вашем здоровье, да видно надобно и рукой махнуть. Главное мне досадно то, что не знаю как писать к вам, только вчера надоумил один ваш московский А. Н. Попов. Сделайте одолжение напишите как вы доехали, каково себя чувствуете в родимой Москве. Боже мой, как я вам завидую; еслиб не проклятые мои обстоятельства и их еще проклятые мысли, что надобно работать, я полетел бы, а не поехал, не смотря на то, что чем дольше живу в Италии, тем больше влюбляюсь в нее. Все хорошо, да все не родимый край. Письмо ваше из Гастейна застало меня на самом выезде из Венеции; мне вздумалось ознакомиться с владениями бывшей Венец. республики, вот и пустился я гулять по Истрии и Далмации. Как приехал туда, особенно в Далмацию, встретил наших славян и единокровных и, что было мне еще ближе, единовѣрных, позабыл и Венецию. Никогда я не воображал себе, что можно найти такой родной прием на Западе, — это решительно Россия, только Россия угнетенная и изгаженная погаными немцами, еще поганее, чем немцы, австрийцами. Всегда эти поганцы были мне отвратительны, а теперь, побывав в Далмации, они мне стали хуже наших русских немцев, да и русские немцы как-то еще больше огадели. Был я и в Черногорьи, только жаль, что недолго, и еще больше мне жаль, что я был не один, а с одним нашим русским архитектором Эпингером. Это поганое товарищество испортило всю мою поездку, а отказаться от него недостало довольно характеру. За то, никто как бог, судьба исправила эту беду. В Черногорьи я встретился с вашим знакомым Елагиним и так хорошо с ним сошелся, с таким наслаждением любовался, в его лице, всем новым поколением,* что и забыл о моем немце. Какая прекрасная душа у этого Елагина. Молод он, еще очень молод, ну да этот порок небольшой, от него поневоле избавится, а что за прелесть и сердце и детская простота души! Какая ужасная разница получить воспитание в Москве и Петербурге; что ни делайте, но в этом адском немецком городе ни за что не удержите этого целомудрия души, оно только может остаться в сердце России. Славный, славный молодой человек. Разумеется у него уже зато все московское, московские то-есть русские добродетели, московские и пороки: ленив как только можно себе представить. Но бог с ним, будь он в тысячу раз ленивее, лишь бы был всегда с такою прекрасною душою. Он страстный обожатель славянизма, — в этом мы с ним сталкивались, но и тут я только больше для того его поддразнивал, чтоб иметь случай больше полюбоваться прелестями детской души его. Мы проехали с ним от Черногорья до Истрии, где я уговорил его заехать в городок Пола, чтоб полюбоваться развалинами превосходного древнего римского амфитеатра. Он меня послушался и после писал, что очень этим доволен. Досадно мне ужасно, зачем я не настаивал сильно, может быть я уговорил бы его поехать в Италию. У него так художественно создана душа, что он не мог бы не любоваться этою божественною страной и всем, чем она так богата. Здесь я нашел другого молодого человека, его приятеля Попова, славный малый. Но если судьба над ним не поработает, бог знает достанет ли у него столько силы ума, чтоб удержать самого себя и дать больше места сердцу. А все-таки добрый и хороший малый. Он-то и дал мне адрес, по которому я теперь пишу к вам.

Рим идет по-старому, сегодня была новость, одну какую-то неаполитанку Франческу произвели в блаженные — beata. Нет же у нас соеди-

нения; редко, редко зайдут ко мне, потому что глупые мои понятия о необходимости каторжной работы заставляют меня избегать всех столкновений с людьми. Иванов все прихварывает и потому почти не работает. Иордан все работает и потому смешит не часто, даже редко, да метко. Когда случается, что мы зайдём в трактир, все выходим больные от смеха и он ещё [уже?] не оскорбляется. Из приезжих кажется нет никого, по крайней мере я никого не знаю. Вот вам все, что у нас тво-

Н. М. ЯЗЫКОВ

Карандашный портрет из альбома Э. Д. Дмитриева-Мамонова
Третьяковская галерея, Москва

рится. Ещё одно, ваша хозяйка спрашивала о вас и просила вам кланяться, — я теперь только к ней присмотрелся *che rezzo di donna**. Ко мне по обычаю забегают девчонки и бранить меня некому. Ради бога соберитесь написать о себе, — от вас письмо будет приятно получить право как от родного. Ещё раз прошу вас не поленитесь на этот раз. Желаю от души, чтобы только вы лучше себя чувствовали, если же случится, что не очень здоров, — заставьте написать Иноземцева. Да

* Ну и бабища!

кстати скажите ему от меня поклон. Напишите хоть несколько строк. Иноземцев тоже ленив, не знаете ли вы Варвинского, вот ему скажите, он верно напишет. Только ради бога не смотрите как попало на мою просьбу, она идет прямо из истинной к вам привязанности, так дорогой как может быть от близкого родного.

Ваш Чижов

Попов, Александр Николаевич—историк и юрист. Родился в 1820 г., умер 16 ноября 1877, т. е. через два дня после Чижова, на которого несколько походил своей деловитостью. И тот и другой не были теоретиками-говорунами и фантазерами славянофильства. Склад их ума положительный и точный. В своих научных трудах А. Н. Попов был настолько добросовестен как исследователь, что совсем мало чувствовался его славянофильский фундамент. Недаром одной из его книг восхищался западник И. С. Тургенев.

Из характеристики, даваемой в этом же письме ниже Попову, видим, что Чижов опасался, что молодой человек не сумеет „дать больше места сердцу“.

Происходил А. Н. Попов из дворян Рязанской губ., учился в московской гимназии и Московском университете. В 1839 г. кончил первым кандидатом юридический факультет. В 1841 г. защитил магистерскую диссертацию „Русская правда в отношении к уголовному праву“. Был близок с Д. Ф. Самариним, а одно время жил вместе с Хомяковым. В 1842 г. отправился в Берлин для усовершенствования в философии и там слушал лекции Шеллинга, потом посетил Мюнхен и направился в Черногорию. Результатом этой поездки была книга „Путешествие в Черногорию“, изданная в 1847 г. По возвращении в Москву Попов предполагал занять кафедру истории русского права при Московском университете. Об этом см. примечание к письму Языкова от 29 марта 1845 г.

Эппингер, Федор Иванович (1816—1873)—архитектор, ученик профессора Тона. В 1841 г. командирован был Академией Художеств в Рим для усовершенствования. По возвращении в Россию жил в Петербурге. С 1858 г. был профессором архитектуры в Академии Художеств.

Елагин, Василий Алексеевич—старший сын Алексея Андреевича и Авдотьи Петровны Елагиных. Родился в с. Долбине в 1818 г., умер в 1879 г. в Дерпте. По отзыву друзей был „человек обширных сведений“, но к сожалению мало писал и еще менее печатал. Кончил Московский университет в 1839 г., т. е. одновременно с А. Н. Поповым (см. выше). В 1846 г. женился на Екатерине Ивановне Мойер, дочери Марии Андреевны Мойер, или Маши Протасовой, которая играла такую важную роль в жизни Жуковского.

Иванов, Александр Андреевич (1806—1858)—знаменитый живописец. В 1830 по 1858 г. жил в Риме; слишком 20 лет (1833—1857) работал над картиной „Явление Христа народу“.

Иордан, Федор Иванович (1800—1883)—замечательный русский гравер, сын придворного обойщика. Был учеником Н. И. Уткина. В 1829 г. был командирован Академией Художеств за границу для усовершенствования, жил в Париже, Лондоне, а в 1834 г. в Риме занялся гравированием картины Рафаэля „Преображение“. Этой работе посвятил он 12 лет. С 1855 г. стал профессором—преподавателем гравирования в Академии Художеств.

Иноземцев, Федор Иванович (1802—1869)—знаменитый врач-практик, профессор Московской хирургической академии, знакомый Языкова по Дерпту. Воспитанник Харьковского университета, где он был первоначально на словесном отделении, в связи с чем как стипендиат должен был некоторое время прослужить учителем истории и математики в г. Льгове, потом вторично поступил в тот же университет, но уже на другой факультет—медицинский. По окончании его был командирован в 1828 г. в Профессорский институт при Дерптском университете. В это время познакомился с ним Языков, который в следующем году—1829—покинул Дерпт. После возвращения Языкова в 1843 г. в Москву Иноземцев энергично принялся за его лечение и до самой смерти поэта 26 декабря 1846 г. питал надежду на улучшение его здоровья.

Варвинский—врач, о нем см. ниже в прим. к письму 2-му.

2. Н. М. ЯЗЫКОВ—Ф. В. ЧИЖОВУ

Между тем как вы, мой любезнейший Федор Васильевич, странствовали по древним владениям золотой Венеции, много видели, много читали, писали, работали в ее истории, наслаждались настоящим и поминали великое прошедшее,—я уже успел приехать в Москву и просидеть в ней, в совершенном бездействии, более четырех месяцев: я собрался написать к вам только теперь, когда получил ваше письмо из Рима. Стыдно мне это.

Сердечно радуюсь, что вы познакомились с В. Елагиным: это одно из тех утешительных явлений, которыми может гордиться святая Русь — это благословенный цвет нового ее поколения, свежего, бодрого, чистого, надежного и могучего — юноша, которого образование — честь и слава Московскому университету — так полно, крепко и самобытно развилось и установилось, что нельзя им не любоваться: я уверен, что вы его полюбите — и нетерпеливо жду возвращения его в Москву, чтобы расспросить у него в подробности о вашем ученом путешествии и занятиях. Не отвлечет ли вас от Венеции поездка ваша в Италию, — т. е. сокровища живописи, которые вы там увидите, не устремят ли вашу деятельность более к истории искусства, отстранив политическую? А предполагаемая поездка ваша и в Берлин меня не пугает: я пророчу вам, что просидите там недолго: ведь там сплошь — немцы — и какие еще? Пруссак и берлинцы — самые несноснейшие из несноснейших!

Теперь Москва занята лекциями пр. Грановского. Он преподает публично историю средних веков: глубокое знание предмета, мастерское его изложение и увлекательная речь собирает вокруг его кафедры многочисленных слушателей женска и мужеска пола. Явление утешительное и важное! Вот самая лучшая московская новость.

Как жаль, что А. А. Иванов все еще не справился с своими глазами! Его картина у меня из головы не выходит! Кланяйтесь ему от меня и пожмите руку. То же сделайте с Ф. Ив. Иорданом.

Прощайте покуда. Будьте здоровы. Кланяйтесь моей жирной хозяйке! Я бы поручил вам обнять ее, но едва ли это вы исполните!

Ваш Н. Языков

Иноземцев вам клянется: он меня лечит и я надеюсь на него крепко. Авось он сделает мне более пользы, нежели все прежние немцы и воды. Надежда есть уже хорошее лекарство. Варвинского я не видал, но он давно ~~уже~~ в Москве. Поклон ваш ему передан.

Декабрь 7 дня 1843 г.

Москва

Мой адрес: в Москву, в Малый Власьевский переулочек в приходе Иоанна Предтечи, в дом кн. Гагарина.

Публичные лекции Грановского по истории средних веков и впечатление, ими произведенное, много раз описывались и всего ярче Герценом. Известно, что и многие из славянофилов отнеслись к ним сочувственно. „Лучшим проявлением жизни московской, — писал в марте 1844 г. Хомяков Веневитинову, — была лекция Грановского. Таких лекций, конечно, у нас не было... и бесспорно мало во всей Европе. Впрочем я его хвалю с тем большим беспристрастием, что он принадлежит к мнению, которое во многом, если не во всем, противоположно моему... Даже П. В. Киреевский, даже и он хлопал не менее других“. Замечательно признание Ивана Киреевского в письме к Хомякову от 2 мая 1844 г.: „ты пишешь, что противники издают Галатею. Кто же эти противники? Неужели ты так называешь Грановского и проч.? Если так, то не ошибаетесь ли вы и во мне? Может быть, вы считаете меня заклятым славянофилом?.. На это я должен сказать, что этот славянофильский образ мыслей я разделяю только отчасти, а другую часть его считаю дальше от себя, чем самые эксцентрические мнения Грановского“.

Как мы видим, и Языков в конце 1843 и в первой половине следующего года, будучи крайним националистом и заклятым противником немцев, не дошел еще до такой степени вражды к западникам, которая привела его к роковому в истории его литературной репутации стихотворению „К ненашим“.

„Нежели все прежние немцы и воды...“ В августе 1836 г. Языков выехал из России на Мариенбадские воды. Там он пил „брун“, принимал грязевые ванны, отсюда отправился в Ганау к знаменитому доктору Коппу; весной 1839 г. переехал в Крайцнах, отсюда в Гастейн, отсюда в Рим, где почувствовал себя настолько лучше, что начал уже собираться обратно в Россию, но Копп, когда Языков вторично посетил его в Ганау, послал Языкова лечиться в Швальбах, откуда поэт в третий раз приехал в Ганау, а отсюда Гоголь увез его в Рим.

Варвинский, Иосиф Васильевич (1811—1878) — врач, профессор Московского университета по патологии и терапии; подобно Иноземцеву, кончил медицинский факультет в Харькове и затем поступил в Профессорский институт при Дерптском университете. В 1841 г. уехал на два года за границу; был в Берлине, Вене, Париже. По возвращении в Москву был приглашен преподавать в университете клиническое учение о внутренних болезнях. Два следующих года (с весны 1844 г.) был в Дерпте ordinарным профессором, а в 1846 г. опять вернулся в Москву ordinарным профессором госпитальной терапевтической клиники.

3. Ф. В. ЧИЖОВ — Н. М. ЯЗЫКОВУ

Рим, 28 Генв. 1844

Благодарю вас за весточку, любезнейший Николай Михайлович, она обрадовала всех нас, душевно вас любящих, то-есть меня и Иванова. Иордана я мало вижу. Вы совершенно правы, надежда на выздоровление есть уже половина выздоровления, а вы ее решительно несколько не имели в Риме. Я думал скоро после вашего письма писать к вам, но меня остановило то, что вы кажется заботитесь об аккуратности ответов. Совершенно увольняю вас от этой заботы, разумеется каждое ваше письмо считаю я милым мне подарком, но я знаю, как такие подарки вам дорого достаются.

Что сказать вам о Риме? Есть у меня новости, но очень неотрадные. Задумали мы установить вечера, чтоб читать что-нибудь относящееся к искусству, это одно, второе — читать что-нибудь истинно русское. На этом я думал немного основать дельность наших сходок, весьма необходимую в настоящую минуту, когда благодаря отеческой попечительности Кривцова устроилось казино у русских художников, то-есть узаконилось то кутежничество, которое до сего времени было злоупотреблением. Еще таки в кутеже есть жизнь, он иногда немного и потрясет, а потрясши заставит и обдуматься, а у них хуже кутежа — карты и бильярд. Пошлее этого ничего нельзя было придумать для собрания молодых людей, приехавших в Рим для художественного образования. Если бы я просто приглашал художников на вечера, я уверен, что они собрались бы все; но я не виноват, что я такой, а не иной: я пригласил одних чисто русских, обойдя всех герцов и оберцов и Скотти и Кракау, и Бенуа и пр. и пр. Сначала это их собрало, начали собираться, начали читать, раз, два, три, и только. Кажется, что между прочими причинами были и те, что их оттащили обойденные немцы, — ужасно досадно, что русских никак не соединишь. Между тем, это все-таки сделало для меня много добра, оно сблизило меня с Поповым, вашим московским магистром, а это сближение показало мне в нем превосходного молодого человека, подающего большие надежды и, что всего лучше, истинного русского без примеси. При первых встречах он кажется не так хорош, каков он действительно. Приятно видеть, что из Московского Университета выходят такие славные молодые люди, каковы он и Елагин.

Есть еще одна маленькая новость в нашем художественном Риме, — на днях получено сюда письмо от одного московского Михаила Дормидонтовича Быковского. Он пишет, что в Москву нужно иметь двух профессоров, одного скульптуры и одного живописи и спрашивает у Кривцова, кого он может рекомендовать. Кривцова нет, он уехал в Россию и увез с собою русского художника Скотти. Как я услышал от Сомова, об таком вопросе, и не только я, а и Алекс. Андр. Иванов, мы сильно струхнули, боимся, чтобы Кривцов не начал рекомендовать Скотти. Оставляя уже то, что этот человек решительно смотрит на Россию как на дойную корову и то самой скверной породы, чисто в художественном отношении есть другой далеко выше его, это Серебряков. Особенно теперь Серебряков готовит картину, которая ему доставит имя; впрочем

я думаю вы помните эту головку, что мы приносили к вам в комнату, римляночка в албанском костюме. Все это заставило и заставляет меня немного вас потревожить: вероятно вы имеете в Москве много родных и близких приятелей; нельзя ли предупредить об этом г. Быковского или кого иного, кто имел бы тут силу предупредить в том, что в случае нужды, они взялись бы за Серебрякова. Ни он, ни Скотти не академики; но мы все уверены, что Серебряков за свою картину Версавию (заказанную одним московским Голубковым) получит звание академика. Это еще одна из причин, почему он будет иметь больше права на такое место. Во всяком случае поверьте мне и Иванову, что если только вы можете что-нибудь сделать в пользу Серебрякова, вы сделаете это благородное дело. Скромность его испортит все дело, особенно если Скотти будет ему соперником. Я знаю, что самым вам, при вашем здоровье, тут хлопотать невозможно, направьте кого-нибудь и пусть поможет вам уверенность, что это истинно благородное дело.

Еще о Риме: зима у нас чудесная, немного холодно, бывало до 3 градусов, но зато солнца, солнца столько, что можно накопить на всю жизнь с одной зимы. Нет вас, вечера мои отданы итальянским беседам, вместе и для упражнения в итальянском языке, но с пользою много и бед. Италианки! Боже мой, что это за существа! Теперь, слава богу, я отрезвел: но поверите ли, что как-то так одурел, что не знал, чем и кончится. Я вас уволит от ответов, а вместе с тем дело Серебрякова меня сильно занимает. Если несколько строк... знаю, что это худо с моей стороны. Нет, нет, совершенно будьте свободны, не пишется и не пишете. Сегодня же я пишу к Иноземцеву и Варвинскому, верно из них кто-нибудь ответит. Прощайте, обнимаю вас, душевно вас любящий

Ф. Чижов

Занятия Венецией идут; но чем дальше в лес, тем больше дров и тем меньше бодрости духа приняться за дело. Думаю приехав в Венецию писать об ее школе, а остальное все буду писать в России, если дальнейшие занятия не отнимут остальную бодрость духа. Иванов все в заботах, между прочим, скоро начнут заботить его наброски еврейские. Здоровье его и то и се. А картина сильно хороша. Вы меня очень порадовали, написав, что она не выходит из вашей головы. Я ее жду как манны небесной; она дает нам опору сказать, что русским художником может быть только русский телом и душою. Простите что вас прошу отдать письмо Иноземцеву, я не знаю его адреса.

Кривцов, Павел Иванович (1806—1844)—брат декабриста Кривцова. Будучи поверенным в Риме, предложил в 1840 г. учредить должность начальника над русскими художниками и сам занял эту доходную синекуру. Денежными подачками, хлопотами о продлении стипендий и т. д. старался расположить в свою пользу художников. Иванов и Гоголь оценивали его очень отрицательно. Гоголь писал („Письма Гоголя“ под ред. Шенрока, т. II, стр. 90—91): „это человек, который слишком любит только одного себя и прикинулся любящим и то и се“.

Быковский, Михаил Дормидонтович (1800—1885)—архитектор, ученик Джеларди. Был основателем Московского художественного общества и первым председателем Московского архитектурного общества. Занимал должность директора Дворцового архитектурного училища.

Скотти, Михаил Иванович (1812—1865)—живописец, ученик А. Е. Егорова. Жил в Италии с 1839 по 1849 г. С 1849 по 1856 г. состоял преподавателем живописи и инспектором классов в Московском училище живописи, ваяния и зодчества.

Серебряков, Василий Алексеевич (1810—1886)—исторический живописец и портретист. Сын вольноотпущенного дворового человека. Академию Художеств окончил в 1833 г., где был учеником проф. Варнека. Как получивший золотую медаль был послан за границу для усовершенствования. В Риме занимался копированием произведений старинных мастеров.

Голубков, Платон Васильевич—откупщик и золотопромышленник; любил разыгрывать роль мецената.

4. Н. М. ЯЗЫКОВ — Ф. В. ЧИЖОВУ

Благодарю вас за поручение, которое вы мне дали и в котором вы достойно и праведно принимаете живейшее участие. Это участие разделяю и я с вами — как русской и как не-немец — но вот в чем дело: вы знаете, как все идет на свете, так и поверите мне, что я ни у кого не мог добиться толку по этому предмету — казалось важному, хоть для тех людей, которые основали учебное заведение, называемое Художественный класс. Один из этих основателей сказал мне, что общество вовсе не поручало * Б. выписывать художников из Рима, а поручило это Шевыреву, а Б. де с боку припеку, а на предложение мое о Сер. он мне ответил, что нам бы хотелось получить художника уже с именем! Нельзя ли напр. Иванова! Я говорил, что А. А. не согласится — и потому что его картина не кончена и проч. и проч. „Ну, когда кончит свою картину — мы подождем год, два и даже три года, чтобы залучить его в Москву, где, — дескать, — всего прекраснее и где единственно есть возможность основать русскую школу живописи и проч. и проч.“ Общество предлагает 10.000 р. ас. в год! С меня даже взяли обещание списаться с Алекс. Андр. Это обещание исполню я через несколько дней: надобно еще переговорить с Шевыревым — поговорю и о Сер.; я уверен, что Ал. Андр. ни за какие, так сказать, благополучия не решится — и через три года — навсегда переселиться под наше суровое небо!!

Письмо ваше Иноземцеву я доставил тотчас, как получил, да сам отвечаю вам конечно прежде И. В., который, говорят, еще ленивее меня писать письма, теперь же он чрезвычайно занят. Погода у нас то мороз в 15 градусов то оттепель: след. человечество то и дело занемогает ** и пользуется.

У меня до вас есть просьба; вы обязаны, потому что вы в праве выполнить ее: отвечайте мне на вопросы: кто именно и почему в таком виде построил церковь св. Марка в Венеции? Основание ее квадратное ли или крестообразное? Есть ли церкви квадратные или круглые в Далмации, и что-нибудь похожее на наши главы? — Отвечайте крепко и полно, как будто вы сами себя об этом спрашиваете. Я буду нетерпеливо ждать вашего ответа: он очень нужен особенно теперь, когда наша старина более рассматривается — и когда на нее уже смотрят не презрительно, как было еще недавно.

Кланяйтесь от меня А. Андр., Фед. Ив. и г. Серебрякову. Будьте здоровы: надеюсь, что скоро буду иметь удовольствие снова писать к вам, хоть не знаю, как вы разбираете мои козюльки.

Ваш Н. Языков

Февраля 25 дня 1844
Москва

В 1843 г. в Москве возникло Московское художественное общество. Первыми директорами его были избраны Ф. Я. Скарятин, М. Ф. Орлов и А. Д. Чертков. Общество это приняло в свое ведение Художественный натурный класс, существовавший с 30-х годов, и выработало устав Училища живописи и ваяния, позднее (в 1860 г.) называвшегося Училищем живописи, ваяния и зодчества. Существовало оно до Октябрьской революции.

5. Ф. В. ЧИЖОВ — Н. М. ЯЗЫКОВУ

Рим, 29/17 Марта 1844

Прежде всего ответ на ваш вопрос о церкви св. Марка в Венеции. Кто был строителем? Неизвестно и трудно разыскать, потому что вся

* Пересказываю вам это за тайну (примечание Языкова).

** „Занемогает“ вм. зачеркнутого „простуживается“.

история древней Венеции известна из двух хроник Дандоло и Сакуто, а они не говорят. Другие все бумаги сгорели во время двух сильных пожаров. Если хотите знать историю собора, вот она: первое основание его было положено в 829 году, тогда это была небольшая часовня, в которой хранились мощи св. Марка. При возмущении против дожа в 976 году она сгорела, и тогда начали строить новую церковь, которую и окончили в 1049 году. После в 1085 г. обложили ее мрамором. План ее — греческий крест, то-есть ровный во все стороны, это если не вводить капеллы, а с капеллами вся церковь составляет квадрат. Впрочем собор св. Марка нисколько нейдет в лад с нашими церквями; в нем кроме византийской внутренности, которою он обязан византийским художникам, ничего нет с ними общего в архитектуре. Мозаики древние чисто византийские, даже надпись на изображении богородицы МР—ОХ, та же, что у нас. В Далмации все церкви, какие я встречал, чисто католической архитектуры и то все XIV и XV веков, ранее этого времени нет ничего. Все они чисто веницианской, или пожалуй ломбардской архитектуры; таковы по крайней мере замечательнейшие, да впрочем иначе и быть не может, потому что вся Далмация была покорена Венеции с X и потом еще больше с XI века.

Но мне кажется эти искания внешнего сближения ни к чему не поведут, пока мы не определим самого верного отличия в архитектуре наших храмов от церквей католических. Пожалуй во всей почти Баварии, как например в Ульме, в Аугсбурге и других местах встречаются наши главы, и наши русские архитекторы, каковы Бенуа, Росси, Крокау, Эпингер, Бейне, Монигетти, Барбе и пр. найдут тут что-нибудь и похожее на русскую архитектуру. В архитектуре наших церквей, так же как и в письме образов, есть то же существенное отличие от католических, какое находим в наших двух совершенно различных разветвлениях христианских. Наша церковь жила собственной жизнью, все что к ней ни относится совершенно ей подчинено и отделено от всякой другой жизни, то-есть от гражданской и политической, вообще светской. Возьмите какую хотите незначительную нашу церковь вы видите, что это храм божий: выберите какой вам угодно храм католический, итальянский, всякий вы можете принять за дворец, не исключая и св. Петра. Купол один не составляет сущности всего здания. Поэтому наши церкви требуют полного архитектурного построения, то-есть такого, где бы план и фасад или вся надпланная часть здания не были бы независимы друг от друга, напротив; в наших церквях, всегда почти отделенных от домов, ясно видно и с первого взгляда поражает глаз полное их согласие. Во всех итальянских фасад составляет часто простую декорацию, которую можно пристроить к какому хотите основанию. От этого-то, между прочим, нашим архитекторам предстоит гораздо важнейший труд, нежели всем прочим. Им нельзя довольствоваться ни римскою, ни даже греческою архитектурою, потому что не говоря об искажении первой и в последней строгое отношение между планом и фасадом потерялось или по крайней мере скрылось в красоте украшений и в скульптурной работе, требуемой тем или другим орденом. Наши архитекторы должны изучить архитектуру в ее колыбели и особенно тот золотой век ее, когда она была в собственных своих пределах, когда она была единственным искусством и когда все достоинство и все условие красоты зданий состояло в строгой гармонии частей, а еще больше в последней степени красоты размеров. Это, я убежден, мы можем найти у древних индусов, и к такому изучению способен может быть один истинно русский душою и телом, такой, которого бы влекла к нему не выгода немца и даже не искусство, потому что и этого мало для по-

добного труда. Короче вам сказать, надобно, чтоб архитектор в своем воспитании архитектурном сделал то же, что А. А. Иванов в воспитании себя как художника.

Как отдельна наша церковная архитектура, так точно и наша иконопись. Разумеется нам надобно очень отделять церковные фрески от иконо-стасного или образного письма. Первые не суть образа, вторые не допускают и не должны допускать ничего кроме апотеозов. Католические или правильнее немецкие храмы петербургские нам не пример. Мы очень часто говорим об этом с Ивановым. Я полагаю, что в самых даже фресках мы должны как можно строже держаться священного писания и св. отцев, которые, изображая нам бога и даже святых во человеческих образах, допускают их небесное как необходимую внешнюю оболочку; одним словом как евангелие, описывая жизнь спасителя. Поэтому ввести такое изображение слов св. евангелиста Луки, какое ввел Овербек, было бы у нас противурелигиозно. Он изобразил слово Луки и пребывать в послушании (кажется так, не помню), он изобразил так, что спаситель в одном месте черпает воду, в другом поливает цветы, в третьем несет доски Иосифу, в четвертом метет комнату. Мне кажется тут буквы приняты вместо смысла и совершенно не понят дух евангельского рассказа.

Вот само собою дошло дело и до Иванова и до живописи, а следовательно и до художественного класса. Всегдашняя мысль Иванова, окончив картину, поселиться в Москве, поэтому не надобно отчаиваться, чтоб он не согласился взять на себя профессора в Москве. Но тут дело не в одном профессоре, а во всем составе школы или класса, назовите как хотите. Если вы принимаете в этом не физическое и не минутное участие (не сердитесь за это, я пишу так, как сказал бы самому себе), то необходимо всего позаботиться об уставе заведения. Кто бы его ни писал, он никогда не напишет хорошо, не выслушавши всего, что родится в голове художника, прошедшего всю школу и присматривавшегося ко всем родам, или всем путям изучения. Это раз. Второе: необходимо, чтоб этот художник был русский; немец хорош для немца, француз для француза, а для русского нейдет ни тот ни другой. Все это идет к тому, что набросав устав, непременно и неотменно должно его прислать к Иванову в Рим. Если бы прислали не позже весны будущего 1845 года, тогда мы здесь и подумали бы и пообсудили бы вместе, да потолковали бы, так, в разговоре, со всеми иноземными художниками, да написали бы свои мысли. При уставе надобно помнить одно, чтоб доставить возможность профессору быть в то же время и художником-исполнителем, только при этом условии искусство будет живым в его преподавании, иначе в два-три года оно перейдет в сухие академические правила, и пойдет все хуже нежели в петербургской академии. Когда этот класс, как вы пишете, будет дельным начинанием, тогда и нечего толковать о Серебрякове (это все между нами, то-есть все о Серебрякове). С вами как с истинным русским я не могу говорить в полоткровенности. Мы хлопотали за Серебрякова только в предположении, что Скотти может занять место профессора, иначе Серебряков слишком мало вникал в искусство и потому нельзя его предлагать как художника вполне составившегося. Говорят, что к вам в Москву назначили Завьялова. Это недурно; но Завьялов может быть только в натурном классе; он удивительный рисовальщик, такой каких не много, если и есть. Заметьте, рисовальщик, но никак не художник, ни по взгляду, ни по понятию об искусстве, в особенности живописи. Для скульптуры, говорят, назначат Пименова. Как талант он теперь из наших выше всех; но тоже нисколько не обра-

22 June 12. 10. 25/8 1843.

[illegible]

Видишь и в церквях, тинько там, там бедно,
и сироты мои там, где и был косяк, а и одних
кошачьих русских друзей которых Эмигранты. Это по-
ка не товарищеская помощь, а вот моя помощь, а она
давать от него неосознанно довольно сообразно. Это
кажется как Бог, судьба попросила меня быть в церкви
и встретиться с вашим знакомым. Сестры мои
так хорошо со мной связаны, но там же являюсь
сестрами, и со мной. Встречаю посылать меня. Люблю, так
и радуюсь о своем будущем. Какое прекрасное душевное
состояние. Милости, еще скажи. Милости, ну со мной по-
рою любимой, от него пожелания, и это ра-
дость и радость, и дружба, и простота души. Какое душевное
разнообразие, воспитание в Москве и Петербурге,
где не дай Бог, но в этом. Одушевление сердца, на-
давать и радуются. Хотелось бы душе, как по-
же хочется остаться в сердце России. Славный, славный
милостивый человек. Разумеется у него что-то есть
и искреннее, и искреннее посылать России добродетель,
милостивый и искренний. Милости как только можно
стоит. Но Бог со мной, будь он со мной и радостью,
Видишь он был великим и прекрасным душевным. Он
судачкой обаятельной и искренней, и искренней, и
милости стал, как и был, и как и был, и как и был.

зованный художественным образом. Если бы дело о Художественном классе пошло путем дельным и без мерзостей, тогда можно было бы навести побольше силы на Рамазанова, но не знаю, может ли вытти из него дельный ваятель; много кажется растрчено сил, а это не шутка. Но скульптура нам не так важна, как архитектура и живопись, по крайней мере пока; она потребуетя полнотою искусства, а этих двух требует необходимость.

Не знаю, писал ли я вам что-нибудь о нашей православной церкви в Истрии, в селении Перое, если не писал, вы расспросите у Елагина, которому, пожалуйста, передайте душевный мой поклон и известие, что Попов отсюда уехал с целию побывать в Париже. Дело в том, что один мой знакомый, некто Голубков, хочет помочь Перою; это хорошо, но было бы лучше, когда бы к нему присоединились и другие. В Перое всего 300 душ нашего исповедания и они терпят гонения только за то, что крепки в вере. Этому пособить невозможно. Но у них такая нищета в церкви, что совестно смотреть, вот чему пособить легко. Что еслибы кто из ваших близких тоже бы принял в этом участие? Что сделает Голубков, я не знаю еще, а надеюсь, что даст что-нибудь. В случае, когда бы что-нибудь собралось, все бы можно было переслать ко мне в Венецию, но лучше всего предварительно списаться, адресуя в Рим Tchijoff (antico caffè greco), это всего вернее, иначе могу не получить письма. Вы пожалуста не морщитесь за такие поручения, а хоть и поморщитесь, что же мне делать? На днях я посылаю в Петербург кое-какие статьи, где пишу и о Перое; мне бы хотелось их напечатать в Московских Ведомостях. Ну да об этом я напишу кому о сем ведать надежит.

Кажется я не передал, что следовало. Пожалуста подгоните Иноземцева написать ко мне. Еще одно: помните вы говорили мне об Аристотеле (архитекторе) болонском; меня он очень занимает, да не знаю как приняться за изыскания? Пожалуста, известите меня, что и где было напечатано о нем, и не было ли каких указаний, по которым можно было бы что-нибудь найти. По крайней мере в каком году он приехал в Россию?

Пожалуста, писавши к Алек. Анд. Иванову, не пугайте его трехгодинно сроком, потому что это заставит его думать, а всякая дума вне его дела для него огромное дело. Глаза его все еще не очень хороши, так что он не иначе может работать, как в половину. Иордан влюбляется,—добрый человек, а все из немца не сделаешь русского. Новые художники обещают не много, посмотрим, что будет дальше. От души обнимаю вас.

Ваш Чижов

Чижов объединяет архитекторов разных поколений и разных масштабов дарований по признаку их нерусских фамилий. Тут и Карл Иванович Росси (1775—1849), знаменитый строитель ряда замечательных зданий в Петербурге, и архитектора более молодые и гораздо меньшего значения: Николай Леонтьевич Бенуа (1813—1898), Август-Карл Бейне (1816—1858), Александр Иванович Крокау (1817—1888), Ипполит Антонович Монигетти (1819—1878). Все они по возвращении из Италии были профессорами архитектуры в Академии Художеств. То же преобладание среди русских архитекторов лиц с нерусскими фамилиями считает нужным подчеркнуть Чижов и в своей статье „О работах русских художников в Риме“ („Московский Литературный и ученый сборник“. М., 1846). Кроме упомянутого мною Рязанова, — пишет Чижов, — теперь в Риме: гг. Бенуа, Бейне, Росси, Эпингер, Крокау, Монигетти, Барбе, Комбе, Пранк, Бравур, Нордек и еще один новопреезжий, не помню хорошо его имени. Кажется, что я перечел всех русских архитекторов. Был еще Иоль, да после открылось, что он прусский подданный“.

Это место особенно пришлось по вкусу Погодину и в рецензии на „Московский Сборник“, помещенной в „Москвитянине“, выписывается весь этот список „русских“ художников. Справедливость требует сказать, что, подтрунивая над иностранными

фамилиями (а отчасти и происхождением) означенных им архитекторов, Чижов совершенно свободен от национальных пристрастий в оценке их дарований: „Рисунки г. Бейне превосходны“, пишет он; копию Монигетти с потолка в ризнице св. Марка в Венеции он находит „сделанной прекрасно“ и т. д. („Моск. Сб.“ 1846 г., стр. 134).

Овербек, Иоганн-Фридрих (1789—1869)— немецкий живописец, оказавший сильное влияние на Александра Иванова. Долгое время жил в Риме. Основатель кружка немецких художников „назарейцев“, которые восстали против сухого академизма и пытались воскресить религиозное искусство средневековья, заимствуя формы у итальянских художников XV в.

Завьялов, Федор Семенович (1810—1886)— живописец. Учился в Академии Художеств. В 1836 г. получил первую золотую медаль за картину „Самсон, разрушающий храм филистимлян“, командирован был за границу, где прожил в Италии до 1843 г.; с 1844 по 1846 г. был инспектором и преподавателем Московского училища живописи и ваяния. Позднее переехал в Петербург, приглашенный преподавать в Академии. С 1853 г.— профессор живописи.

Пименов, Николай Степанович (1812—1864)— известный скульптор, работавший в стиле псевдонародного бытового жанра. С 1836 г., т. е. одновременно с Завьяловым, был награжден золотой медалью, в связи с чем командирован был с 1837 г. за границу, 14 лет прожил в Италии, занимаясь не только скульптурой, но и живописью.

Рамазанов, Николай Александрович (1817—1867)— скульптор и писатель-искусствовед. Командирован был Академией Художеств в Италию, где пробыв с 1843 по 1846 г., когда был вызван в Россию Московским художественным обществом для преподавания в Училище живописи и ваяния. Совершенно так, как рекомендовал Чижов (и возможно не без его влияния), первым кандидатом Московское художественное общество считало Пименова, а когда тот задержался за границей, обратились к Рамазанову, который и был с 1847 по 1866 г. преподавателем скульптуры в означенном училище.

Ридольфо Фиоровенти, прозванный Аристотелем (род. около 1414 г.),— итальянский архитектор из Болоньи. Был вызван в 1475 г. в Москву, где построил Успенский собор в Кремле.

6. Ф. В. ЧИЖОВ—Н. М. ЯЗЫКОВУ

Париж, 29 Июня 1844

Сейчас только получил ваше письмо и не откладывая отвечаю на него. У нас в Риме тоже пробежала весть об этих четырех епископах, да и пропала, так что я решительно ничего не знаю дальнейшего. А вот вам кстати сообщу маленькую весточку: вы я думаю слышали от Елагина о Перое, скажите же ему, что теперь ко мне пересылаются: церковная утварь и одежда священническая для Пероя всего ценою около 3000 рублей, я повезу их сам в конце августа из Триеста.

Что вам сказать об наших, вы уже знаете, что Иванов плох и потому живет лето в Неаполе; картина его подвинулась очень, очень мало. Серебряков, не знаю что и сказать; у него есть талант и много, но мало характера, подожду и напишу вам по приезде. Немного и я виноват, и Александр Андрейч; мы через чур были строги к его эскизам. Но он русский и мы русские; вы поймете нашу строгость. Шаповаленко идет, хоть и тихо; он кончил свою картинку, но уже без меня. Из него будет очень хороший учитель и препорядочный портретист; что больше? Это еще пока не выказалось, а может быть; на лета ссылаться нельзя, потому что он очень мало развит.

Вы спрашиваете когда я буду в Риме—непременно в декабре и останусь там месяца четыре. Вот вам план моего путешествия: здесь я остаюсь до 15 июля, кажется не больше, потому что прочел уже большую часть рукописей, что остается не займет больше 2 недель, а для списывания, по причине слабости глаз я нанял одного итальянца, который пишет под моим присмотром. Итак 14 июля я думаю поехать в Орлеан, Шамбор, Блуа, Амбуаз, Тур, Анжер и Нант. Все это с возвратом, благодаря железной дороге и пароходам, возьмет не больше 6 дней. Возвратясь в Париж, я останусь дня два и потом отправлюсь в Руан, Бове, Суассон, Реймс, Нойон, Амьен, Лиль, Турне и Брюссель. Из Брюсселя через Ганд и Брюж заеду к Гоголю в Остенд. Потом через

Лиеш заверну к Печерину. От него в Кельн, Дюссельдорф, откуда поднимусь по Рейну до Страсбурга, после в Базель, Берн, Лозанну, Женеву, Турин, Милан и в Венецию. Из Венеции съезжу в Триест и Перой, чтобы свезти вещи. Возвратясь в Венецию, останусь там месяца два или около этого и потом во Флоренцию и Рим. Здесь еще я в раздумьи — оставаться ли в Риме, или ехать в Сицилию, думаю, что останусь, как для того, чтоб воспользоваться пребыванием там в отношении к искусству, изучению итальянского и испанского, а может и греческого языков, так и для сбережения денег, которых у меня весьма небольшая толика. Судя по этому вы можете делать всевозможные поручения и мне особенно будет приятно их исполнять, если они будут относиться к искусству. По Франции меня заставляет разъезжать исключительное желание видеть как можно больше готических храмов, чтоб приучить, так сказать воспитать глаз на красоте готической, совершенно отдельной от красоты греческой.

Из Рима я думаю что выеду в конце марта, или в начале апреля, обедаю все закоулки и приеду еще проститься с Венециею, потом еще не знаю, быть может поеду через южно-славянские земли и через Константинополь возвращусь летом в Россию. Во всяком случае буду писать к вам, а думаю, что около августа явлюсь лично в Москву. Далеко еще до этого, но время так летит, что это ужас.

Вот уже я около полутора месяца в Париже. Что вам сказать об нем? Движения много, сильно много движения, но уже не то, что было за десять лет перед этим. Теперь все умственное, нравственное и политическое движение заключено в самых тесных пределах: наука вертится на накоплении сведений; нравственный быт много выиграл в последнее время, но в самом выигрыше можно читать, что теперь уже только остается ввести в быт народный те успехи ума, которые сделаны до сего времени, а о дальнейшем нечего уже заботиться. Вообще в самом движении чувствуется какое-то ослабление сил и мне иногда Париж представляется как будто каким-то маховым колесом, которое тогда начинает сообщать полную правильность движения машине, когда движущая сила перестала уже действовать, а все движется старым размахом.

Полная теплота, даже, пожалуй, пламень жизни, хотя и в малом виде, в Париже, как и везде, теперь существует в славянах: Мицкевич горит огнем славянолюбия и несмотря на свой мистицизм, с которым он является на кафедре и является по влиянию обстоятельств, в частных беседах это славянин душою и телом, но все-таки славянин западный. Мы с ним слились очень хорошо; когда я приехал, лекции его уже кончались, я присутствовал только на одной последней, где он и показался чрезвычайным странным и которую он кончил раздачею Наполеона в апотеозе. Бывши у него я коснулся этого и было очень кстати. Он говорит, что славяне имеют особый орган понимания бога, высший, нежели у всех прочих народов; это так близко к моему убеждению, что я с ним почти согласился, тем более, что существенная разница была только в форме. Я говорил, что славянам суждено внести новое начало в мир человеческий, начало духа, или полной гармонии душевных способностей, он приписывал это развитию органа, ну это все равно. Но вот в чем дело; он говорит, что этот орган на земле не может явиться иначе, как с помощью французов. Я вскочил с места, — это не слово славянина, это влияние западной крови, это мысль поляка, а не славянина, то-есть того, что есть в поляке не славянского. Я говорю, говорю со всею силою даже до того, что наконец ударил кулаком по столу и слеза заблестела на глазах: нет, мертвому, изгнившему Западу не вести живые силы Востока на святое дело человечества. Я был так этим выведен

из покойного положения, что хотел продолжать, но он меня просит остаться нам в дружбе нашего единства убеждения и я пока оставлю этот вопрос. Хотя никак не оставляю. Он говорит лучше остаться дружно на первом шагу убеждения, нежели разойтись, высказав его вполне. Я говорю, я уступаю теперь, но не соглашаюсь с этим: то еще не истина, когда только сердце ее исповедует, а истина тогда является во всей полноте своей, когда язык не побоялся высказать убеждения сердца.

Но оставив эти мелкие различия мнений, зависящие часто от обстоятельств и местных условий, нельзя смотреть без восхищения на то, что в настоящую минуту кипучая жизнь только и видна в благородной крови славянской.

Что вы пишете о нашем бездействии, особенно московском, на поприще литературном, меня сильно радует. Это показывает сильно ослабление того уродливого начала, которое под именем человеческого умел ввести Запад в наш зовущий себя образованным круг. На университет я признаюсь вам, смотрю иначе, нежели вы; все он мне кажется развратителем и врагом народности, а что в Москве является новое, свежее благородное поколение, это только показывает, что сила народности такова, развилась до того, что и университетский разврат не может на нее действовать. Там, где нет ни русского ума, создающего науку, ни русского сердца, на опорах которого она создается там не может быть русского создания. А где вы мне укажете это стремление к русскому в науке? Но укажите его не на словах, а на делах науки. Между нами будь сказано: Попов очень, очень хороший молодой человек, я всегда с восторгом об нем вспоминаю, но не это путь создания русского, — нам надобно не брать системы, а в собственной голове проводить исторически весь путь науки, тогда наша голова сама создаст современное, иначе она будет бороться против западного, а все, в самой борьбе, выскажет подчинение ему.

Иванов вам писал; ради бога не замедлите ответом ему, потому что это дает ему силы переносить свою болезненность, — он сильно заботится о брате.

Буду ждать вашего письма в Венеции и тоже поручения.

Еще два слова. Здесь я нашел Айвазовского, нашего водяного живописца, бедный не снес на плечах своего таланта и свалился под ним. Потом на бульваре, в одном магазине, видел головку по пояс Тырстина. Она здесь такую роль играет, что чудо, между тем как в Риме не была даже и замечена. Пожалуста, писавши ко мне, уведомьте, были ли напечатаны мои статьи об Истрии, Далмации и Перее, я их послал в Петербург, потому что там живет мой получатель всего Поленов; но я просил его переслать в Москву после цензуры. Москве будут больше по сердцу слова славянина. Вряд ли цензура пропустит, потому что все против Австрии.

Прощайте, искренне обнимаю вас, душевно преданный вам

Федор Чижов

Где-то Попов? Где Елагин?

Шапоналенко или Шаповалов — молодой художник, которому покровительствовал Н. В. Гоголь.

Печерин, Владимир Сергеевич (1807—1885) — университетский товарищ и один из ближайших друзей Ф. В. Чижова, расхолившийся впрочем с ним по многим основным взглядам. Окончил Петербургский университет кандидатом историко-филологического факультета в 1831 г.; Ф. В. Чижов кончил по физико-математическому факультету в следующем году. Оба принадлежали к кружку А. В. Никитенко. В 1833 г. Печерин был командирован с научной целью за границу, в июне 1835 г. вернулся в Россию, но через месяц эмигрировал из России навсегда, не будучи в состоянии примириться с ее социальным строем. В 1840 г. Печерин перешел в католичество. Впоследствии Чижов

много хлопотал об издании „Замогильных записок“ Печерина, но цензура их не пропускала. Опубликовано в 1932 г. (изд. „Мир“).

Адам Мицкевич жил в Париже с августа 1832 г. В 1844 г., когда с ним встретился Чижов, Мицкевич был всецело под обаянием польского мистика Андрея Товянского, провозгласившего себя мессией. Идеи Товянского проповедывал Мицкевич и на своих лекциях. Весь курс его состоял из 14 лекций. Чижов присутствовал очевидно на последней, состоявшейся 28 мая 1844 г. На этой лекции Мицкевич говорил между прочим о духовной близости французов и поляков, о Наполеоне как выразителе идей Французской революции и освободителя Польши. Наполеон, по словам Мицкевича, был первый божественный посланник; теперь надо ожидать второго. Мицкевич подготовлял слушателей к признанию Товянского таким мессией. Во время лекции он раздавал литографированные портреты Наполеона, на которого был внешне похож Товянский. Естественно, что Чижову Мицкевич „показался чрезвычайно странным“.

Айвазовский, Иван Константинович (1817—1900) — художник-маринист. Художественное образование получил в Академии Художеств. В 1840 г. поехал в Италию, а затем посетил Германию, Францию, Англию и Испанию, при чем его картины везде имели шумный успех, особенно бывшие на Парижской выставке 1843 г. и доставившие ему звание академика.

Поленов — университетский товарищ Ф. В. Чижова, бывший в приятельских отношениях и с А. В. Никитенко.

7. Н. М. ЯЗЫКОВ—Ф. В. ЧИЖОВУ

Вот такая у меня до вас просьба, мой любезнейший и почтеннейший Федор Васильевич. Мне хочется иметь два, три или четыре итальянских вида работы русских художников: так не возмется ли вы действовать в удовлетворение этого хотения? Денег на это определяю 1000 р. Уведомьте же меня, как мне быть, т. е. прислать ли вам эти деньги или нет и когда прислать, если прислать? Сверх того напишите, что будет стоить доставка оных картинок в Россию и даже в Москву и когда она и как возможна?

Попов привез мне добрые вести об вас и об Ал. Анд. Вам подобает венец гражданских доблестей за все, что вы делаете для русских художников, — продолжайте, продолжайте так же, как вы начали, ваше великое, благое дело; желаю вам во всем благого поспешения, на врагов побед и одоления и надеюсь, что наша возьмет! Сердечно радуется меня и то, что картина Иванова идет вперед: честь и слава ему — и нам всем за него. Как же это вы не восхищались в Париже картинами Айвазовского: об них так много пишут похвального и французы и Греч? Вашей статьи о Истрии я не видал ни в одном русском (ученом) журнале и никто из моих знакомых тоже — следственно она в печати не была. Попов и Елагин вам кланяются. Я хочу нанять перевести на русский Куглерову историю живописи: у нас по сю пору нет никакой! Нынешней зимой читал его же историю обр. искусств; но не смог прочесть много: — она издана без рисунков; и ей-ей скучно читать архитектурные описания зданий — не имея чертежей перед глазами. Она у вас есть.

Не знаете ли вы подробностей смерти Баратынского? Здесь говорят, что он погиб вследствие какой-то истории, которую попрекнула его супруга его — ведьма! Напишите, что вы об этом слышали.

Будьте здоровы. Жму вашу руку.

Ваш Н. Языков

Августа 20 дня
1844

Мой адрес: на Арбате, к Спасу на песках, в доме Бесеменова.

Под „Куглеровой историей живописи“ Языков имеет в виду книгу выдающегося немецкого историка искусства Франца-Теодора Куглера (1808—1853) „Handbuch der Geschichte des Malerei“, Berlin, 1838 г.

Другая книга, которую Языков называет „историей искусств“, носит название „Handbuch der Kunstgeschichte“, Stuttgart, 1841—1842 гг. Намерение Языкова „нанять пе-

ревести" первую из этих книг, как это часто у него бывало, осталось невыполненным. Русский перевод этой книги появился в 1872 г.

До нас не дошло того письма Чижова, где он вероятно отвечал на вопрос Языкова относительно подробностей смерти поэта Баратынского. Умер Баратынский в Неаполе 29 июня (по ст. стилю) 1844 г. Жена была косвенной виновницей его смерти; как думали врачи, главной причиной были беспокойство и волнения поэта в связи с ее болезнью.

8. Ф. В. ЧИЖОВ — Н. М. ЯЗЫКОВУ

Рим, 2/14 Декабря 1844

Письмо ваше принесло утешительную весть, что вы здоровы, что видно из самого хода его, слава богу, — и еще слава богу. О воде не умею вам ничего сказать, столько говорят и за нее и против нее, что не знаешь, кого слушать. Не мог разобрать имени того, кто вас пленяет водяным лечением. Картину, или дело о картине не кладите в архив, а если уж даете мне право дружески вам советовать, скажите себе: теперь в Риме, пишет Чижов, появился дельный (сколько можно судить по началу) пейзажист живописец Солнцев, он не пенсионер, у него нет средств, отделил 1000 рублей на четыре вида, отдам их за один, зато художнику дадутся средства. Это требует вашего ответа. Теперь по тому, что меня сильно занимает у вас в Москве. Что Киреевский взял, или берет на себя издание журнала Москв. Это превосходно, но только по письму вашему, кажется этого не будет; а по мне я и желал бы, чтобы в настоящую минуту этого не было. Нет ничего хуже, как оживлять полумертвое тело, тут могут быть две беды. Первая, это может не удастся, скажут: попытка не случай, а вопрос не беда. Да дело в том, что имя Киреевского для нас так целомудренно, почтенно, что его нельзя бросать на одну попытку. Еще одно: оставьте и думать, чтоб журнал шел одними собственными средствами первые годы, — если не захотят употребить капитала, все пойдет вверх дном. Вы смотрите на одну сторону — плату за статьи; есть еще другая — выписка журналов франц., немецких, английских и славянских. Без этого лучше не браться за дело, а это не так недоступно, как кажется. С миру по нитке, голому рубашка. Мы рабочие пожертвуем на первое время половиною работы, люди имущие дадут в складчину денег, не в вечное и потомственное владение, а заимообразно на три, на четыре года. Еще необходимо одно — чтобы имя Погодина, совершенно уничтожилось перед лицом общества, что с ним журнал не будет иметь никакого доверия. Я не могу ничего говорить против самого Погодина, может быть это превосходнейший человек, но как редактор журнала он явится невыгодно. Что касается лично до меня, то (думаю что вы поверите словам моим) я всею душою готов служить делу, но не людям. Мое положение, то-есть неимение никаких средств к существованию, не позволяет мне работать бездельно, но существование не потребует многого. Даже если за этим будет остановка, тогда я удалюсь в деревню, то-есть буду жить почти ничем и буду все работать; но мне нужна уверенность, что мы делаем, а не толчем воду. Теперь пока вы можете взять у Сергея Матвеевича Иванова (Богословский переулочек против Григория Богослова в доме госпожи Голубковой) три небольшие мои статьи, моим именем, пославши ему записочку; это двоюродный мой брат и друг детства. Именно поездка в Истрию, Перой и еще отрывки из записок во время поездки в Далмацию. Есть еще у меня выезд из Франции и Москвы, да несколько листочков проезда по Франции. Я приехал бы пожалуй и ранним летом, но беда та, что я из Венеции непременно думаю поехать по славянским землям, — и вести подробный журнал, — и поэтому раньше августа никак не приеду. Во всяком случае, пока мы не соединимся братски, пока

не скажем друг другу — брат русский вот мои труды, вот тебе мои деньги, вот тебе мой ум, пока не будем истинно русскими, к чему поганить это святое имя? Пускай журнал издается продавцами, они унижают одно имя литератора, но имя русского остается чистым. Правда, что одной страдательной чистоты мало; без деятельности нет заслуги. У меня много запасено материалов, и если я увижу имя истинно русское во главе журнала, я его последний раб, он может употреблять меня как хочет, — служить всеми силами России, это одна и первая и последняя мечта моя, но ради бога, поговорите Киреевскому, чтобы он обдумал, прежде нежели примется. Еще одно, пусть они введут искусство как постоянный отдел в журнале, тогда мне можно бы всякий месяц помещать одну или две статьи: одну в отношении к искусству, его истории, теории и тому подобное; другую — биографии художников. Для последнего у меня книг 50, а если пойдет на дело, все средства употреблю, чтобы иметь все, что писано. Пишите ради бога не откладывая и даже введите меня в сношения с Киреевским, я не знаю ни его имени, ни жительства, — Николай Михайлович, неужели еще не надо, чтобы мы русские душой и телом, и душу и тело положили за нашу святую Русь? Обнимаю вас.

Ваш Чижов

Ф. В. ЧИЖОВ

Карандашный рисунок из альбома Э. Д. Дмитриева-Мамонова
Третьяковская галлерея, Москва

Есть к вам просьба: Ал. Анд. Иванову необходимо знать, как изобразилось у нас воскресение спасителя. Все что он ни читает, сколько мы не толкуем, а останавливаемся на одном: что эта минута соединяется в нашей церкви с искуплением душ, то-есть сошествием во ад. Исторического рассказа о воскресении нет, кроме того, что разбежались и быть не могло потому что ни евангелисты, никто из апостолов тут не был. Пожалуста, растолкуйте брату Иванова, что нужно пририсовать со старых образов сочинение воскресения Христова, а если есть у вас кто делец по этой части, то и того в ход пустите. Когда дело пойдет дальше, я даже думаю написать к митрополиту Филарету, прося его руководить в этом истинно благом начинании. Но все это между нами, потому что ничего еще неизвестно. Попову пишу, потрудитесь передать писульку. Еще раз дайте обнять вас. Чижов.

Адрес мой по 5 здешнего марта все в Риме, позже в Венеции. Пожалуста, известите подробнее и точнее о вашем намерении: будете ли вы в Москве или нет?

9. Н. М. ЯЗЫКОВ—Ф. В. ЧИЖОВУ

Еще раз отвечаю вам на то из ваших писем, которое известно у меня под именем грозного, но грозного добросовестно и благодетельно. И. В. Киреевский не может теперь сноситься с вами о ваших статьях для „Москвитянина“: судьба его зависит от трех первых месяцев 1845 года, т. е. если в эти три месяца число подписчиков на М. увеличится сильно и торжественно, то журнал перейдет к Кир. вовсе, в полное его распоряжение во всех частях и отношениях. Эти три месяца пробные. Когда они оправдают нашу надежду на нашу ветреную публику, т. е. когда дело пойдет и установится, как бы должно быть: пойдет ходко и установится твердо, тогда благоволите сноситься с Киреевским, лицо к лицу, прямо и прямо! Киреевский знает вас и достойно и праведно любит и уважает вас; знает и из моих уст и из ваших ко мне писем, а любит и уважает вас, потому что он живо сочувствует тому, что вы чувствуете, чем вы живете и движитесь.

На днях был у меня С. Андр. Иванов: он слышит хорошо и бодрствует дельно и православит. Снимки с древних икон Христова воскресенья уже делаются: замечу мимоходом, что на картине воскресения спаситель, так мне кажется, должен быть представлен не вылезавшим из гроба, а встающим: этакому его положению не должна мешать мысль, что будто бы тогда он будет походить на Лазаря: неужели тот, кто сам воскресает, может походить на того, кого воскрешают? Попов обещал мне сделать для Алекс. Андреича — и очерк собора (который теперь строится Тоном), сделанный Хомяковым: скажите мне несколько слов об нем: вы его получите скоро. Мне очень нравится он, сильно действует своею громадностью и прямыми мыслями высоко идущими. Верхняя часть то-есть та, где стоят главы, что-то несответствует мысли целого и так сказать уменьшает его красноречивую громадность.

Три ваши статьи я получил от С. М. — благодарю, благодарим.

Читал я ваше письмо к С. Андр. Вы слишком уже уничижаете наши древние церкви и соборы! Что искусство в них не развилось или развилось не вполне это не значит, что оно неоригинально и несвоенародно: его развитие остановилась тогда, как на Руси нравы и обычаи переставились. Цветок которому не дала расцвести непогода — не виноват, что мы не видим полного его блеска и красоты!..

Деньги на картину или лучше: на картинку: потому что большой мне и положить некуда, пришлю на имя Ал. Андр. Иван. Вы можете располагать ими, хотя бы они и явились в Рим после вашего отъезда.

Сейчас получил я письмо от Гоголя. Он поехал в Париж, где пробудет месяц или два, а потом в Италию — но в Рим ли? еще не пишет.

Января 11 дня
1845

Ваш Н. Языков

Ваши статьи — распрекрасные! Решительны и забористы и поражают — кого надо поражать громом небесным! Мы постараемся их напечатать, хотя и придется выпустить из них много дельного, коренного и высоко почтенного. Мне сказывал С. М., что ваше здоровье очень расстроилось: уж не вредит ли вам жар благословенного юга? Напишите мне, какие же меры принимаете вы для самохранения? Посоветуйтесь с Циммерманом. Гартман, мне кажется, не мудрый медик!!

„Три ваши статьи...“ Вероятно это отрывки из путевых записок Чижова об его путешествии по славянским землям.

10. Ф. В. ЧИЖОВ — Н. М. ЯЗЫКОВУ

Рим, 15/5 Генваря 1845

Ваши письма приносят мне такое наслаждение, что если б я и не любил вас и тогда не мог бы не ждать их с нетерпением. Ради бога помните, что вам же не много осталось потрудиться, потому что еще письма два, да мы и увидимся, — припоминая это пишете ко мне неоткладывая. В Риме я только до 1-го марта, поэтому думаю, что вы не успеете ответить, — так как вы неохотно принимаетесь за перо и тем более ценю каждую вашу строчку. Но, мой добрый и благороднейший Николай Михайлович, не надейтесь на князи и сынове человечести, — тем еще больше скажу вам искренно, с глубоким вздохом и со всем чистосердечием не надейтесь на меня, — чтоб не иметь еще одной потери. Поверьте что до сей минуты эти слова мои идут не из скромности, а из убеждения. Чтоб сделать надобно быть сделану окончену, а этого я далеко, далеко не нахожу в себе. Но это дело рук божиих, это меня не заботило бы, если бы не убивало другое; пред вами я исповедаюсь потому что в вас привык любить прекрасную душу, — за что я ни берусь, что ни делаю, почти нет ничего, где бы я не находил чего-нибудь нечистого в самом себе, — самолюбия, тщеславия, гордости, или по одиночке, или все вместе. Замешиваются почти всюду, — поверите ли, что иногда слезы готовы ручьями литься. Что еще больше убивает, что это я вижу и не знаю, чем противустать этим мерзостям. Наше дело свято, это куца, из которой бог взывал Моисею, когда я подумаю, что я подойду к ней с неразутыми ногами, мороз подирает по коже. Я не виню тех, кто выступает на поприще писателя без всякого убеждения, для него это торговля, его и винить невозможно; но если богу угодно было просветлить очи, если видишь всю высоту назначения, тогда каждое нечистое чувство есть уже богохульство. Будет время, мы много будем говорить с вами, но я чувствую, что мне еще не пришло время действовать, как писателю; можно по временам пересылать небольшие вещи, — впрочем все это не зависит от нас. Что будет, то будет.

Не тревожьтесь тем, что представители Запада думают издавать в Москве журнал; пусть издают; если они найдут сочувствие, покоримся воле божией. Не нам знать, и не нам испытывать судьбы божии; дело каждого из нас исполнять свое назначение, быть воином и воителем святых его истин. Во всяком случае для меня приятно всякое явление

жизни, особенно теперь, когда я убежден, когда я весь проникнут верою, что уже наступила пора славянской жизни, по моему мнению, жизни вполне человеческой, жизни в высшей степени христианской, для которой в основах нашего народа мы находим обильные данные. Иконоборцы гнали поклонение святыне, и в это же самое время образа писались более нежели когда-либо.

Но что всего более меня укрепляет, это уверенность, что судьбы божии сберегут нас и что все идет на создание нашего величия.

Мне жаль, что я неясно написал вам о статьях моих; они не были пропущены в Петербурге, поэтому мне хотелось бы, чтоб вы прочли и сделали бы из них, что можно. Вам я не боюсь поверить—приноровить их к требованиям цензуры, но в Петербурге я не мог этого позволить, потому что они были в состоянии совершенно окрасить другим цветом, как говорит Сенковский, им нужна самая легкая перемена—перенести все „не“ с одного места на другое. О напечатании писем моих к Голубкову я вовсе не знал, раз от вас же слышал; признаюсь это очень досадно, потому что писал к давно знакомому, вовсе не заботиться о внешности и даже часто не читаешь, что напишешь. Знаю только одно, что я не могу отступать нигде, ни в дружеской беседе, ни в парижском обществе от моего убеждения и не боюсь в этом отнoшении.

Пожалуста, известите меня подробнее о Москвитянине, будет ли он или нет? Если возьмут его без капитала, право будет плохо, главное плохо потому, что могут представить дурно то, что и с внешней стороны должно быть так же величественно, как оно высоко и свято с внутренней. Если можете мне писать так, чтоб я получил ваше письмо до 1 апреля здешнего, адресуйте во Флоренцию *poste restante*, а дальше до 15 мая в Венецию.

Алэк. Андр. был болен недель шесть, теперь начал выходить и принялся за работу. Меня ужасно заботит его положение; на год еще у него достанет средств, а что там будет? Бог знает. Неужели суждено его картине остаться без окончания? Эта зима у меня прошла в изучении искусств и языков, именно я ознакомился с испанским и припомнил немецкий, почти мною забытый. Чем больше я вхожу в Италию, тем больше вижу, что писать о ней нельзя иначе как в ней; книга, как отдельные предания, и то рассказанные не очевидцем. Что бы книга ни говорила, она передаст только явление, а чувство погребено в нем самом и им только пробудится. Приехавши к вам, я вам передам план моих писем, он у меня набросан. Ход Венеции написан давно, но за ее сравнение не могу приняться, потому что недостает сведений о домашней жизни Венециан, что года в полтора будет легко узнать, потому что издается весьма дельное сочинение. Дай вам бог здоровья и еще дай бог, чтоб мне летом удалось с вами увидеться и обнять вас.

Ваш Ф. Чижов

В № 11 (ноябрь) „Москвитянина“ за 1844 г. на стр. 248—250 помещено было „Письмо от Ф. В. Чижова к Г. Голубкову из Ровнонь от 4 сент. 1844 г.“

В письме этом Чижов сообщает своему адресату о прибытии в Ровнонь, ближайшую гавань к перойской церкви, пожертвований (церковной утвари и т. д.) для этой церкви, сделанных Платоном Васильевичем Голубковым и его женой Марией. В письме много внимания уделяется тому, как благодарили перойцы „доброего господина Платона“ добрую госпожу Марию“ и как в церкви священник „громогласно молил о здравьи жертвователей“.

Письмо это не предназначалось для печати и напечатание его не могло не быть неприятным Чижову.

11. Н. М. ЯЗЫКОВ — Ф. В. ЧИЖОВУ

Ваше письмо от 17/5 января причинило мне много неудовольствия—мне обидно на вас и на себя: на вас за то, что вы так сильно предаётесь духу уныния, самому злейшему из всех бесчисленных злых духов, неугомонно устремляющихся на человека во все время пребывания его на сей земле! Досадно мне и на себя, за то, что я был уверен в непоколебимости души вашей: думал, что всякие обуревания подобного рода—должны разметаться перед нею и исчезать, как снег перед лицом огня! А он—и как вам это не стыдно!...вы сомневаетесь в самом себе, и считаете себя недостойным дела, для которого вы живете, так самоотверженно которому служите, так чисто и добросовестно! Не мне одобрять вас и восстанавливать вашу деятельность: странно было бы если бы черепаха вздумала учить скороходству! Но этой черепахе, признаюсь вам, повторяю, досадно видеть, как именно тот, кому самое то поприще, для коего он себя создал, как нельзя лучше, вдруг мерещится недоступным и необещающим. Чепуха! нет, я вам не верю, я причисляю ваше уныние к припадкам меланхолии, которые пройдут сами собой, потому что они должны пройти: я не хочу, не могу разуверить себя в том, чему верил и по чувству и по сочувствию и по убеждению.

Ваши три статьи прочли мы всласть. Но, покуда еще не тешимся печатать их и не потому даже, что боимся непропущения их цензурою: у нас есть причины нелитературные приостановить их обнародование по крайней мере в первых №№ Моск. на 1844 год—когда на него смотрят в оба глаза журналисты, которым успех его, может быть, страшен, и проч. и проч.

Мне мутит душу и то, что вы пишете о болезни Ал. Андр. Неужели, в самом деле, картина его останется недоконченной. О боже, боже! Страшно что-то!..

На-днях уехал из Москвы Серг. Андр. Он очень поправился: и еще более поправится в Крейцнахе. В мае он поедет туда из Питера, а в конце июня из Крейцнаха в Италию. 1 № Москвитянина утешил всех нас православных—и обезотважил, понятно, наших противников: фюреристов, коммунистов, гегелистов и прочих таких же.

Посылаю вам давно обещанный очерк собора, сочиненного Хомяковым. Я уже, помнится, писал вам, что он тут нравится. К Алекс. Андр. пишу с сею же почтою. Гоголь собирается в Италию; но сам ничего об этом не пишет. В Венеции напишу к вам. Будьте здоровы телом, духом и всеми помышлениями.

Жму вам руку крепко накрепко.

Ваш Н. Языков

Февраль 17 дня 1845
Москва

Переписка Языкова с Чижовым полна тревоги за судьбу картины А. А. Иванова в связи с болезненностью художника. О здоровье Иванова и о его картине упоминания находим и в начале переписки (письмо Чижова от 12 ноября 1843 г.; ответ Языкова от 7 декабря), но особенно в письме Чижова от 15 января 1845 г. „Неужели суждено картине его остаться без окончания?“—беспокоится Чижов: „Языков, как мы видим по стилю: „мне мутят душу“, „о боже“ и т. д., переживает это еще эмоциональнее. Опасения их оказались неосновательны: как известно, А. А. Иванов картину свою закончил, но только через 12 лет после того как писались эти письма, т. е. в 1857 г., а в следующем году Иванов умер, успев привезти картину в Петербург и выставить в одной из зал Академии Художеств.

Состав № 1 „Москвитянина“ за 1845 г. таков: начинается он „словом на освящение храма благовещенья“, потом идет стихотворный отдел. Здесь помещены следующие произведения: 1) Подражание псалму—Н. Языкова, 2) Две повести—Жуковского, 3) А. Д. Хрипкову (послание)—Н. Языкова, 4) Море—Мих. Дмитриева, 5) Жалоба девы—Н. Берга, 6) Сержант Сурми—Н. Языкова и 7) Стансы—А. Проза состоит

из двух вещей: Отрывок из письма Жуковского (об Одиссее) и Кошней-Царевич и Булат-Молодец (Богатырская сказка); под рубрикой „Иностранная словесность“ помещена большая статья И. Киреевского „Жизнь Стефенса“; под рубриками „Науки“ и „Критики“ находим следующие статьи: 1) „Параллель русской истории с историей западных европейских государств относительно начала“—М. Погодина, 2) Письма Карамзина к Муравьеву, 3) „Обозрение современного состояния литературы“—И. Киреевского, 4) „Русские достопамятности“—критическая статья Буслаева, 5) „Публичные лекции Шевырева“—М. Погодина и 6) Отрывок из путевых записок о Черногории Ал. Попова“ и другие („О средствах к распространению библиотеки“ и т. д.).

12. Н. М. ЯЗЫКОВ—Ф. В. ЧИЖОВУ

Благодарю вас, или лучше сказать, не знаю, как мне благодарить вас за все ваши обо мне хлопоты и заботы! Я уже писал к Алекс. Андреевичу о картине, которую вы для меня заказали: я вполне рад всему, что вы положили и выбрали.

Во многих ваших письмах,—особливо же в 2 последних из Рима,—мне крайне не нравится уныние, какому вы поддаетесь и предаетесь: вы так много требуете от самого себя и так строго судите самого себя, что перед вашим судом и на месте вашего подсудимого не устоит никакая человеческая природа. Вы этак сами себя чересчур к низу гнете—и скажу вам только, вы явно упускаете из виду то, что вы непременно сделали бы, если бы меньше от себя требовали—и праведно надеялись бы на те средства, которых у вас уже довольно и предовольно: ваши силы истощаются от непускания их в ход, когда они уже готовы, и истощаются тем паче, чем более они уже готовы.

Скоро должна выйти и третья книжка Москвитянина—а еще неизвестно, передастся ли он вовсе Киреевскому: между нами будь сказано: К. слишком деликатничает с П. и вовсе неспособен делать сделки в [которых] замешан денежный расчет: в таких обстоятельствах и бойкая муха может вовсе забить нашего доблестного мыслителя. Жаль, что у меня нет средства переслать книги в Рим; жаль, что вы по сию пору не видали обновленного Москв. Вы бы порадовались ему как нельзя больше; порадовались бы как человек, как русский и как православный, короче сказать, вы бы сошлись с Кир. еще заочно так же, как вы сойдетесь с ним лично, когда в Москву приедете.

У меня есть до вас просьба: подарите мне 2 часа вашего времени напр. как в Венеции: возьмите перо и напишите статью или статейку о русских художниках в Риме 1844 года! Ваши статьи о Черногории, Истрии, Далмации—о сию пору не вошли в Москв., потому издателю его не следует вдруг—и проч. Напишите мне, когда же вы решительно явитесь к нам в Москву? Может быть, летом придется мне ехать на воды на российские—серные, за Волгу, так я бы сообразился. Но ведь вы не на несколько недель в Москву? Скоро буду писать к вам еще в Венецию. Прилагаю здесь записку о церковных книгах, которые посылаются в Триест. Подвиг Вас. Алекс. Панова—честь и слава ему.

Ваш Н. Языков

Марта 16 дня
1845

Посылка церковных книг делалась для церкви в Перее в ответ на воззвание Чижова о пожертвованиях, о чем речь была выше. К этим пожертвованиям относится и „подвиг Василия Алексеевича Панова“. Подробнее об этом см. в примечании к 15 письму о В. А. Панове.

13. Н. М. ЯЗЫКОВ—Ф. В. ЧИЖОВУ

Отвечаю на два письма ваших одним: виноват в замедлении: время таяния снегов располагает душу к бездействию, к усыплению и проч.

Я, кажется, пробуду в Москве и лето текущего 1845 года; Иноземцев не отпускает меня из-под своего медицинского надзора. Буду ждать вас сюда, ко мне, в отверстые объятия. Предупеждаю вас, что вы явитесь к нам не на мирное житие, а на войну; не обещаю вам побед и одоления, хотя и знаю и чувствую, что вы будете стараться за правду, как поборник ее крепкий и доблестный.

В прошлом письме моем, я просил вас написать мне статейку о русских художниках в Риме; но то письмо ваше, где вы говорите об архитекторах,—не обещает мне ничего такого, что бы можно было напечатать: а мне бы хотелось ее в „Москвитянин“.

О вашем намерении искать место консула в Италии—поговорим при свидании. Я вообще против вашего пребывания за границей. Вы делаете нам более пользы в Москве, (нежели там)* нежели оттуда. Заочное лечение больных редко бывает удачно. Это и естественно. Особливо когда болезнь сильно уже укоренилась в нещастном организме: тут врач необходим лично, при самой постели больного.

Когда поедете во свояси—ведь вы поедете на Вену—не забудьте побыть в Петербурге. Гоголь, как слышно, едет в Италию. Он, конечно, съедется с Алекс. Андреевичем. Мне сердечно жаль, что, по словам медиков, а я их *volens-nolens* должен слушаться, водное лечение мне не годится. Я так жажду холодного лечения, что в нем только и чаю себе спасения. Да не решаюсь.

К Алекс. Андреичу пишу. Если он решился лечиться водою, так уж пусть едет к самому Присницу: последователи его, как слышно, только портят дело.

Алек. Ник. Попова не приняли адъюнктом в Московский университет. Уродический факультет ненавидит его за его некоммунические и православные убеждения—и какие подлости и козни были употреблены против этого талантливюго юноши, чтобы удалить его из этого круга, в котором он мешал бы распространению немецкого духа. Крюков умер. Жаль! был человек, глубоко знавший свое дело—и благонамеренный. Заменить его некем; заместят его немцем, и от немецких профессоров в наших университетах, ей, ей, как от козлов—это доказано целым столетием.

Прощайте покуда.

Будьте здоровы.

Марта 29 дня
1845

Ваш Н. Языков

То, что Языков возлагал большие надежды для успеха славянофильских идей на переселение Чижова в Москву, доказывается и рядом других фактов. Когда Чижов приехал на побывку в Россию, Языков писал Гоголю: „Чижов — муж доблести великой. Он славно подялял бы московский кружок, наши души, наши нервы, если бы имел средства в Москве остаться. Он теперь прямо из славянских земель со свежими сведениями, глубокими убеждениями и притом красноречив: его можно назвать звездой Востока“ („Вестник Европы“ 1897, № 12, стр. 645 и след.).

Присниц, Винцент (1700—1851)—основатель нового водолечения. Успешность новых способов лечения доставила ему большую известность. С 1826 г. открыл водолечебное заведение.

Уродический, т. е. юридический.

Крюков, Дмитрий Львович (1809—1845). Получив домашнее воспитание, поступил в Казанский университет, который и окончил по словесному отделению. Защитил диссертацию в Дерпте и с 1835 г. был ordinарным профессором римской словесности в Московском университете. Крюков находился в дружеских отношениях с Герценом и Грановским. Как западник был для Языкова представителем враждебного лагеря. Тем интереснее сочувственный отзыв о нем как о человеке „благонамеренном“.

* Зачеркнуто.

14. Н. М. ЯЗЫКОВ — Ф. В. ЧИЖОВУ

Обнимаю и целую и благодарю вас за подарок, который вы сделали всем нам, всей Руси и особенно мне, потому, что у вас его попросил — и мне за то честь и слава. Исполню все, что вы приказываете мне сделать с этою вашею статьей по ее напечатании в Моск., и жадно жду ее окончания. С Москвитянином теперь происходит перемена: я напишу вам об ней, когда дело решится окончательно, или когда ход его установится как следует; теперь остановка, заминка, колебание, трясение. Напишу к вам в Вену или в Прагу. Я еще не успел и прочесть вашей статьи: вы пишете так мелко, на такой тонкой бумаге, что ей, ей нет возможности разбирать вас глазу непривычному, а переписываете еще мельче и тоньше. Но да не смущается сердце ваше: ни одна строчка ваша не пропадет для нас: стоит только ваши рукописи передать зоркому переписчику, потом уже... что я сделал с письмом о русских художниках.

В вашем плане вашего возвращения во свояси смущают нас слова и в Киев в сентябре: боимся как бы вы не остановились надолго, на время осени, похожей на зиму в Малороссии; напр. у Галаганов, которые вас любят и конечно ждут нетерпеливо, — но ведь и мы вас любим и ждем нетерпеливо — и ждем в Москву. Москва, как много в этом звуке! сказал Пушкин.

Попов пишет к вам. Елагин обещал сегодня же прислать мне для вас же грамотку: если я не получу ее теперь же — то на днях же все-таки перешлю в Аграм же. Я на лето переезжаю на дачу — и где буду квартировать после сентября — еще не знаю. Спросите тогда об этом у Иноземцева, который живет в Чернышевском переулке, в доме Ермолова.

На днях получил я письмо и от Ал. Андр. Иванова — радуюсь, что он-таки работает и что его картина подвигается к концу. Гоголь на осень и на зиму 1845 года, кажется, переселится в Рим. Будьте здоровы: пишите письма из славянских земель: но об этом вернее напишу к вам дня через три.

Мая 19 дня

Ваш Н. Языков

* Галаганы были для Чижова самой близкой семьей. Григорий Павлович Галаган (1819—1899) был учеником Чижова, который готовил его к поступлению в университет и позднее имел на него большое влияние. Когда по смерти сына Галаган основал „Коллегию Павла Галагана“, проект этого учебного заведения внушен был ему Чижовым.

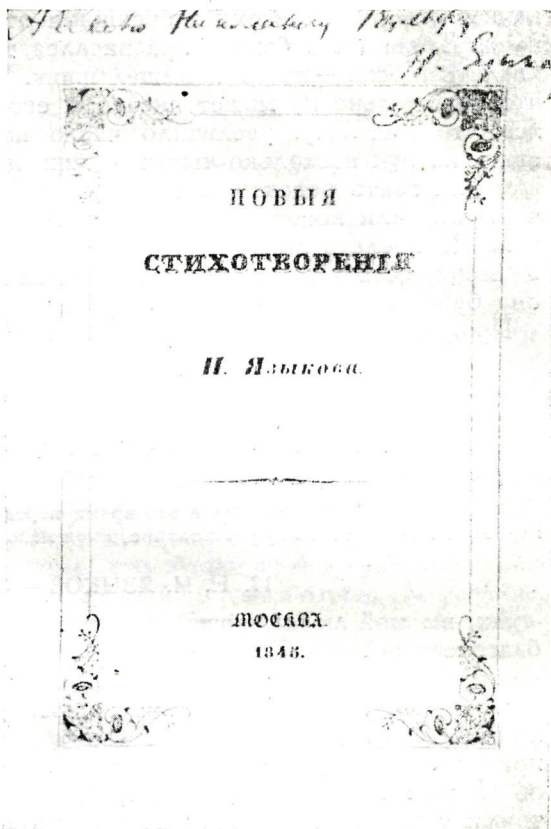
15. Н. М. ЯЗЫКОВ — Ф. В. ЧИЖОВУ

Вчера прочел я ваше письмо о русских художниках в Риме и снова благодарю и благодарю за прекрасный подарок всем нам. Нетерпеливо ждем окончания. Я предвижу и предчувствую, что вы скажете о различии картины от образа или иконы — и наверное обещаю себе и всем и каждому русскому — много и премного дельного и утешительного — для врагов наших поразительного и одолевающего.

Посылаю вам две грамотки: одна Вас. Ал. Елагина, другая В. А. Панова. Они составили их по моему настоянию и по своей уверенности в вашей доблести, на которую все мы, сколько нас ни есть, надеемся крепко. Ожидаю ее в Москву и чаю в ней может быть и спасений многому гибнущему и поддержки не смело восстающему и пробуждения сонному и толковения утешающему и границы — бестолково вперед сующемуся, или далеко забегающему.

О Москвитянине напишу: его судьба, кажется, переменится, если уж не падет он вовсе. Идут у нас толки, съезды, а толку нет; и все расстроены. Не знаю, что будет.

ЭКЗЕМПЛЯР „НОВЫХ СТИХОТВОРЕНИЙ“ ЯЗЫКОВА С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ АВТОРА А. Н. ВУЛЬФУ
Институт Русской Литературы, Ленинград

Как жаль, что нет у меня способа посылать книги в Рим: я бы послал Ал. Ан. Памятники Московской Древности: прелесть и славность.

Прощайте покуда, будьте здоровы—хоть изредка пишите с дороги к нам.

Ваш Н. Языков

Мая 2 дня 1845

Панов, Василий Алексеевич (1819—1849). Окончил курс в Московском университете по филологическому факультету. Сопровождал Гоголя в его втором путешествии за границу. В 1842 г. посетил славянские земли (Далмация, Черногория) и в 1844 г., уже по возвращении в Москву, издал брошюру „Путешествие по землям западных и южных славян“. Доход с брошюры должен был идти на приобретение церковной утвари и богослужебных книг для бедных церквей в Далмации; другими словами, Панов откликнулся на призыв Чижова. Этот поступок Чижов и называет „подвигом“. Панов же был редактором „Московских Сборников“ 1846 и 1847 гг.

Издание, которое так нравилось Языкову, — „Памятники московской древности с приложением очерка монументальной истории Москвы и древних видов и планов древней столицы — сочинение Ив. Снегирева, с 3 планами и 23 картинками, по рисункам академика Солнцева, отпечатанными красками и 18 гравюрованными и литографированными рисунками. Издание Августа Семена. Москва 1842—1845“. Главное внимание в этой книге уделено соборам, древним церквям и монастырям.

16. Н. М. ЯЗЫКОВ — Ф. В. ЧИЖОВУ

Я не знаю, что мне делать с вашею прекрасною статьею о русских художниках в Риме. И. В. Киреевский отказался от участия в Москвитянине—и так Погодин снова будет главным его двигателем и снова

начнет его ронять всеми зависящими от него средствами. Такая судьба наша. Только что было К. расписался, только что было публика начала хвалить Москв.—хвать и вышел пшик. К. так расстроил свое здоровье, что решительно не может писать, а его заменить некем. Погодин, радуясь, что имя Кир. увеличило число подписчиков,—не решился выпустить из рук несколько тысяч чужих денег—чтобы платить сотрудникам или взять редактора. Подожду до осени, т. е. до вашего приезда в Москву или нового года, подумаем, нельзя ли основать новый журнал. Не послать ли вашу статью в Современник? Этот журнал чистый. У [меня] есть мысль: издать Альманах на новый год. И в Альманахе она будет еще важнее, чем в журнале.

Прощайте покуда. Напишу к вам в Прагу или в Вену.

Ваш Н. Языков

Мая 31 дня 1845

Москва

Письма ко мне надписывайте: в Москву в дом Хомякова, на Кузнецком мосту.

„Современник“ еще не был в это время передан Некрасову и под редакцией П. А. Плетнева влачил тихое существование, имея мало подписчиков.

17. Н. М. ЯЗЫКОВ — Ф. В. ЧИЖОВУ

Ах, вы мой любезнейший, почтеннейший, неутомимейший, добрейший, благочестивейший Федор Васильевич, муж не нашего малодушного времени! Как мне благодарить вас за все, что вы делаете для нас, для наших и для меня многогрешного. Прекрасную статью вашу о русских художниках в Риме я не даю в Москвитянине (с него довольно и предовольно и трех, давно уже у меня находящихся, т. е. о Черногории, об Истрии и о Далмации), а помещаю ее в Московский Альманах, который у нас составляется и в котором будут участвовать решительно одни наши: его затевает Панов—юноша доблей—и предлагает издавать 4 карманных книжки в год. Можно и должно надеяться, что это дело удастся—а оно же необходимо, когда Москвитянин остался опять в руках у Погодина. Следственно много добрых молодцов, ревностно трудившихся для Киреевского, осталось, так сказать, без приюта. Ваши пункты для будущего нашего журнала я послал к Хомякову—мне они кажутся очень согласными с требованиями дела, и мы постараемся исполнить ваши указания. Сердечно жаль, что вы не будете в Москве прежде декабря 1845: многое нужно бы переговорить, перетолковать именно лично, именно с вами: во-первых, не все попадает, что думается, не все и идет на почтовую бумагу. Я уверен, что водное лечение вам поможет: оно верное средство от ревматизма, который вы получили, конечно, во время ваших путешествий или паче пешешествий. Вылечивайтесь хорошенько единойжды навсегда, исправьтесь крепко на крепко, а не то, поправившись только на живую нитку, вы после разнеможетесь сильнее и будет труднее паки и паки лечиться. О книгах для загребских славян хлопочем: скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается: особенно же у нас и у меня. Скоро буду еще писать к вам и Попов тоже: он пошел в Троицко-Сергиевскую лавру и возвратится дней через десять.

Вышла очень дельная книжка: о иконописании: сочиненная, как слышно, каким-то Архиереем. Я пошлю ее Ал. Андр. Иванову.

Будьте же здоровы.

Ваш Н. Языков

Июня 2 дня 1845

Москва

Альманах, о котором говорит здесь Языков, осуществлен был в другой форме. Речь идет о предприятии, которое выразилось в издании не карманных альманахов по четыре книжки в год, а двух „Московских Сборников“, вышедших в 1846 и 1847 гг.

18. Н. М. ЯЗЫКОВ—Ф. В. ЧИЖОВУ

Отвечаю на ваше письмо из Загреба. Мне казалось и кажется о сию пору странно, непонятною и даже досадною решимость Пименова сочинять не только историческую картину, но и барельефы из Русской истории, живя во Флоренции и не зная и не видав или не видя Москвы. Шевырев послал уже и пошлет ему еще многое, для него нужное, и я остаюсь при своем мнении, что не подобает истинному таланту поступать с отечественною стариною так легкомысленно и неуважительно и недостойно, хотя бы заказ был самый казеннейший: девизом истинного таланта да будут, надеюсь, слова вырезанные на мече Давмонта, князя Псковского: *Honorem meum nemini dabo*—*

Не правда ли?

Слава богу, и особенно слава Русскому Богу, если Ал. Андр. Иванов получил пенсион на окончание его картины. Какой ангел божий ходатайствовал за него у Престола? Сердечно радуюсь за него и за вас и за всех русских. Радуюсь еще и тому, что я-таки нашел средство переслать в Рим памятники московской древности. Я уверен, что наш Ал. Андр. будет в восторге от этой книги, делающей честь нашему времени. Она пойдет сначала в Варшаву к кн. Волконскому, из Варшавы к матери этого князя, к известной Зинаиде, через Вену в Рим— и т. д. до студии А. А.

Не думайте, ради бога, чтобы то ваше письмо, которое я назвал грозным, было мне хоть мало-мальски не по сердцу: но снова уверяю вас, что мы не виноваты в том, что вам об нас кажется. При свидании объяснится многое, многое, все, все. Повторяю теперь только то, что я уже конечно писал к вам, т. е. что я вовсе не верю тому, что во мне само о самом себе говорит. Как быть? Таковое мое убеждение—и, кажется, не вам поколебать его. Перестаньте же хандрить—и в вас снова явится бодрость сильная и благая и действенная: именно та, которой сосудом я вас почитаю, чистой, православной, русской. Ждем вас в Москву. У меня не достало бы ругательных слов описать вам все гнусности и подлости, какие печатаются об нас в От. Зап. Надобно основать в Москве новый журнал—хоть 1846 года; попытка поднять Москвитянин не удалась не по недостатку готовых сотрудников, а главнейше по болезни И. В. К. Он принялся за дело слишком ревностно и надорвал себя крайне. Разумеется, что в причинах этой неудачи есть и другие, хотя мелочные—но они до будущего года неустраимы. О русских книгах для пересылки в Загреб хлопочем. Будьте здоровы.

Ваш Н. Языков

Июня 11 дня 1845.

Москва

Волконская, кн., Зинаида Александровна (1792—1862)—писательница, в 20-х годах имевшая у себя в доме литературный салон; в 1829 г. уехала навсегда из России. Сын ее Александр Никитич Волконский (1811—1878) в 1845 г. жил в Варшаве.

19. Ф. В. ЧИЖОВ—Н. М. ЯЗЫКОВУ

Белград, 3/15 Июля 1845

Последнее письмо ваше, Николай Михайлович, было для меня так неприятно, как я и сказать вам не сумею. Оно было вложено в другое, которое меня било лично, но там меня спасла уверенность в моей чи-

* Чести моей никому не отдам.

стоте.—Теперь к вашему письму. Припомните ту мою писульку, что вы звали грозною, вспомните теперь все и скажите, не совершенно ли я прав? Если бы мне случилось прежде быть знакомому с Киреевским, я уверен, что этого бы не случилось, потому что он имел бы более веры к словам моим. Ну, это сделалось. Как поправить? Прежде всего того же, чего вы требовали от меня—бодрости духа. Ради бога, не падайте, особенно теперь, когда нам необходимо быть деятельными. Я думал вам передать подробности всех моих предначертаний; но знаете ли? Неприятно когда почти делаются известные все семейные дела, а почта под предлогом осматривания нет ли вещей, могущих перенести чуму, раскрывает все письма. Я буду ждать от вас известия в Вене, а потом буду писать уже из пределов России и там изложу все подробно, что и как думаю. Только ради бога, и вы обдумывайте в тиши и готовьтесь на некоторые пожертвования, без них ничего нельзя учредить. У нас одно должно быть основою: доступная нам, каждому в своей степени, чистота намерений. Пока будем заботиться о тысячах, до тех пор все будет мерзко и лучше не приниматься за дело, нежели собственными руками осквернять его святость. Моего положения всего вы не знаете; я его передам вам из России. Заметьте даже не мудрено, что прибегну к просьбе о временной помощи, но все это совершенно просто и открыто изложу после. Предупрежу об одном, что, приехавши в Москву, приючусь где-нибудь в тиши, потому что останавливаться у моих близких прежних знакомых, значит отдать себя висту и визитам, а и то и другое теперь мне давно уже чуждо. Если бы не нравственная сильная разладица, путешествие мое было бы приятно: пожалуста поддержите нравственно друг друга, мне нужна такая поддержка.

Конец письма об русских художниках пошлется к вам на днях: где его напечатать? где хотите. Мне казалось бы лучше в Петербургских ведомостях. Перед вами мне нечего скрывать, что не получая больше году ни грошу, я сильно запутался, о чем буду писать после, и лишние 300 рублей мне были бы так не лишними, как нельзя больше. Мне стыдно писать об этом,—если бы вы могли войти в мой быт, вы бы поняли, как доходят такие строки до сердца, когда вынужден их писать. Признаюсь, теперь труднее оканчивать письмо, когда не знаешь, какая будет его участь, оно писалось из прямого убеждения, впрочем иначе я писать не умею. Если придется быть нищим, я возьму суму, но убеждения моего не продам, даже тени его. В самых первых числах августа я буду в Вене, продавшись прежде с Колларом, Штуром и другими славянскими писателями и пр. Как я теперь благодарю судьбу, выведшую Гоголя из крайности,—стыдно, а как она приступит к горлу, и когда приступит к человеку беспечному, наделаешь глупостей. Так со мной и случилось. Как досадно, что через Бухарест почта идет с лишком месяц, а я думал вам писать много. На это письмо смотрите, как на мимоходное посещение, в котором мне нужен был только дружеский взгляд ваш. Прощайте, обнимаю вас и прошу в Вену писать побольше, если можно, и поразборчивее. Поддерживайте и сохраняйте Киреевского. Эта неудача не должна заставить оставить все и не может быть причиною упадка духа, тут просто был нерассчитанный ранний порыв: кто же не ошибается в расчетах? Мне всегда одно представляется: Христос пал под крестом и взял в помощь Симона Аримомфеянина, к чему нам иметь такую гордость, что мы не можем падать? Дай бог, чтобы все вы сохраняли свои силы; наша деятельность чиста (?) по намерению, не может быть чтобы бог не благословил ее успехом. Только одного я боюсь в Москве—лени. С нею трудно справиться; позывы одного, двух могут надорвать их, нужна в труде правильность, нужно

спокойствие и обдуманность, иначе все пойдет как попало. Еще одно, обратите внимание; разочтите мне, что в Москве стоит печатный лист журнала, набор и тисканье, потом какая цена бумаги. Мне все это нужно, потому что письмо к вам должно быть полное и отчетливое. Нам нельзя делать на авось: пора авось прошла. Нашим, то-есть Ал. Ник. Попову, В. К. Елагину по низкому поклону. Я не пишу Х...

Душою ваш Чижов

О письме русских художников позаботьтесь; помните, что оно нужно для многих из них, что вы увидите из содержания. Если найдете, что не делает впечатления, распоряжаясь по моей просьбе, то-есть всюду разошля, тогда распорядитесь, как знаете. Не напечатать ли в Московских Ведомостях или в журнале Министерства народного просвещения? Вы знаете, только не откладывайте и сохраните у себя подлинник на случай. Адрес к Очкину издателю Петерб. Введ. Алексею (?) Николаевичу Очкину, на Васильевском острове в 7-й линии в доме Академии Наук. Его же можно попросить, или прямо адресовать в случае нужды в Редакцию журнала Министерства Народного Просвещения. Простите, что такую неопределенностью просьбы ставлю вас в раздумье,—нельзя же, Николай Михайлович, не попросить руки помощи, моя голова теперь не думает; много, ужасно много близкого, сильно устает, тем более, что мало предвидет отрадного. Помните еще одно, что Алекс. Андр. оказана малая временная помощь,—картина его (между нами) ранее трех лет никаким образом не может быть кончена.

На обороте: Belgrad* 18 Iuli. Nach Moscau in Russland.

Его Высокоблагородию Николаю Михайловичу Языкову.

В Москве. У Кузнецкого моста в доме Хомякова. Bis zur Gränz**.

Коллар, Ян (1793—1852) — чешский поэт, родоначальник панславизма в чешской поэзии. В своей поэме „Дочь славы“ пропагандировал идею славянского объединения.

Штур, Людовик (1815—1856) — словацкий и чешский писатель, в 1845 г. издавал газету „Slovenske narodnie Novini“, где защищал права словаков против притязания мадьяр.

20. Н. М. ЯЗЫКОВ — Ф. В. ЧИЖОВУ

Слава богу и вам слава, что вы благополучно возвратились из чужбины и Неметчины в родную землю на святую Русь и во свояси. Жду вас в Москву и проч и проч.

Три статьи ваши на днях же отправлю к вам. Одна из них была напечатана—эту пришлю не в рукописи—две остальных едва едва ушли от неловких объятий Москвитянина. Жаль, что вы не читали трех первых номеров Москв. на 1845 год: я пришлю вам их, если только найдутся они у меня в теперешнем неразобранном состоянии книг моих: я только что переехал на новую квартиру.

О вашем плане пишет вам А. Н. Попов. Он это дело знает лучше меня и замечания его на ваши планы показались мне дельными. Погодин, кажется, будет издавать Москв. и в 1846 году. Он не робеет и держится сколько сил есть.

Прощайте покуда. Будьте здоровы.

С будущею почтою напишу к вам больше.

Сентября 20 дня
1845

Ваш Н. Языков

Мой адрес: на Пречистенку. К Троице во Зубове, в дом Наумовой.

* Почт. штемпель. Этот адрес перечеркнут накрест и на обороте сложенного письма написан другой: „в Петропавловском Парке на Башиловской улице дача г. Писаревой“.

** Почтовая отметка.

В двойном номере „Москвитянина“ за 1845 г., № 7—8 (июль и август) на стр. 1—46 были напечатаны за подписью Чижова „Отрывки из дневника записок во время путешествия по Далмации в 1843 году“.

Языков, как видно из его письма от 2 июня 1845 г., предполагал ранее дать в „Москвитянин“ еще два отрывка из „Записок“ Чижова о Черногории и об Истрии, но отказался от своего намерения, когда редакторство „Москвитянина“ перешло от Киреевского к прежнему редактору — Погодину.

21. Н. М. ЯЗЫКОВ — Ф. В. ЧИЖОВУ

Посылаю вам почти все, что вы теперь получить от меня жаждете — и сверх того посылаю и новые мои стихотворения — которые прошу вас принять благосклонно. Вы утешите всех нас и всех наших, если явитесь в Москву издавать журнал, он несомненно пойдет хорошо, если не с первого года, то наверное, что дальше, то ходче и тем паче и паче — и еще тем паче, что гр. Строгонов с будущего года воздвигает, в Москве же, новый свой журнал, т. е. журнал в духе новейшего направления, модного развития и прогресса. Всего этого — вам бояться нечего — и потому, что вы будете отстаивать истину... православие и будете воевать против врагов отечества, и потому еще вашими противниками будут люди бестолковые, живущие и движущиеся только своими или чужими берлинскими тетрадами и люди, которые по-русски пишут курам на смех.

Вашу статью об Истрии прислалю вам — печатную: она помещена в Москвитянина — помещена вся вполне: — теперь собираю №№ Москвитянина, растасканные у меня приятелями. Статью Панова (вы пишете Панаев) прислалю вместе с ними.

В книге *Les Musées d'Allemagne et de Russie* сказано: Parmi les sujets historiques, on peut remarquer un épisode du siège de Kiew, en 933, par André Ivanoff, qui semble un élève faible de David, et un Noli me tangere en grandes proportions, de M. Alexandre Ivanoff, fils du précédent, qui a aussi le style froid et guindé de notre école actuelle academique*. Ke ce ke ce ля?

Эта книга вышла в 1844 г. в Париже и сочинена par Louis Viardot, мужем славной певицы.

Гоголь поехал на зиму в Рим, — он лечится холодною водою у самого ее чудадея и пишет, что освежился.

Прощайте покуда. Будьте здоровы.

Ваш Н. Языков

Сентября 28 дня
1845

Вы были в Киеве: познакомились ли вы с М. А. Максимовичем? Ваш знакомый славянин Василий Елагин женится. Попор собирается в Питер на службу.

Речь идет о книге стихов, вышедшей под заглавием „Новые стихотворения Н. Языкова“. М., 1845 (332 + IV стр.).

Строгонов, Сергей Григорьевич, граф (1794 — 1882) в продолжение 12 лет — с 1853 по 1847 г. — был попечителем Московского учебного округа. При нем Московский университет пережил эпоху процветания.

Мысль о том, чтобы Ф. Чижов стал во главе журнала, была у Языкова очень упорна. Об этом см. в „Дневнике Елиз. Ив. Поповой“. СПб., 1911, стр. 36 — 37.

Максимович, Михаил Александрович (1804 — 1873) — этнограф-историк, с 1840 по 1850 г. издавал в Киеве „Киевлянин“.

Василий Алексеевич Елагин женился 14 янв. 1846 г. на Екатерине Ивановне Мойер.

* „Среди сюжетов исторических обращает на себя внимание „Эпизод из осады Киева в 933 г.“ Андрея Иванова, бледного подражателя Давида, и Noli me tangere (не тронь меня) больших размеров, работы Александра Иванова, сына предыдущего, у которого также холодный и жеманный стиль нашей академической школы“.